

ПИСЬМА к М. К. РЕЙХЕЛЬ

1850—1852 гг.

Публикация Н. Андиферова

«Письма — больше, чем воспоминания:
на них запеклась кровь событий, это — само прош-
дшее, как оно было, задержанное и нетленное».

А. Герцен (XII, 306)

1

Публикуемые письма адресованы Марии Каспаровне Рейхель, рожд. Эрн (1823—1916), ближайшему, после Огарева, другу Герцена и всей его семьи. Письма относятся к тем годам, когда Герцен переживал глубокий идеологический кризис, вызванный поражением революции 1848 года. Автор книги «С того берега» подвел итог событиям, потрясшим Западную Европу, — итог этот был полон горьких скептических раздумий. «Иностранцем своего времени» почувствовал себя Герцен в пору всевропейской реакции. «Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848-го года, — указывал Ленин, — был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще* не созрела» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 10).

В те же годы Герцен пережил и семейную драму, осмысленную им в тесной связи «частного» с «общим». Во вступлении к части пятой своих знаменитых мемуаров Герцен писал: «„Былое и думы“ — не историческая монография, а отражение истории в человеке, *случайно* попавшемся на ее дороге» (XIII, 283). Такое понимание личной судьбы, распространявшееся и на пережитую семейную драму, — характерная особенность герценовского отношения к жизни. Идейному росту Герцена содействовало не только то, что он глубоко пережил крупнейшие революционные события своего времени, не только неустанные и зоркие наблюдения над социальным укладом окружавшей его действительности, но и события частные, личные: в своей семейной драме он обвинил тот несправедливый общественный строй, с которым боролся всю жизнь.

Публикуемые письма — новое свидетельство духовной силы Герцена: из семейной драмы он вышел не ослабленным, а окрепшим. В самые тяжкие дни он сохранял интерес к общественной жизни, продолжал литературные труды. Он просит свою корреспондентку прислать ему брошюру Мишле о России и Польше (письмо от 14 декабря 1851 г.), с огромной силой гнева и негодования откликается на государственный переворот Луи Бонапарта (письмо от 8 декабря 1851 г.), делится с Рейхель впечатлениями о «Несторе всех социалистов» — Оуэне (письмо от 14 сентября <1852 г.>), сообщает о своих политических спорах с Карлейлем (письмо от 23 декабря 1852 г.).

Из всего пережитого Герцен выходит победителем. Вот итог, подведенный им самим: «Я переболел эту эпоху и, разумеется, по самому этому закалился» (VII, 17; курсив наш. — Н. А.). Годы, следовавшие за преодоленным кризисом, были годами расцвета всех творческих сил Герцена. Автор книги «С того берега» приступает к созданию величайшего из своих произведений — «Былого и дум» и к устройству «Вольной русской типографии». Глубокая вера в величие исторических судеб России

спасла Герцена от пессимизма. Правда, залог социалистического переустройства мира он ошибочно увидел в общинном строе русского крестьянства; к преодолению новых, порожденных этой ошибкой иллюзий он подошел только в конце жизни, обратив свои взоры на «мир рабочий, сплоченный между собой» (XXI, 439), но в тот период, о котором сейчас идет речь, спасением от пессимизма, от отчаяния явилась *непоколебимая вера в великое историческое призвание русского народа*. В публикуемых ныне письмах, как и во всем творчестве Герцена, ярко отразился патриотизм Герцена-революционера. Любовь к родине, постоянная память о ней помогли ему преодолеть тяжелый душевный кризис. 26 марта 1852 г., после свидания с приехавшими из России Станкевичами, он пишет: «Стан<кевич> были и очень, очень освежили меня; мне русский дух необходим <...> Ах, если б этак на недельку дернуть!» (VII, 23). Чтобы воспитать детей в русской традиции, он хочет поручить их М. К. Рейхель: «...вы сделаете из детей русских», «Я вам завещаю развить в них сильную любовь к России» (письмо от 2 июля 1852 г.). «С какой нежностью вспоминаю я эти русские картины!» — восклицает Герцен в письме от 1 октября 1852 г., обращаясь к образам прошлого. «Так живо перед глазами зеленый лес и староста Василий Яковлевич...». Нерасторжимая связь с родиной, с русским народом была глубоко осознана Герценом в трудные дни семейных потерь.

2

Публикуемые письма служат ценным дополнением к части пятой «Былого и дум», посвященной описанию семейной драмы Герцена. В своей совокупности они дают ясное представление о том, как зарождался этот труд, которому сам автор придавал особое значение. Некоторые из публикуемых писем — своего рода черновые наброски к части пятой (см., например, письмо от 30 июня 1852 г.). Особая биографическая ценность этих писем заключается в том, что они лишены какой бы то ни было литературной обработки; они представляют собой непосредственное отражение дум и переживаний Герцена в пору труднейших личных испытаний.

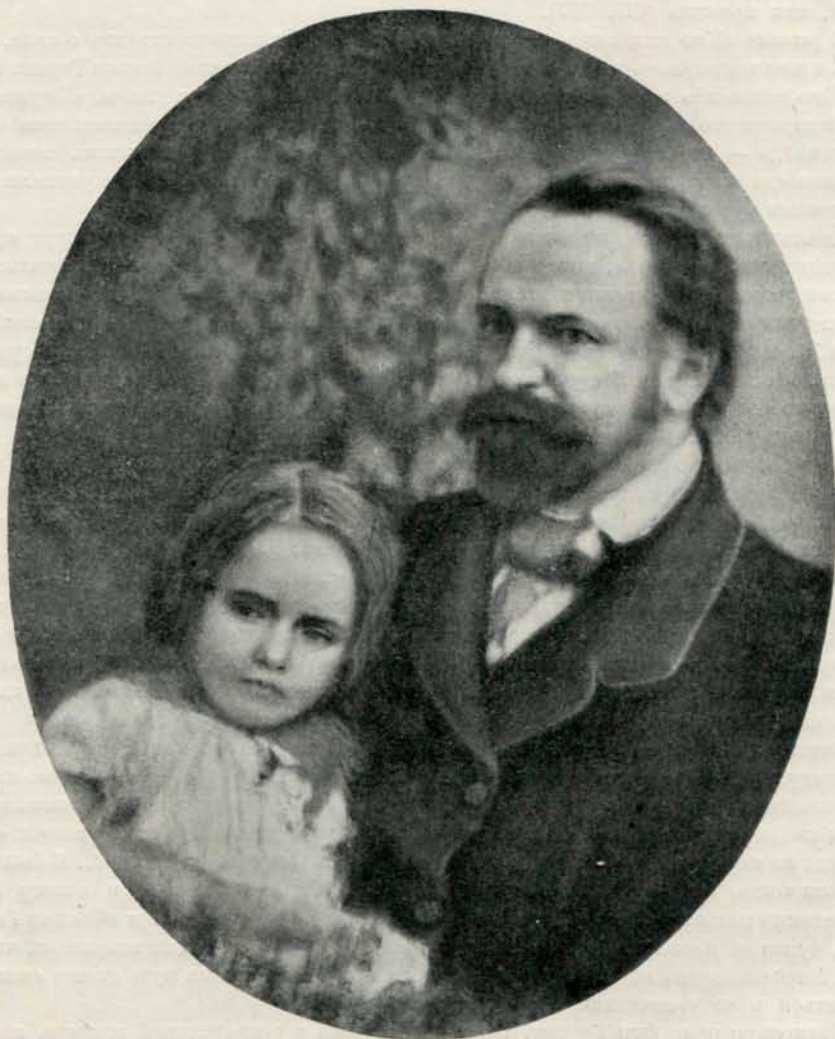
В публикуемых письмах запечатлена преимущественно частная жизнь Герцена. Однако они имеют большой *общественный* интерес — и не только потому, что все, связанное с жизнью этого замечательного русского человека, драгоценно для нас, но, главным образом, потому, что в сознании Герцена, как уже было отмечено, «общее» и «частное» неразрывно связано одно с другим. Пережив гибель матери и сына, утонувших в море, переживая крушение семьи, он, узнав о государственном перевороте во Франции, писал М. К. Рейхель: «...уже не семья, а целая страна идет ко дну, и с ней, может быть, век, в который мы живем» (письмо от 8 декабря 1851 г.). «Общее, частное, — все несло куда-то в пропасть, — читаем мы в «Былом и думах», — и так уж далеко ушло под гору, что ни остановить, ни изменить нельзя было; приходилось ждать тупо, страдательно, когда все сорвавшееся с рельс полетит в тьму» (XIII, 542).

Ту же мысль выразила и жена Герцена, Наталья Александровна, в письме к Н. А. Тучковской-Огаревой от 27 января 1849 г.: «Что личное счастье, богатство, истина жизни — личной, ведь общее, как воздух, обхватывает тебя, а этот воздух исполнен только предсмертным, заразительным дыханием» («Русские пропилеи», т. I. М., 1915, стр. 262).

В «Былом и думах» содержатся такие строки: «Мы знаем гуртовые события, а не судьбы лиц, находившихся в прямой зависимости от них и в которых без видимого шума ломилась жизни и гибли в столкновениях, кровь заменялась слезами, опустошенные города — разрушенными семьями, поля сражений — забытыми могилами» (XIII, 498; курсив наш. — Н. А.). Эти строки могут служить эпиграфом к публикуемым письмам. Ограничимся еще одной выдержкой: Герцен утверждал, что его семейный очаг опустел, «раздавленный при встрече двух мировых колес истории» (там же).

Говоря о двух мирах, Герцен имел в виду Россию и Западную Европу. Россия представлялась ему полной «дремлющих сил» (XIII, 497), а себя он осмыслял, находясь за рубежом, как ее представителя среди «старого, классического, образованного, но растленного и отжившего» буржуазного общества Запада (там же). Для Герцена вся растленность этого общества как бы воплотилась в личности виновника его семейной драмы — немецкого поэта Георга Гервега.

Размышляя о своей эпохе, Герцен часто обращался к образной аналогии с концом древнего мира, когда из лесов вышли варвары — носители новых исторических сил, чтобы сокрушить одряхлевшую рабовладельческую Римскую империю. Рассматривая свою семейную драму как результат «встречи двух мировых колес истории» (XIII, 498), Герцен видел в себе «варвара, осмелившегося быть свободным человеком между

ГЕРЦЕН С ДОЧЕРЬЮ ТАТОЙ

Дагерротип начала 1850-х гг.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

крамольными холопами Запада» (письмо от 30 июня 1852 г.), а в своем противнике — личность, в которой «точно сосредоточилась вся испорченность старого мира» (VII, 136). Во враге, «разбившем» его жизнь, Герцен видел типичного представителя западного мещанства, воплощенного Ж. Санд в образе Ораса, в себе — «степняка», «раненого медведя», оглушенного ударом, «который ревет и взмывает землю» (XIII, 499).

Стремясь «проникнуть мыслью в событие», Герцен вернулся к идеям своей статьи 1843 г. «По поводу одной драмы». В статье этой он писал:

«Частная жизнь, не знающая ничего за порогом своего дома, как бы она ни устроилась, бедна; она похожа на обработанный сад, благоухающий цветами, вычищенный и прибранный. Сад этот может долго утешать хозяев <...>, но случись ураган, — он вырвет деревья с корнями и затопит цветы, и сад будет хуже всякого дикого места. Таким хрупким счастьем человек не может быть счастлив; ему надобен бесконечный океан, который волнуется ураганами, но через несколько мгновений бывает гладок и светел, как прежде» (III, 257).

В романе «Кто виноват?» Герцен показал всю беззащитность этого сада, когда жизнь в нем замкнулась в себе самой. В трудные дни своей личной жизни Герцен вспомнил «Кто виноват?» и перечитал журнал Любеньки и последние главы. «Неужели это было пророчество моей судьбы так, как дуэль Онегина была предвещанием судьбы Пушкина?...» — спрашивал он себя (XIII, 519). И хотя семейная жизнь самого Герцена никогда не была «ограничена домашним кругом», но и она не устояла перед налетевшим «ураганом».

Анализируя корни пережитой им семейной драмы, Герцен подверг критике те представления о любви, которые были характерны для романтиков тридцатых и сороковых годов. В «Раздумиях по поводу затронутых вопросов» Герцен, полемизируя с реакционными взглядами Прудона на семью, писал по поводу проповеди свободной любви Ж. Санд: «Вчерашние рабы брака идут в рабство любви. На любовь суда нет, против нее сил нет <...> Я отрицаю то царственное место, которое дают любви в жизни, я отрицаю ее самодержавную власть и протестую против слабодушного оправдания увлечением» (XIII, 470).

Но протестуя против «рабства любви», Герцен в то же время признавал за ней огромную духовную силу. Освобожденная от юношеской экзальтации, любовь его к Наталье Александровне неколебимо прошла через все испытания. Наталья Александровна навсегда осталась для Герцена «единственным эженским образом» (XII, 202) на его жизненном пути. Он писал, что их взаимная любовь «вела» их «через всю жизнь» (VII, 41). После посещения могилы Натальи Александровны 21 сентября 1863 г. Герцен занес в дневник: «Каменное молчание и легкий шелест кипарисов мне были странны и чужды. Она не тут; здесь ее нет, — она жива во мне» (XIII, 571). Чтить ее память Герцен научил и детей. Сила любви к Наталье Александровне объясняет и глубину отчуждения Герцена, которым полны письма, повествующие о семейной драме.

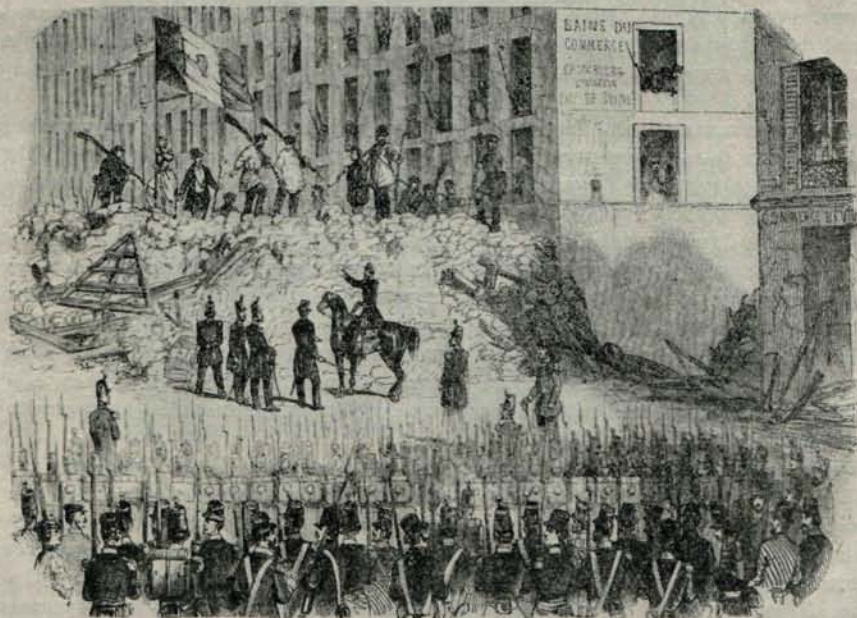
Вместе с мотивом любви к жене через все эти письма проходит мотив ненависти к Гервегу. Но не самое увлечение Натальи Александровны Гервегом, как оно ни было мучительно для Герцена, породило в нем ненависть к бывшему другу. Вспоминая свой отъезд из Цюриха в конце 1849 г. и свое прощание с Гервегом, Герцен писал: «Зачем он тогда не нашел силы прямо и открыто рассказать мне свою исповедь?.. Я был мягко настроен тогда, все бы пошло человечески» (XIII, 514). Ко лжи и обману Гервег присоединил клевету. Нарушив тайну семейной драмы друга, Гервег обвинял Герцена в том, будто он насильно держит жену при себе, и уверял общих знакомых, что Наталья Александровна обещала последовать за ним, как только муж станет спокойнее относиться к ее увлечению.

Насколько прав был Герцен, обвиняя Гервега в сознательной клевете, явствует из недавно обнаруженного письма Натальи Александровны к Гервегу, написанного после его изгнания из дома Герцена: «Я буду любить мою семью до тех пор, пока будет хоть сколько-нибудь любви в моем сердце <...> это моя природа; я люблю безумно <...> я живу жизнью моих детей. Я как бы слежу за каждым их движением даже когда я не вижу их; быть чем-нибудь для них, сделать их жизнь хоть немного более прекрасной — для меня невыразимое счастье. Я держусь за это всеми фибрами моего существа. Потом я знаю, что я для Александра» (Е. С а г г. The romantic exiles. L., 1933, стр. 85; письмо без даты). В этом признании Натальи Александровны, сделанном ею Гервегу в ту пору, когда ее увлечение еще не прошло, выражена такая сила любви к семье, которая исключает всякую возможность разрыва. Это — мотивировка отказа следовать за Гервегом. В следующем письме Натальей Александровной высказано глубокое раскаяние, о котором Герцен рассказал в главе «Осаяно пох» («Ночь на океане»). Она писала: «Все, что было в Александре жизнерадостного, беззаботного, детского,

Ab. pour les dép. — 2 ans, 1 fr. — 6 mois, 17 fr. — 1 an, 22 fr.
Ab. pour l'étranger, — 10 fr. — 20 fr. — 40 fr.

Inventories de 1910

Some persons have wrongly applied to the example, and the numbers, which are given in the table, and which are the result of the comparison of the number of publications, the principal journals of the French literature and the extent of the population. The number of the French population is 36,000,000. The number of the population of the United States is 3,000,000.

[illegible]

Le général Zamora et le général Espal, à la tête d'un détachement de 11e ligne et de la 2e compagnie du 4e bataillon de la 2e ligne commandés par les capitaines Ouellet et Poirier, participant avec les troupes de la garnison de la caserne du Fort de la Chapelle Saint-Martin.

«L'Illustration» от 8 июля 1848 г.

«...на всех переулках и улицах строились баррикады. Я, как теперь, вижу эти сумрачные лица, таскавшие камни... На одну баррикаду... взвился молодой политехник, водрузил знамя и запел тихим, печально торжественным голосом Марсельезу; все работавшие запели...» («С того берега», гл. «После грозы»)

я сняла с него, как кожу, и оставила его обнаженным и кровоточащим. Я боюсь самого моего дыхания, трогаящего его <...>, как будто я лью яд на его рану» (там же, стр. 92; письмо без даты) *.

Но разглашенная тайна и возмутительная клевета еще не побудили Герцена обратиться к суду чести. Он молчал.

Гервег начал преследовать Наталью Александровну, угрожая убийством и самоубийством, и кончил тем, что послал Герцену «письмо грязное, отвратительное своим цинизмом, полное доносов на N<atalie> и разоблачений, которым даже названия нельзя найти» (VII, 39). На обороте конверта стояла надпись — «Дело честного вызова», заставившая Герцена прочесть письмо. Это письмо было написано Гервегом вскоре после катастрофы, постигшей семью Герцена (гибель в море его матери и сына Коли), сейчас же после начала болезни Натальи Александровны, болезни, которую врачи признали смертельной.

Гервег послал жену в Ниццу, поручив ей изобразить перед Герценом все происшедшее в самом оскорбительном для Натальи Александровны виде. Вместе с тем Гервег всячески добивался того, чтобы сбросить Герцена «с высоты», на которую его поставила любовь Natalie (XIII, 544). Эмма Гервег показывала К. Фогту письма мужа, с тем, чтобы тот передал их содержание Герцену: получить возможность лично беседовать с Герценом она уже не рассчитывала. В одном из писем к жене Гервег грозил сделать «позор» Герцена достоянием общества.

Герцен сознавал, что отказом от дуэли рискует собственной честью, так как «феодальный поединок стоит твердо в новом обществе» (XIII, 545). В письме к Гаугу он писал: «Я очень хорошо знал, с каким могучим и неумолимым чудовищем я вступаю в бой» (VII, 40).

Причины отказа от дуэли Герцен формулировал в своем «Призыве к братьям демократам»: «Дуэль — не искупление и не кара. Дуэль — удовлетворение» (VII, 66).

Независимо от исхода, дуэль восстанавливает честь, а Герцен, прибегая к суду «политических единоверцев», хотел лишить своего противника чести.

В письме к Гаугу он выдвигал новый мотив: «Мой отказ имел еще другой смысл, более широкий: этим поступком я хотел определенно и торжественно признать на деле свободу женщины. Я решил дать ей полную независимость, чтобы она сама могла реабилитировать себя» (VII, 40).

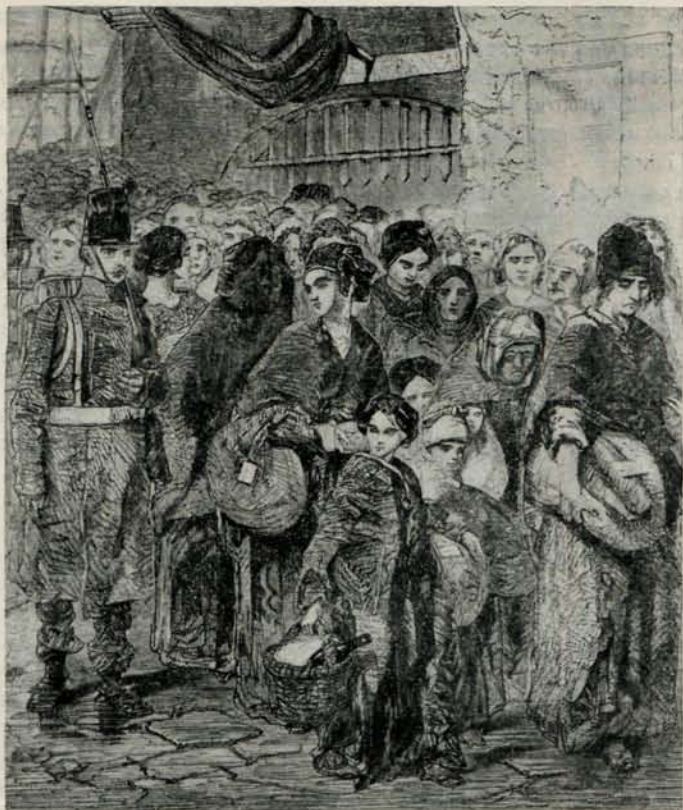
Узнав о вызове, Наталья Александровна послала Гервегу письмо, в котором подтвердила свой отказ следовать за ним и свой свободный выбор — остаться с мужем и детьми. По ее словам, поведение Гервега после разрыва сделало ей «отвратительным самое прошедшее» (XIII, 550).

Отказываясь покориться «феодальным» понятиям чести, Герцен исходил из своей веры в то, что он окружен «новыми людьми», которые поддержат его. Хотя эта вера и была лишена оснований, она помогла Герцену преодолеть отчаяние, овладевшее им после семейной драмы. Он получил много писем, выражавших не только сочувствие, но и готовность участвовать в его «vendetta» (мести). Герцену писали Маццини, Орсини, Мишле, Прудон. Даже друг Гервега Рихард Вагнер откликнулся сочувственным письмом на призыв Герцена (хотя и сделал оговорку — признал Гервега способным к моральному возрождению). Соратники Маццини: Медичи, Пизакане, Козенц и другие — прислали коллективное письмо, в котором признавали право Герцена «при данных обстоятельствах» отказаться от дуэли.

Однако суд чести, которого требовал Герцен, не состоялся. Демократия не произнесла приговора, как обнадеживал Маццини. И Герцен с горестью писал московским друзьям: «Набы вы знали, как гадки, подлы, мерзки здешние людишки и как никуда не годны, не способны те, которые лучше, то, право, взглянули бы с благодарностью на Воробьевы горы» (VII, 165).

* Письма Натальи Александровны опубликованы в цитируемой книге в переводе на английский язык. В «пражской коллекции» сохранился негатив снимка с одной из последних записей Натальи Александровны: «Единственному, неизменному милому другу моему, моему кровному и духовному близнецу Александру Герцену. Наталия Герцен. Ницца, 1852 г. апреля 5-го».

Горькое разочарование Герцена в буржуазной демократии сделалось еще острее. В неспособности исторгнуть недостойного сочлена из своей среды он увидел ту же неспособность к решительным действиям, какую проявили буржуазные демократы в 1848 г. Вопрос о «вердикте» был для Герцена вовсе не завершением «несчастной трагедии», а «вопросом колоссальным», вопросом всей его «революционной религии, всех последних надежд» (письмо от 23 июля 1852 г.).

ПОСЛЕ ИЮньСКИХ ДНЕЙ В ПАРИЖЕ

Жены и дети повстанцев у ворот тюрьмы

«L'Illustration» от 23 июля 1848 г.

«Шесть тысяч семейств должны ждать депортацию, чтобы узнать, расстрелян или нет их брат, сын, отец... или ходить из крепости в крепость, искать, узнавать» («Письма из Франции и Италии», «Опять в Париже»)

«Последние надежды» угасли. Герцен обманулся в тех, кого считал «новыми людьми». Их нерешительность послужила ему еще одним «микроскопическим доказательством» того, «что не только на больших размерах, но и в самых мелких, демократия бесплодна, неспособна, что внутренние, незримые волокна ее так же бессильны, как и ее вестовая труба, как ее воззвание. Понимаете, как у меня теперь все это сплетено в один жизненный вопрос?» (там же). По отношению к буржуазной демократии не оставалось никаких иллюзий. И Герцен обратил свои взоры к Воробьевым горам, которые сделались для него символом его демократической веры в Россию и русский народ, символом его революционного патриотизма.

Эта обращенность к России помогла Герцену сладить со своим отчаянием и найти исцеление в открывшейся перед ним новой области его революционной деятельности. Герцен стал «за первый станок русского вольного слова» (XII, 8).

Но исцеление пришло далеко не сразу. Письма к М. К. Рейхель говорят о безмерно тяжелом пути, пройденном Герценом в переломный год.

Первоначально им овладела мысль, что «он перешел высшую точку своей жизни», и ему «надобно удалиться со сцены» (письмо от 5 июня 1852 г.). Он стал роптать на свое «каменное здоровье». Он готов был призвать себя лишним в жизни и поручить детей М. К. Рейхель. Вместе с тем им владеет желание мести. В письме от 15 октября 1852 г. он принимает даже сравнение себя с Гамлетом, сделанное Тесье.

Но Герцен не был Гамлетом. Его никогда не покидало сознание силы. 3 декабря 1851 г. он пишет: «Сила в горести — победа». Он не только не признавал себя сломленным, но 15 июня 1852 г. написал: «Выше я никогда не стоял» (VII, 62). В одном из последних писем 1852 г. он дал превосходную по точности самооценку: *«Да, я останусь до конца жизни той же движущейся революционной натурой, semper in motu*, как я вырезал на печати. Это горенье, это бродящее начало спасает меня середь бедствий и страшных событий»* (письмо от 23 декабря 1852 г.; курсив наш. — Н. А.).

Пережив крах буржуазных иллюзий в социализме, наблюдая воочию умирание революционности буржуазной демократии на Западе, Герцен в то же время продолжал высоко ценить революционизирующие элементы западноевропейской жизни. «Европа хороша, — писал Герцен, — она кладет такие жгучие начала и так бережит раны, что люди не оседают, а рвутся вперед...» (там же).

«Всегда в движении», «вечно рвущимся вперед» — таким мы и знаем автора «Былого и дум» и писем «К старому товарищу», таким он и вошел в историю. В публикуемых письмах ясно вырисовывается отрезок пути, пройденного Герценом в течение «страстного» года (письмо от 5 июня 1852 г.), пути через огромные потрясения к формированию действительно «нового человека», каким Герцен хотел созывать себя (письмо от 23 июля 1852 г.).

Вопрос «быть или не быть» решен безоговорочно в пользу «быть» — быть и действовать. Многие страницы публикуемых писем, полные отчаяния, вызванного смертью жены, свидетельствуют не о слабости духовных сил Герцена, а о глубине его любви к Наталье Александровне. Его поддерживает сознание, что он спас ее от Гервега, что он помог ей преодолеть болезненную страсть к этому недостойному ее любви человеку. Наталья Александровна в последние дни жизни писала Н. А. Тучковой-Огаревой в Россию: «Я никогда не была так счастлива, как теперь» («Русские пропиели», т. I. М., 1915, стр. 273). Она завещала М. К. Рейхель: «...Береги детей, чтобы клеветы на наш союз не коснулись их; они могут и должны только благословлять его <...> на них так ясна печать истинности и полноты этого союза. И с ней они не погибнут...» (письмо, датированное серединой марта 1852 г.). Сознание того, что он спас свою жену, давало силы Герцену для борьбы с «духом уныния» и вдохновляло его на создание памятника, достойного Натальи Александровны: Герцен решил запечатлеть ее образ в своих воспоминаниях. «Я беру назад, что писал в прошлом письме о ненужности. На мне еще лежат обязанности сказать погребальное слово и слово благодарности», — писал он 7 июня 1852 г., вскоре после смерти жены.

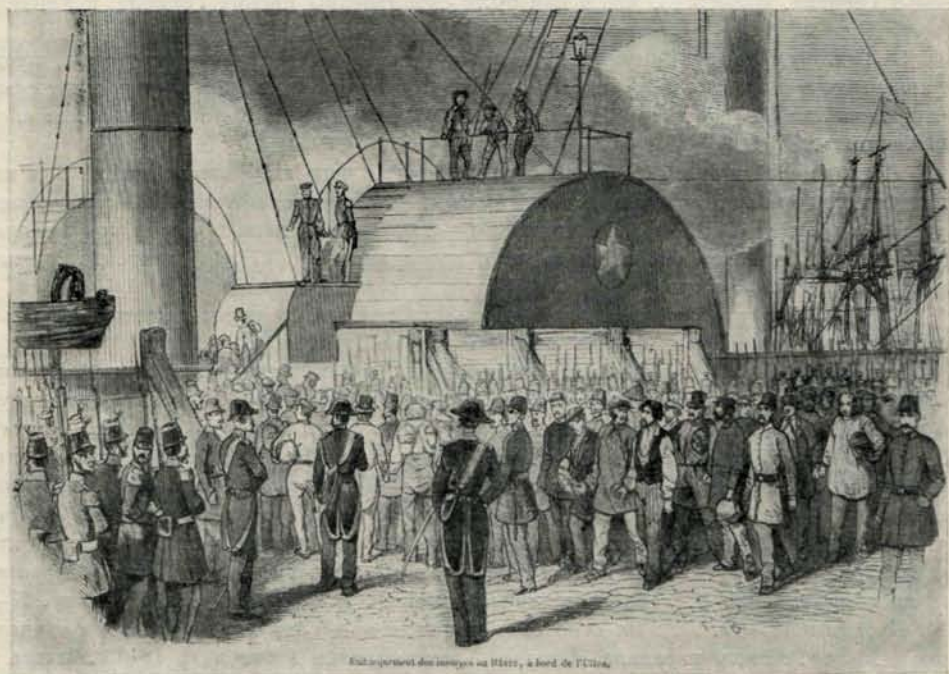
Первоначально это «слово» должно было быть обращено только к московским друзьям. В большом письме от 30 июня 1852 г. — уже целая программа «Былого и дум». «Я принялся было писать о всех последних событиях моей жизни для Огарева и московских друзей...», — сообщал Герцен М. К. Рейхель.

Герцен начал писать «Мемуар», чтобы сказать правду о своей семейной драме, чтобы отомстить врагу и создать памятник своей любви. Публикуя несколько страниц, названных им «Осело пох», он писал: «Этот отрывок (никогда еще не печатавшийся) принадлежит к той части „Былого и дум“, которая будет издана гораздо позже, и для которой я писал все остальные» (XIII, 531). Так казалось Герцену. В действительности желание рассказать друзьям о семейной драме послужило только эмоциональным толчком к началу работы, преследовавшей широчайшие общественные задачи и вдохновлявшейся этими задачами.

* всегда в движении (лат.).

Герцен сумел разжать сжимавшее его кольцо, ему стало «тесно за оградой личного», как бы широко он ни понимал это личное, ему нужен был «бесконечный океан» исторической жизни и борьбы народов, и он, работая над своими воспоминаниями, постепенно перешел от «личного», осознанного им в плане «общего», к «общему». Так создавалась замечательная эпопея «Былое и думы» — энциклопедия не только русской, но и общеевропейской жизни.

В одном из последних публикуемых писем (от 23 декабря 1852 г.) отчетливо звучит мотив, зовущий к борьбе: «У меня теперь вертится в голове удивительный проект: начать агитацию об освобождении крестьян». А 5 февраля 1853 г. он, обращаясь к М. К. Рейхель с просьбой сделать ее дом центром для сбора материала из России, пишет ей: «Главное теперь — пропаганда об эмансипации мужиков» (VII, 179). Заканчивая 5 июля 1860 г. вступление к «Былому и думам», Герцен писал: «Пусть же

ПОСАДКА НА КОРАБЛЬ В ГАВРЕ УЧАСТНИКОВ ИЮньСКОГО ВОССТАНИЯ,
ОТПРАВЛЯЕМЫХ В ССЫЛКУ

«L'Illustration» от 12 августа 1848 г.

«Вчера отправили в депортацию 750 человек по железной дороге в Гавр. Доселе никто не верил в возможность без суда... сослать 8000 человек»

(«К друзьям», 2—8 августа 1848 г. Париж)

«Былое и думы» заключат счет с личной жизнью и будут ее оглавлением. Остальные думы — на дело, остальные силы — на борьбу» (XII, 8).

* * *

Публикуемые письма были обнаружены среди материалов «пражской коллекции» ЦГАОР (ф. 5770). В объемистом деле 247 хранится 31 автограф писем Герцена (из них 28 автографов были опубликованы Лемке в VII томе редактированного им издания, три печатаются нами впервые — № 21, 24 и 26 нашей публикации) и три автографа писем Н. А. Герцен (публикуемые также впервые — № 23, 25 и конец письма № 22). Все эти письма датируются 1852 годом. Еще один, четвертый, автограф письма Герцена, также впервые публикуемый нами, сохранился в деле 302 «пражской коллекции» (№ 2).

Кроме того, в том же деле 247 находятся три объемистые тетради. На первой написано: «Copies. Lettres de Herzen à Marie Reichel, 1852, № 1», на второй: «Copies. Lettres de Herzen à Marie Reichel, 1852, № 2», на третьей: «Copies. Lettres de Madame Natalie Alexandrovna Herzen à Marie Reichel, 1851—1852» <№ 3>.

В этих трех тетрадях — копии 64 писем; из них 51 письмо Герцена и 13 — его жены. Тетрадь № 1 содержит копии 9 писем Герцена и копию начала письма № 38 (нашей публикации), а также копии трех писем к мужу Марии Каспаровны, Адольфу Рейхелю. В тетради № 2 — копии 24 писем Герцена к М. К. Рейхель и четырех писем к ее мужу. В тетради № 3 — копии 11 писем Герцена и 13 писем его жены (письмо Натальи Александровны № 12 скопировано дважды).

Страницы этих тетрадей перенумерованы. В первой тетради нумерация — от 57 до 100-й страницы, во второй — от 101 до 158-й, в третьей — от 159 до 204-й. Судя по нумерации тетради № 1, существовала еще одна тетрадь, не попавшая в архив семьи Герцена. Возможно, что в ней были скопированы письма Герцена к Рейхель (тогда Эрн) за более ранние годы.

За исключением упомянутых трех писем Герцена и трех писем его жены, представленных и в оригиналах и в копиях, подлинники остальных писем, с которых снимались копии, отсутствуют в деле № 247 и в других материалах «пражской коллекции».

Возникают вопросы: кем, когда, для кого и для чего снимались копии? Где находятся оригиналы? Почему письма эти не были опубликованы Лемке (за исключением письма-исповеди Натальи Александровны — оно представлено в «пражской коллекции» копиями, Лемке же опубликовал текст по подлиннику (VII, 16), местонахождение которого нам неизвестно)?

Трудно, ввиду отсутствия документальных данных, с полной определенностью ответить на эти вопросы. Можно отвечать только гадательно.

Сведения о судьбе оригиналов публикуемых писем находим в воспоминаниях Рейхель, но сведения эти, вследствие своей противоречивости, не позволяют внести ясность в вопрос. «Мне писал Герцен часто; у него была потребность высказываться без стеснения. Я была своя в его семье, а несчастье с Колей и его матерью соединило нас в одном горе, — рассказывает Рейхель. — Перечитывая теперь, после многих лет, его письма, которые я после его кончины передала его старшей дочери, чтобы они не затерялись после моей смерти, так как в моей семье никто не знал по-русски, я вижу; сколько доверия и дружбы он имел ко мне» («Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель и письма к ней А. И. Герцена», М., 1909, стр. 73—74. Курсив наш.—Н. А.). На основании приведенных слов можно было бы сделать вывод, что Рейхель передала Наталье Александровне (дочери) в 1870 г. также и оригиналы тех писем — преимущественно 1852 г., — которые мы сейчас публикуем по копиям. Однако такому выводу противоречит другое свидетельство Рейхель: «Во время моей болезни <в 1852—1853 гг.> затерялись письма до и о его <Герцена> приезде в Лондон, который совершился еще в 1852 году; есть только письмо, где он пишет, что встретил новый год 52—53 на корабле (там же, стр. 78; курсив наш.—Н. А.). Нет сомнения, что это и есть те письма, текст которых мы публикуем по дошедшим до нас копиям и по четырем автографам. Повидимому, подлинники писем были найдены и поступили в семейный архив Натальи Александровны Герцен в Лозанне уже после того, как Рейхель в 1909 г. издала свои воспоминания.

Причины, по которым затерянные и вновь найденные письма не попали в свое время в публикацию Лемке, также не могут быть установлены с полной определенностью. Тут возможны два предположения. Все письма, образующие ныне дело № 247 «пражской коллекции», касаются, помимо затронутых в них общих вопросов, пережитой Герценом и его женой семейной драмы. Этой драме посвящен особый раздел части пятой «Былого и дум». Сам Герцен решился опубликовать лишь несколько отрывков этого раздела, объединив их в одну главу «Осепано пох» (посвященную свиданию с Натальей Александровной в Турине, гибели сына и матери и кончине Н. А. Герцен). И после смерти Герцена его семья, в архиве

которой оставалась эта часть «Былого и дум», долгие годы не решалась публиковать ее. Лишь в начале десятых годов нашего века Наталья Александровна дала согласие Лемке на издание неопубликованной части «Былого и дум», чтобы положить (по ее словам) конец кривотолкам по поводу семейной драмы. Возможно, что дети Герцена не захотели, чтобы в издании собрания сочинений и писем их отца оказались слишком акцентированы именно эти страницы, полные глубокого трагизма. Однако, с другой стороны, Наталья Александровна все же разрешила Лемке опубликовать 41 письмо за 1850—1852 гг. из той серии писем к Рейхель, которая поступила к ней в 1870 г. Эти письма также касались семейной драмы. Поэтому возникает второе и более вероятное предположение: письма, считавшиеся утраченными, нашлись при разборе архива Рейхель после ее смерти в 1916 г. (в Лозанне), когда Лемке уже не имел возможности включить их в свое издание.

Отсутствие оригиналов писем в «пражской коллекции», где они представлены копиями, не должно удивлять. Известно, что не все бумаги Герцена, хранившиеся его наследниками, попали в «пражскую коллекцию». Кое-что особенно ценное с точки зрения семьи было удержано в качестве реликвий. Вероятно были причислены к реликвиям и подлинники писем к Рейхель за 1850—1852 гг. Сравнительно незадолго до передачи архива Герцена в Прагу и были, нужно думать, святы копии с писем.

О позднем происхождении копий свидетельствует примечание копииста, имеющееся на одной из копий: «Письмо напечатано Лемке в 1923 г., VII т., стр. 17» (указание неточное: VII том вышел в 1919 году). Кем именно были сделаны копии — неизвестно. Повидимому, это был простой переписчик, и притом малоквалифицированный.

Как публиковать копии, если оригиналы отсутствуют? Насколько точно соответствуют они оригиналам? Нужно отметить, что переписчик не все сумел разобрать: он допустил много ошибок, при копировании французских, английских и итальянских слов, в некоторых случаях он не разобрал даже русского текста. *В копиях немало опечаток, затемняющих понимание отдельных деталей.* Копии производят впечатление сделанных очень поспешно, хотя почерк и разборчивый. Так, например, в копии письма Н. А. Герцен от 14 декабря 1851 г. несколько раз от ее лица речь ведется в мужском роде.

Однако сличение текста копии письма-исповеди Натальи Александровны (от 18 февраля 1852 г.) с текстом, опубликованным М. К. Лемке, как отмечено выше, по подлиннику, приводит к выводу, что все же существенных смысловых различий нет. То, что Лемке пользовался подлинником, а не публикуемой копией, явствует из его примечания: «Вот приложенное письмо Н. А.—ны, написанное частью рукою Герцена, частью ею самою» (VII, 15).

Сличение копий с оригиналами писем Герцена к М. К. Рейхель, хранящихся в «пражской коллекции», приводит нас также к выводу, что сколько-нибудь существенных смысловых различий между ними нет. Можно надеяться, что и другие копии не искажают основного содержания писем.

Явные ошибки и опечатки переписчика исправляются нами без оговорок. В тех же случаях, когда являлось подозрение, что искажена мысль автора — ввиду невозможности сличить копию с подлинником — в тексте предложено наше толкование, а в примечаниях дан точный текст копии. Если же смысл восстановить трудно, в соответствующем месте ставится: <!>

Стилистические неровности не исправлены, так как они могут быть отнесены на счет самого Герцена, находившегося в тяжелом душевном состоянии: он не следил за слогом, мог неясно выразить мысль.

В нашу публикацию писем Герцена к М. К. Рейхель включены также тесно связанные с ними письма Герцена к дочерям его — Наталье и Ольге, семь писем Герцена к мужу М. К. Рейхель, известному немецкому музыканту, Адольфу Рейхелю, а также тринадцать писем к М. К. Рейхель жены Герцена, Натальи Александровны. Письма Натальи Александровны печатаются петитом.

24 ноября <1850 г.> Ницца

Я только ждал совершенного окончания начала свежей дочери¹, чтобы положительно сказать, что все окончилось хорошо. Сегодня с обеда будет 5-^й день. Все это в порядке. Ну, а об вас я все пел, когда узнал, что вы мерились*, следующее:

Жду я мою Мери²,
Милую Мери мою,
Веду ее в maigie,
Возьму ее в Лювру**
Отдам ее я мэру
Для разного примеру.

Из этого видите, что вы мне мерещитесь беспрестанно mehr als viel***.

Письма ваши хороши. Вы делаете обратное тому, что мальчишки: те уходят подальше, чтобы показать нос, а вы уехали за тридевять земель, чтобы оказывать дружеские чувства.— Ну, дайте вашу руку, тонкую, длинную — так, как в песне поется о конопле³.

Я больше удивился <тому>, что у меня родилась Ольга, нежели то <му>, что родилась дочь <?>⁴ Но с Любашей как-то соединяются одни ненавистные воспоминания прачек и марательниц, а с Ольгой — Олег вещей. К тому же хорошо по части равенства:

Саша
Тата
Коля
Оля

А если будет еще лет через 10, то я назову просто «Ля».

Что же Ротбург
и Шомпильд⁵

Что же письмо о Бакуanine?

А вот что-то из России? известите, если есть что.

Отдали ли письмо Мас<с>оле⁶ — жду ответа?

¹ 20 ноября 1850 г. у Герцена родилась дочь Ольга.

² Мери (Мария) — имя адресатки письма, Марии Каспаровны Эри, которая только что, в ноябре 1850 г., вышла замуж за Адольфа Рейхеля.

³ «Песня о конопле» начинается словами: «Я посею конопельку не на пахану земельку, уродися, конопелька, тонка, долга, высока...» — А. Соболевский. Великорусские народные песни, т. III, 1897, стр. 363.

⁴ Судя по следующей фразе, имя Ольга было дано новорожденной после каких-то семейных споров.

⁵ Ротбург и Шомпильд — шуточные анаграммы из фамилии банкира Ротшильда и Шомбурга, одного из его служащих.

⁶ Мари-Александр Массоль (Massol, 1805—1875) — философ, сенсимонист, впоследствии масон. Массоле, вместо Массолу — продолжение шутки с именем новорожденной дочери Ольги.

<Ницца.> 25 декабря <1850 г.>¹

Ваши письма отраду мне в старости подают, — право, карейшая**** «Маша», как вас называют немцы, думая, что это по-русски.

* Т. е. оформили свой брак в мэрии (от фр. maigie).

** Лувр.

*** более чем часто (нем.).

**** дражайшая (от итал. «сага»).

Вот за это вам, что пишет об вашем мерильстве* брачном Мельгунов², прошу затвердить: «ему желаю быть основной тоникой, ей — доминантой, обоим желаю accord parfait с разрешением en fis. И этому fis желаю перехода из mineur в majeur даже в tambour majeur, только не в русский и немецкий dur. Fermata»³.

М. К. РЕЙХЕЛЬ

Фотография 1860-х гг.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

¹ Публикуемое письмо было переслано Марией Каспаровной Рейхель дочери Герцена, Наталье Александровне, в 1906 г. (ЦГАОР, ф. 5770, ед. хр. № 302). Среди тех писем, которые были скопированы в трех тетрадах дела 247, оно не обнаружено.

Отправляя это письмо, М. К. Рейхель писала: «Вот тебе, карейшая Тата, драгоценный листочек, оставь его теперь у себя и береги». На оборотной стороне письма Герцена рукой его жены написано несколько строчек карандашом. Они почти стерлись: их не могла уже разобрать и Мария Каспаровна. «Первые строки мамы: „Лежу в постели от дома в ногах. За Тату mille, mille merci, она очень довольна была адресом“. Далее, как ни старалась, не могла разобрать», — писала Мария Каспаровна.

* бракосочетании в мэрии (от франц. «mairie»).

² Мельгунов — Николай Александрович Мельгунов.

³ Поздравление Марии Каспаровне и ее мужу — известному музыканту — выражено в музыкальных терминах (тоника, доминанта и др.), так, что каждый термин в отдельности и весь ряд их в целом имеют и другой смысл: пожелание семейного благополучия новобрачным.

Accord parfait — полнозвучный аккорд = совершенное семейное согласие. *C разрешение en fis* — гармонический переход или разрешение в тональность фа диез (нем. «fis») = разрешение от бремени сыном (франц. «fils»). *Переход из mineur в majeur* — в гармонии переход из минорного лада в мажорный = пожелание благополучного перехода из малолетнего возраста в совершеннолетний будущему сыну Рейхелей. *Tambour majeur* — старший барабанщик = человек с весом, положением в обществе. *Dur* — обозначение мажорного лада = в шутовом «переводе» Мельгунова: без русской и немецкой «дурости» или самодурства. *Fermata* — знак остановки в музыке; здесь — вместо точки.

3

ПИСЬМО Н. А. ГЕРЦЕН¹

«Ницца.» 11 ноября 1851 г.

Ах, вы, мои болезные, ну, какое уж теперь празднование рождений², солнца поворот, пора позабыть этот день, новое поколение на смену!

Не горюй об отъезде Колюши, он теперь пошел, как маятник, из стороны в сторону, того и гляди прикатит опять в Париж, аль, что еще было бы <лучше> — ты к нему, к нам. Во всяком случае разлука не до мая предстоит. У нас тоже «сарынь на кичку»³ от ожидания. Саша поютует, Тата роется в своих трыпочках, все для Коли выбирает. А у нас такая сгуща, что я чуть было не слегла, да уж взяла все меры, чтобы Колю не в постели встретить. И мы новостями-то не богаты. Пока прощай, рукопожатия, и Максимилиановичу⁴ тоже, и Морицу, и Саше⁵.

¹ Первое письмо Н. А. Герцен из публикуемой серии (от 12 октября 1851 г.) не печатается, вследствие незначительности его содержания.

В перечне писем, приложенном к третьей тетради, обозначено письмо Н. А. Герцен от 24 ноября 1850 г.; однако копия с него почему-то не снята, и оно остается неизвестным.

² Наталья Александровна Герцен родилась 22 октября ст. ст., или 3 ноября н. ст. 1817 г.

³ «Сарынь на кичку» — Н. А. Герцен имеет в виду царивший в их доме беспорядок, вызванный ожиданием приезда Коли, Л. И. Гага (матери Герцена) и Шпильмана (см. о нем примеч. 1 к письму № 4).

⁴ Максимилианович — повидимому, муж М. К. Рейхель.

⁵ Мориц и Саша — дети А. Рейхеля: Мориц — от первого брака, Саша — от М. К. Рейхель.

4

«Ницца.» 11 ноября 1851

Вот теперь-то у вас, вероятно, «сарынь на кичку» — Шпильман¹ шумит, Коля кричит, Луиза болит голову², Луиза Ивановна покупает, Адельгейда³ бегаёт, дилижанс свищет.

Les v'la donc partis*.

А у нас Наталья Александровна № 14 в лихорадке, ветер, тишина <...> Саша рисует вату и думает, что это облака, для бабушки. Ольга гораздо живее представляет, что как бы человек ни был молод, а нужды имеет большие и малые.

Aviso importante**:

Я послал два экземпляра брошюры⁵ на адрес Луизы Ивановны 7-го числа; их можно получить на почте, если не получены, до отъезда. Один из них отдайте Сазонову для Прудона, а у него есть для Мас<с>оля. Сверх сего, у Франка⁶ в вашем распоряжении 5 экзempl<я>ров; да только попросите, ради бога, Рейхеля спросить его, отослал ли он по приказанию

* Ну, вот они и уехали (франц.).

** Важное уведомление (итал.).

Мишле, чтобы непременно в редакции журналов доставить⁷. От Мишле я получил превосходное письмо⁸, насчет этого письма он будет отвечать в издании своих легенд⁹.

Турне сивльуплэ*.

А я уже с тех пор еще статейку махнул о Бакуanine¹⁰. Мишле ее пришлет<1> и напечатает. Да, хотел бы он портрет, помните, что у Боткина был, — как бы, где бы¹¹? Головин¹² взбешен, что я написал брошюру к Мишле, из зависти. А здесь что-то толкуют, что скоро, с позволением сказать, в кандалы рефугиариев**, — да всех на остров Сардинию, а потом сортировать:

Прусских — к прусским,

Русских — к русским etc... etc.

За хохол да на съезжий *** двор,

За виски да в тиски ****

Вот вам и Фегрд Мануйлоч¹³, я даже, тью, уши наострил в Швейцарию. Мельгунову второй экземпляр отдайте.

¹ Иоганн Шпильман — воспитатель глухонемого сына Герцена Коли, друг всей семьи. Шпильман часто писал о своем воспитаннике к М. К. Рейхель; письма эти хранятся в «пражской коллекции».

² Луиза — Л. Цабель, племянница Л. И. Гааг; она плохо говорила по-русски.

³ Адельгейда — горничная матери Герцена (см. о ней примеч. 5 к письму № 17).

⁴ Жена Герцена.

⁵ Речь идет о брошюре Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» («О развитии революционных идей в России»).

⁶ Франк — книгопродавец в Париже.

⁷ 17 ноября 1851 г. Мишле писал Герцену, что получил три экземпляра его брошюры и передал их со своей рекомендацией в редакции «Le National», «L'Avènement du Peuple» и «La République». Мишле собирался, получив от Франка новую партию брошюр, передать их и в другие редакции (VI, 531—532).

В письме к Герцену от 27 сентября 1851 г. Прудон упоминает о своем разговоре с Мишле по поводу какой-то брошюры Герцена. М. К. Лемке ошибочно указал в подстрочной сноске, будто речь идет о статье «Русский народ и социализм». Между тем эта статья вышла отдельной брошюрой лишь в начале 1852 г. В действительности Прудон, вероятно, имел в виду брошюру «Du développement des idées révolutionnaires en Russie».

⁸ Письмо Мишле от 3 ноября 1851 г. было написано в связи с полученной им от Герцена статьей «Русский народ и социализм». В этом письме французский историк обещал Герцену изменить свой отзыв о русском народе, высказанный им в «Легенде о Костюшке». Письма Мишле к Герцену опубликованы Г. Моно (G. Monod), мужем дочери Герцена, Ольги в «La Revue», 1907, № 10—11.

⁹ Мишле ответил Герцену в брошюре «La Pologne et la Russie» (Paris, 1852), вошедшей затем в книгу «Légendes démocratiques». См. примеч. 3 к письму № 11.

¹⁰ Герцен имеет в виду статью «Michel Bakounine» (VI, 466—485).

¹¹ 15 ноября 1851 г. Герцен послал Мишле эскизный портрет Бакунина, набросанный по памяти Н. А. Герцен (VI, 521).

¹² Головин Иван Гаврилович (1816—1880-е годы) — журналист; с 1814 г. эмигрант. Герцен познакомился с ним в Париже в 1849 г., встречался в Женеве, Ницце и Лондоне. Беспринципная политическая деятельность Головина оттолкнула от него Герцена, и впоследствии он порвал с ним (см. «Былое и думы», гл. IX «И. Головин»).

¹³ Фегрдом Мануйлофом Герцен называет здесь в шутку сардинского короля Виктора-Эммануила II. Фегрд — исковерканное «Беренгард». Герцен подшучивает над претензией савойской династии считать себя древнейшей в Европе: она вела свой род от короля Павия Беренгарда.

* *tournez s'il vous plaît* (франц.) — переверните, пожалуйста (здесь кончалась первая страница письма).

** *изгнанников* (от лат. *refugere*).

*** *В копии*: свежий

**** *В копии*: стисни

5

28 ноября 1851 года, г. Ницца

Дайте руку вашу — прибавить мне нечего, последние надежды исчезли: сегодня 13-й день, и всё молчит¹.

Бедна стала жизнь. И злоба в душе, рядом со страданием; дом наш изменился, стен узнать нельзя, да, *бог посетил его* — точно чума была или казнь. Даже люди присмирели, будто испугались. Один я стою и дерзко смотрю судьбе в глаза — пусть еще что-нибудь выдумает, мне всё равно: готов умереть или жить, готов, т. е. окончен. Наташа в дурном состоянии: то спит часов пять-шесть, то в какой-то неестественной экзальтации, чисто нервной, и тает, точно после месяцев болезни.

Дети здоровы, Оленька растет.

Я всё боюсь ваших писем, так сердце и сожмется, как подают пакет.

Прощайте, берегитесь, умоляю вас...² Я буду вам писать и расскажу все после, дайте немного забыть.

¹ 16 ноября 1851 г. Герцена постиг тяжелый удар: произошла катастрофа с пароходом «La Ville de Grèce», на котором возвращались в Ниццу мать Герцена, сын его Коля и воспитатель мальчика — Шпильман. Все трое погибли (VI, 524).

² М. К. Рейхель в это время кормила грудью ребенка. Этим объясняются настоячивые просьбы к ней Герцена и его жены — «беречь себя». М. К. Рейхель была очень привязана к Коле и тяжело переживала его гибель.

6

ПИСЬМО Н. А. ГЕРЦЕН

Ницца. 28 ноября <1851 г.>

С первой минуты ты была неразлучна, но писать я не могла, а теперь... не утешенье хочу принести тебе, ни себе его не пишу, оно невозможно, оно не нужно. Ищу твоей руки, зову тебя вместе нести невыносимо тяжкий крест...

Вся сила моя ушла на ежеминутное ожидание десяти дней и ночей, все не могу поверить, не могу понять и все жду, жду, сама не знаю чего...

Береги себя, береги, напиши мне о себе, поскорее. Обнимаю тебя крепко, крепко.

Наталья Герцен

7

1 декабря 1851 г. Ницца

Я жду с нетерпением и боюсь письма от вас. Как страшно у вас теперь. У нас первый день была какая-то судорожная преокупация*. А у вас письмо и молчание. Чем ближе человек, тем труднее писать.

Воображение мое до сих пор отказывается представить — я всё думаю — завтра что-нибудь будет.

Жму руку Рейхелю. Прощайте.

И письмо из России не дошло до меня¹.

¹ О каком не дошедшем письме из России идет здесь речь, установить не удалось.

8

ПИСЬМО Н. А. ГЕРЦЕН

<Ницца.> 1 декабря <1851 г.>

Смотрю на твои письма¹ и все хочу писать тебе, и все не могу, и все не знаю, что сказать, — вместе бы сидеть, молча. Ты знаешь, что с нами, мы знаем, что с тобой; что говорить — точно кожа снята с ног до головы; каждое движение, каждое прикосно-

* озабоченность, беспокойство (от франц. «préoccupation»).

вение — нестерпимая боль, а *надо* терпеть и будем; вот рука моя — обопришь на нее, если нужно тебе, пока я жива.

Прости же, друг, что не говорю много; ей-богу, сил нет. После, после... Обнимаю тебя. Пиши о себе, что Саша твой? И мой уж теперь больше, чем когда ...*

Твоя N <atalie>

Александр все собирается тебе большое письмо написать. Дети просят написать тебе, что обнимают тебя.

¹ В «пражской коллекции» (ед. хр. 102) сохранилось несколько писем М. К. Рейхель, вызванных известием о катастрофе у Гьерских островов. Одно из них (без даты является первым откликом Рейхель на несчастье, постигшее семью Герцена. На основании первых слов ее письма от 30 ноября (см. примеч. 1 к письму № 9) можно предположить, что недатированное письмо было написано 29 ноября.

ГИЕРСКИЕ ОСТРОВА

«L'Illustration» от 19 ноября 1853 г.

«Видели ли вы в „Illustration“ за неделю было представлено самое то место на Гьерских островах, где было несчастье, и почти в годовщину?» (из письма Герцена к М. К. Рейхель от 26 ноября 1853 г.)

Приводим текст этого письма:

<29 ноября 1851 г.>

Друзья мои! милые! Нет ни слова, ни мыслей, и рука не двигается; пишу, чтоб вы видели, что я живу и на ногах. Не сила помогает перенести, а неверие — неужели возможно такое страшное безвыходное несчастье; ангел бесценный, незабвенный! Не в царстве небесном — в наших сердцах ему лучшее место.

Да, ваша сестра, ваш друг — удар нам равный, — дайте руки, больше не могу.

9

3 декабря 1851 г. Ницца

Я читаю и перечитываю ваше письмо¹ и благодарю вас от души. Мы, в самом деле, близки с вами; вы из любви к нам сделали то самое, что мы сделали для вас. Вы имели деликатность, нежность скрыть стон и умерить печаль. Дайте же еще раз руку. Нет надежды на будущее — мы слишком стары, но силу иметь надобно. Сила в горести — победа. Ну, печально идти — так печально, тяжело нести судьбу — так тяжело, пусть ломаются плечи, грудь и голова.

Свирепость судьбы против маменьки ужасна, невыразима, едва полтора года пожила она². И как покойно и весело ехала она к нам, <везла> все эти вещицы, подарки даже Фогту и жене его, о которых рассказывала Луизе³, и, вдруг, между надеждами и планами — смерть. Смерть в море, холод — невероятно, голова отказывается верить. И у нас здесь ждали, когда показался пароход «Nante et Bordeaux» с торжеством, весь дом был освещен фонарями.

* Здесь пропуск в копии.

В тот же вечер отправился я в Нуёрес⁴. У меня была смутная надежда на спасенье Коли; насчет маменьки я не надеялся: Луиза видела, как она поскользнулась и упала в море. Вечером с жандармами и комиссаром осматривал тела; наших не было. Тяжело было ехать назад с такою вестью, что сказать — но и тут на дороге я думал об вас не меньше, чем о Наташе; я слышал, что вы сами кормите. Я продиктовал Луизе первое письмо, чтобы вас приготовить. Когда всякая надежда на спасенье была невозможна, мы ждали, что, по крайней мере, тела найдут. Хотел ехать в Нуёрес схоронить их, но и этого утешения нет. Только на море в первые дни было большое пятно оливкового масла, над тем местом, где потонул корабль, и нашли сак Шпильмана. Шпильман вел себя героически, он погиб за Колю, для Коли. Вы некоторые подробности видели в «Прессе»⁵; он держал в руке веревку, брошенную из лодки, когда маменька, увлекаемая водой, закричала ему (что слышала Адельгейда): «Retten Sie nur Kolja»*. Шпильман кричал: «Donnez l'enfant»**. Но было поздно. Коля стоял у борта, поставленный Шпильманом, пока он ходил за веревкой. Видя, что вода поднимается, Шпильман бросил веревку и ринулся к Коле; он его взял, поднял на руки и бросился в воду. Далее никто не видал ничего. В одно мгновение пароход был под водою. Лодка торопилась отъехать, чтобы не попасть в водоворот, и пароход ушел на 20 футов глубины. Говорят, что вытащили из воды немца за мертво и привели в жизнь в больнице, что этот немец был в отчаянии о своей семье, не взял денег, не записался и ушел неизвестно куда. Иногда мне сдается, что это Шпильман; писали мы в Цюрих. Я мечтаю о статуе, о группе Шпильмана с Колей на руках и внизу утопающая женщина, последнее слово которой: «Спасите дитя». На днях я отправляю туда известного живописца Каффи (помните, может, по Риму) сделать вид того места между Нуёрес и островами. Пришлю и вам.

Результат всего — что жизнь страшна, что решительно не на что опереться. Завтра, может быть, вы получите весть о нашей смерти — или мы оба об вашей. Остается одно настоящее, но чтобы им пользоваться, надобно силу, юность и охоту.

Прощайте, переведите Рейхелю письмо и пожмите ему руку.

¹ Очевидно, Герцен имеет в виду письмо М. К. Рейхель от 30 ноября. Приводим текст письма по автографу, сохранившемуся в «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, ед. хр. 102).

«Париж.» 30 ноября 1851 г.

Пишу вам и сегодня, мои милые, может найду силу поговорить побольше, нежели вчера, Боже, боже мой, все больше и больше приходишь к сознанию: на то ли нежили, ходили, любили, чтоб смерть такую безжалостную руку наложила, не спасла ни любовь, ни забота! У меня все так полно свежих воспоминаний, портрет, сделанный в день отъезда, и так похож, только такое грустное личико, как будто чувствовал! Рубашечка ночная, в которой он последнюю ночь ночевал, панталончики, чулочки, которые Луиза Ивановна оставила Морицу, но теперь никому до этого не касаться, никому этого не носить. — Знаете ли, что теперь еще не верится, и как вообразишь и ночь, и темноту, и это милое личико, и голос, который ответа не находит — никто, никто не помог! Шпильман, благородное создание, мог спастись один и лучше <решил?> погибнуть вместе. И Луиза Ивановна! Какой страшный, страшный конец! Да и ничего не знаешь и не узнаешь — все покрыто ночью, мглой.

А жизнь вяжет к себе другими ниточками — но как она ни вяжи, из старой сети не сделать ей новую. Бедный Рейхель, как он настрадался все эти дни, приготавливая меня, ну вот и живу. Да живу ли я? Иногда бывает, как будто ничего не чувствуешь, как будто все в груди вымерло. Не будь Рейхеля, не будь Саши, кажется и все бы навсегда умерло. Саша покамест здоров, сегодня ночью был только немножко беспокоен, а то смеется и радуется, хороша дескать жизнь. Луиза Ивановна так была добра к нему, нянчила все на руках.

* Спасите только Колю (нем.).

** Подайте ребенка (франц.).

И ни тени предчувствия — я была так невозмутимо покойна насчет путешествия. Последнее письмо Луизы Ив(ановны) из Марселя так довольно — у меня духу недостает перечитать его. Друзья мои! Хоть слово об вас, не оставляйте долго без вести от вас.

Бедный мой Саша, и он так любил Колю, в другой раз напишу ему.

Ваша Marie

Л. И. ГААГ — МАТЬ ГЕРЦЕНА

Дагерротип конца 1840-х гг.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

² Подразумевается — в новых условиях, за границей, после получения самостоятельных средств к жизни.

³ Луиза — Л. Цабель, (см. примеч. 2 к письму № 4). В «пражской коллекции» сохранились ее письма к М. К. Рейхель (ЦГАОР, ф. 5770, ед. хр. 267). Приводим отрывок одного из них с описанием гибели корабля:

«Мы отплыли из Марселя в субботу в 10 часов вечера на пароходе „La Ville de Grâce“.

Вскоре разразилась буря, и мы были все больны. Около 3 часов утра буря стихла, и поездка продолжалась вполне благоприятно. Внезапно наш корабль получил ужасающий толчок. Все выбежали на палубу, и вот мы увидели, что другой пароход „La Ville de Marseille“, который шел из Неаполя, натолкнулся на наш, из-за чего он („La Ville de Grâce“) получил большую пробоину. Помощь немедленно подоспела: послали спасательную лодку (подосевшую) приблизительно на расстояние 200 шагов от нас; подоспел еще третий корабль, „Nantes et Bordeaux“, который тоже оказал помощь. Я и Адельгейда были перенесены на „Nantes et Bordeaux“, и к вечеру воскресного дня прибыли сюда (в Ниццу). Тетя, Коля и Шнильман находятся или в Гиере или в Тулоне. Александр немедленно отбыл, чтобы их...».

Конец письма оторван. Оно написано по-немецки и датировано 19 ноября 1851 г. Возможно, что это письмо продиктовано Герценом (см. письмо № 9).

* *Nîmes* — город между Ниццей и Марселем.

* В газете «La Presse» от 21 ноября 1851 г. подробно описано это кораблекрушение (VI, 524—526).

10

ПИСЬМО Н. А. ГЕРЦЕН

⟨Ницца.⟩ 3 декабря 1851 г.¹

Со страхом ждала я твоего письма, о боже мой! Это безумие, — все, все еще не могла совсем поверить, но и ты пишешь, что *последнее* подтверждение⟨...⟩ * но благодарю за твое письмо, оно хорошо. Пиши, друг. Береги себя. Обнимаю тебя со всеми твоими.

11

Ницца ⟨начало⟩ декабря 1851 г.¹

На этот раз буду писать мало. Вот, после удара частного, удар общий². Скоро пора думать об Англии; я, впрочем, становлюсь равнодушен ко всему — это старость, довольно — пора паруса подобрать, усталь страшная.

Погоди немного,
Отдохнешь и ты.

Прощайте, наш добрый, добрый друг. Пришлите *sous bande*** брошюру Мишле «La Pologne et la Russie»***; там, кажется, его ответ мне³.

¹ В копии письмо ошибочно датировано ноябрем.

² Герцен имеет в виду государственный переворот, совершенный Луи-Бонапартом в Париже 2 декабря 1851 г.

³ В своей брошюре «La Pologne et la Russie, Légende de Kosciuszko» (Paris, 1852) Ж. Мишле назвал брошюру Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» — «чудесной брошюрой», «искрой над гробовой плитой».

12

ПИСЬМО Н. А. ГЕРЦЕН

⟨Ницца.⟩ 1851 год ^{5 декабря}
23 ноября

И у тебя именинник. Милая крошка!¹ Ну, пусть ему весело поживется, пока от нас зависит — ни одной минуты в их жизни не надо ни терять, ни огорчать попустому. А впереди я уже и не задумываю ничего, одно только — хотелось бы, чтобы около них был бы кто-нибудь, кто бы любил их; на всякий случай, неравно умрешь хоть я и не собираюсь и делаю все, чтобы дольше прожить, но знаем мы, как полезны наши заботы. Спрося поосторожнее Тат⟨ьяну⟩ Ал⟨ексеевну⟩², как будешь к ней писать, не желает ли она приехать повидаться; сама я боюсь об этом писать.

Я рада, что могу, наконец, плакать и говорить, т. е. писать; сердце начало смягчаться, а то эта ужасная борьба ожидания и страха... мне становилось иногда так дико быть, и все происходившее около ⟨становилось⟩ так же непонятным, нелепым, как то, что совершилось. Шпильман, Шпильман! Какая великая смерть, она отрадна; грустная, горькая отрада, но отрада; она возвышает, это несчастье, тем, что она — протест против слепой, глупой, возмутительной случайности, она — произвольная³, — подавляет ее, торжествует над ней, и это отрадно... Он всё у меня в глазах с Колей на руках, и всё, как будто, усиливается помочь ему... а может быть, он скитается

* Здесь в копии пропуск.

** бандеролью (франц.).

*** «Польша и Россия» (франц.).

где-нибудь, безумный,— говорили, что замертво вынули одного немца и что он, придя в себя, имел вид сумасшедшего; говорил, что потерял всех своих, и скрылся бог весть куда, не приняв ни денег, ни другой помощи!..

О, если бы отыскать его!

Попробуй сделать копию с того дагерротипа, который у тебя, и, если выйдет похож, пришли нам. Шпильманов сак тоже вытащили из моря, и в нем дагерротип Коли,

КОЛЯ ГЕРЦЕН

Дагерротип конца 1840-х гг.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

с которым он не расставался, письмо из Авиньона к нам, которое он опоздал послать на почту, с рисунком Коли, который изображает Ариосто Орландо, с надписью: «An Mama!» *

Другое письмо, которое ты, верно, знаешь, писанное к маменьке⁴ в Париже и которое есть тоже одно из великих доказательств его благородной, преданной натуры.

Кроме Ал<ександра> и детей, одно присутствие Луизы мне сносно, ее я заставляю рассказывать и пересказывать все тысячу раз с начала до конца. Говорят, с каким волнением, нетерпением ехали все: бедная, бедная маменька! Бесконечно жаль ее,

* Маме (нем.).

походили бы за нею, походили бы, сделали бы все, что в силах, в этом есть какое-то утешенье, а так в искуте вообразить ее, бедную, не могу.

Да и правда, ждали-то их, как прежде, в пятницу, все глаза просмотрели — ждали на пароходе, в бюро сказали, что будет, потом в дилижансе в субботу, весь день пробегали из дому с горы к воротам, чтобы закричать и остановить дилижанс; Саша так и стоял на карауле весь день; ну, в воскресенье уже думали наверное — нарезали (и все второнях, чтобы врасплох не застали) — розанов, убрали ими все комнаты и все комнаты приготовили так, чтобы, как взойдешь, как будто век жил в ней, а Тата все любимые свои игрушки отобрала и все переставляла их с такою любовью... «Пароход! — закричал Франсуа⁵ с невыразимым торжеством, — и уж недалеке». Ал(ександр) побежал в Ниццу, Саша несколько минут после пустился стрелой, так что я со страхом смотрела, и мы с Татой принялись зажигать огоньки... вот и готово все давно, и ждем, и ждем, и ждем...

Ох, Маша! Маша! Друг, да неужели это все правда?... И дождалась я только пары перчаток, которые он, засыпая, снял и положил Луизе в карман...⁶ Поделюсь с тобой, приплю одну... Прощай!

¹ М. К. Рейхель в честь Герцена назвала своего сына Александром. Его именины, так же как именины Александра Ивановича и Саши Герцена, приходились на 23 ноября ст. ст.

² Татьяна Алексеевна — Т. А. Астракова.

³ Шпильман погиб, бросившись на помощь Коле.

⁴ Н. А. Герцен имеет в виду мать Герцена.

⁵ Франсуа — слуга Герценов.

⁶ В «Былом и думах», в гл. «Осеепо пох», Герцен писал о жене: «Она вынимала его <Коли> маленькую перчатку, которая уцелела в кармане у горничной, и настаивало молчание, то молчание, в которое жизнь утекает, как в поднятую плотину» (XIII, 541).

13

8 декабря 1851. Ницца

Еще остается 23 дня 1851 года. Двадцать три несчастья еще могут случиться. Между губами и кубком всегда есть место протолкнуться беде. Наконец, я думаю, что в этом хаосе уже не страшно и не жалко погибнуть. — Едва мы стали оправляться и привыкать к ужасному лишению 16-го ноября, вдруг уже не семья, а целая страна идет ко дну, и с ней, может быть, век, в который мы живем.

Это новая гомеопатия — ударом более общим снимать удар частный. Но, наконец, силы сочтены, боль и всё прекращаются минутами и дают место одеревенелому равнодушию.

Мы отрезаны от вас. Вчера не было курьера. Я даже думаю — писать или нет!.. Помните ли вы, как в евангелии пророчится конец мира?¹ Матери возьмут детей своих и разобьют об камень, — время это пришло. Всё страшное и черное, что я пророчил с 49-го года, страшнее и чернее сбывается.

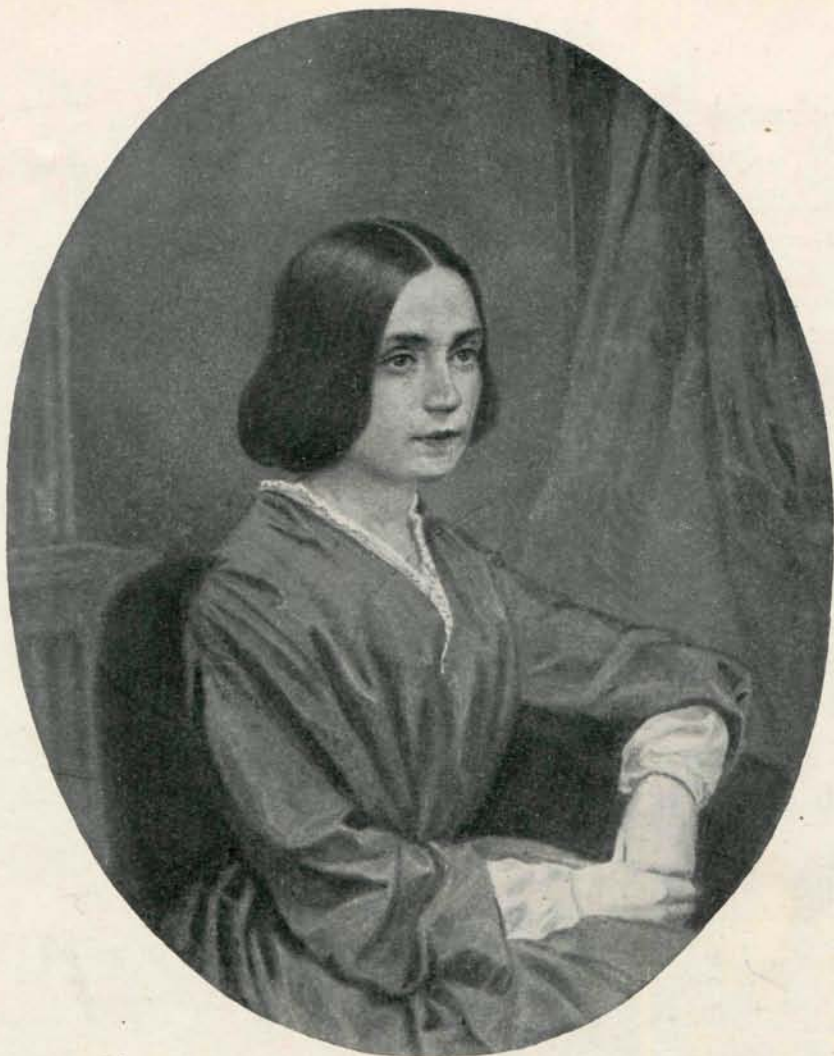
Зачем мы, маленькая кучка людей, развились и ослабили нервы, зачем мы не Дмитрий Иванович Пименов², не Егор Иванович³. Они переживут нас всех и 1 января 1862 года поедут спокойно поздравлять друг друга, говоря о морозе и желая «нового счастья».

Помните ли мой эпилог 49 году?⁴ Что же я скажу за надгробье 1851 году? Какое проклятье... пора уж и молчать.

С 16 ноября, кажется, прошел год, два, и думать о 1 января просто кажется смешно, будто еще лет пятнадцать. Вы знаете, что военным или морякам год в кампании или экспедиции считается за два, ну а такой год, по справедливости, как считать, я думаю, что я ровесник Бернацкому?⁵

9 ч. вечером

Получил ваше письмо и последние вести⁶... Молчу. Вы поймите и предшествующую болтовню, вялую, не то пишу, что хочется. Погодите распо-

Н. А. ГЕРЦЕН

Портрет маслом неизвестного художника

Соблаговенному, милостивому, моему
 другу моему, моему родственнику и духовному близкому
 Александру Герцену
 Наталья Герценова

Вчера
 1852, апр. 6-го

ЗАПИСЬ, СДЕЛАННАЯ НАТАЛЬЕЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ ДЛЯ ГЕРЦЕНА
 В ДНИ ПРЕДСМЕРТНОЙ ЕЕ БОЛЕЗНИ

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

лагать будущим, сговоримся как-нибудь вместе. Вряд ли и тут долго климат продержится.

Швейцария или Англия?⁷

Да, я и не сообщал вам, что мне следует, исполняя письмо, давно написанное маменькой, вручить вам 10 000 фр. Я по этим делам и вступил в сношения с Ротшильдом.

Ну и прощайте, ночь, ночь и финал; право, я рад, что у меня сегодня болит голова.

Очень хотелось бы знать о здоровье Николая Ивановича⁸, Мас(с)оля и пр.

Да что Мельгунов не пишет?

Прощайте, обнимаю вас, и Рейхеля, и Сашу.

¹ Герцен имеет в виду текст из евангелия Луки, гл. 19, о разрушении Иерусалима и об избииении младенцев.

² *Дмитрий Иванович Пименов* — литератор, чиновник (начальник Шереметьевского странноприимного дома). Комическая личность, описанная в главе пятой «Былого и дум».

³ *Егор Иванович* — брат Герцена по отцу.

⁴ *Эпилог 49 году* — название VII главы книги «С того берега» («Эпилог 1849»). Глава начиналась словами: «Проклятие тебе, год крови и безумия, год торжествующей поплости, зверства, тупоумия. Проклятие тебе. От первого до последнего дня ты был несчастьем: ни одной светлой минуты, ни одного покойного часа нигде не было в тебе...» (V, 484 сл.).

⁵ *Алоизий-Проспер Бернацкий* — ветеран польской эмиграции 1830—1831 гг., примыкавший к ее аристократической группе. Герцен встречался с ним в Париже и Лондоне; в 1851 г. Бернацкому было 73 года.

⁶ Приводим текст письма М. К. Рейхель по автографу, сохранившемуся в «праздской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, ед. хр. 202):

«Париж» 6 декабря 1851 г.

Друзья мои! Вчера ваши письма пришли — нет от них ни утешения, ни отрады, но мне нужно иметь их — сколько раз подбежишь к окну, когда звонят, не от вас ли это. Нет ни в чем утешения, одно чувство боли, тоски, в ваших письмах видишь то же, а мне больше ничего и не надо. И все глубже и глубже входит в сердце боль и основывает там для себя седилице, обзаводится домом. Как не свойственно человеку страдание, как бьется и рвется сердце и вооружается неверьем и таит надежду — и не хочет сознать, потому что сознание страшного отнимает у него жизнь. В одну из последних почей, когда мой ангел почевал у меня, он меня спрашивал: «Kola fort, Mascha weint?»* — и на мой утвердительный ответ он продолжал: «Kola will auch nicht gerne fort...»** — не могу больше, дайте отдохнуть, потом напишу опять.

В Париже дрались — сегодня, кажется, все кончено, солдаты сделали свое дело, да здравствует порядок. Р(ейхеля) нет дома, придет — скажет в чем дело. Из журналов ничего узнать нельзя — все они пишут таким высоким стилем. Да вы их и сами читаете. Не знаю, можно ли будет здесь оставаться, у Р(ейхеля) такая репутация, что того и гляди под ключ или вон — вообще ауспихтов*** мало.

Саша ничего, делает притязания на сидение, а еще очень глуп, никого не знает, хотя и начинает интересоваться окружающим.

Ме(льгуновым) хочется вон из Парижа, и он и она нездоровы. У Ник(олая) А(лександровича) все нога болит, он не дает ей зажить и опять выбежит, и нога опять за то же. Я его давно не видала.

Обнимаю вас всех крепко, крепко детей ваших и моих — навсегда с вами и навсегда ваша

Marie

⁷ Мысль о переезде в Англию, как выясняется из этого письма и письма № 11, возникла раньше, чем это было принято считать, и не в связи с судом над Гервегом, а вследствие резкого ухудшения общеполитической обстановки («климата») во Франции и Италии после государственного переворота, совершенного Луи-Бонапартом.

⁸ *Николай Иванович* — Н. И. Сазонов.

* «Коля уезжает, Маша плачет?»

** «Коле тоже не хочется уезжать».

*** перспектив, видов (от нем. «Aussicht»).

ПИСЬМО Н. А. ГЕРЦЕН

Ницца. 8 декабря 1851

Кажется, во всех адских мучениях забыто одно — это ожидание в неизвестности, а оно стоит, если еще не лучше, всякого другого. Уж мы надумались и о Париже, и о тебе; теперь надо почаще сообщаться, не знаем, что ждет нас завтра. Родители Луизы крепко упрасивают ее воротиться к ним к празднику; она уж было и решилась, да теперь, кажется, опасно путешествовать, а я и рада тому — мне жаль ее отпустить: она как будто остаточек.

Я натягиваю, натягиваю все силы, чтобы запречься опять в жизнь... Нет, не тянет. Сажу и шью Тате куклу, — вот все, что могу, или в карты с детьми, и то все время или дура или фашка. Сегодня в первый раз утишились мои головные боли, так Ал<ександр> провалялся, Оленька захворала, да что ж, уж ничего... На нынче прощай. Письмо принесли поздно¹. Скоро буду опять писать. Обнимаю тебя.

Тата очень меня упрекала, что я не исполнила ее порученья, не написала тебе и поздравленья с именинами Саши. Мой Саша тоже очень им интересуется, и особенно ему все хочется подарить ему что-нибудь, да не знает что; он получил часы 23 ноября — в воспоминанье. Сквозь всю их детскую беспечность нет, нет, да и пройдет темное облако; вздохнут, посмотрят на меня да и притихнут. Тата заставила меня раз улыбнуться своим участием: «Что? Все голова болит, мама?» — «Все болит». — «Это от горя» — и покачала головкой... Так спокойной ночи!

¹ Н. А. Герцен имеет в виду следующий ответ М. К. Рейхель на письмо от 5 декабря:

«Париж». 7 декабря 1851

Друзья мои! Сегодня ваше письмо — благодарю — в нем все сказано; итак, ни тени надежды — а у меня еще таилась она, я это теперь вижу, и мучила, да мучила она, вероломный друг. Теперь кончено, — силы, силы, друзья! лучше знать всю бездну несчастья и взглянуть ему прямо в глаза. Останешься ли прямо от его взгляда, или согнешься, это уж другое дело, но лучше все знать. У меня до сих пор не много было силы, я поддерживала себя, сколько могла, физически, для моего Александра, и я успела, — моральной силы у меня не было. Сегодня после вашего письма я чувствую, что что-то приподнялось во мне. — Дайте руки, пожать их крепко, крепко, — да, я близка к вашим сердцам, мы потеряли одно, *равно* нам всем драгоценное. И так да будет. К Егору Ив. я писала. К другим в Москву писала тоже, только немного.

Вчера я видела Мел<угунов>х; он все не может писать вам по причине больных глаз; как только будет лучше, тотчас напишет.

Рейхель вам кланяется. Крепко обнимаю вас всех. Ваша

Marie

Точно ли Колю не вынули из воды? Не приняли ли его куда как иностранца, — это еще остаток безумной надежды у меня. На это отвечать мне не надо. А как высоки были Л<уиза> И<вановна> и Ш<пильман>: оба не думали о себе.

К Ш<омбургу> завтра Р<ейхель> снесет ваше письмо. Сегодня воскресенье.

14 декабря 1851. Ницца

На сегодня буду писать мало, опоздал, не оттого, что много дела, а оттого, что ничего не делаю. Вас мы помним и любим не попрежнему, а больше. — Бедный, бедный Коля, и как не начаться равнодушьем ко всему! Зачем? А спрашивать-то и не у кого. А тут жизнь своей мышью бегом рассеивает — и это противно, но зато в иную минуту так горько. Об общем, что сказать вам; по-моему, это — шаг вперед¹, но для нас лично все погибло, это-то и есть смерть старого общества, которую проповедовали.

Прощайте. Дружески обнимаю вас. Рейхеля благодарю за Шомбурга.

Пришлите же sous bande* хоть два экземпляра «Pologne et Russie» Michelet. Стоит 60 cts и продается à la Librairie nouvelle, 15 B<oulevard> des Italiens.

* бандеролью (франц.).

¹ Герцен имел здесь в виду государственный переворот во Франции 2 декабря 1851 г., полагая, по принципу «чем хуже, тем лучше», что откровенная, ничем не прикрытая реакционность режима Наполеона III будет способствовать скорейшему вызреванию сил демократической и революционной оппозиции в Европе.

16

ПИСЬМО Н. А. ГЕРЦЕН

1851. 14 декабря. Ницца

Представь себе, что твое письмо от 4-го мы получили только вчера, с ним вместе и от 10-го. Боже, боже, какое время! Сюда кое-как доходят подробности того, что делается у вас... Общее несчастье ¹ вызвало нас из нашего собственного несчастья, в котором мы было совсем цепенели... Как тяжело существовать, переживши столько, все переживши, — без страха и надежды в будущее, без желанья его — что за жизнь! За себя давно уж рассчиталась с миром и с благодарностью; всякий раз, как мне приходилось вспоминать о себе, — хорошо мне становилось от сознания, что жилось столько,

НИЦЦА. ВИД ИЗ ОКНА ДОМА ДУЙСА, В КОТОРОМ В 1851—1852 гг. ЖИЛ ГЕРЦЕН

Рисунок карандашом Н. А. Герцен, 1851 г.

Исторический музей, Москва

«В комнате, где ее не стало, я раскрыл ставен. Знакомый вид моря, берега и церкви — она ее рисовала несколько раз.» (Из дневника Герцена, 24 сентября 1863 г.)

сколько только может жить смертный, и от этого же сознания — отдавалась так вполне другим и сама жила уж их жизнью; кажется ни один нерв в детях не двигался, не жил помимо меня, вне меня; и, разумеется, при всех усилиях обуздать себя, ограничиться настоящим, <я> уносила в будущее и жила больше им, потому, между прочим, что оно нераздельно с общим будущим. А теперь что?... одна из пышных, живых ветвей нашей жизни отломилась так неожиданно, так нелепо. И дерево умирает, если не засмолят ему такую рану..., а у меня ее ничто не засмолит; до конца силы будут уходить в нее. Они и прежде бы уходили, только в цвет прекрасный, в плод, а теперь... на воздух. После того, не верится в прочность других ветвей, да если бы и верилось — не лучше; будущее с его свободой, с его развитием, с новой, более истинной жизнью и жизнью безграничною, идущую все вперед, вперед — все расширяющейся... — это будущее исчезло, как сновиденье, и перед глазами одна свинцовая стена, которая давит и взор и грудь, и шаг не дает ступить.

Страшно, страшно — прошла минута, не придавивши тебя, и рад; улыбнулся кто из тех, кем живешь, и довольна, и больше не знаю, чего желать, чего искать, об чем стараться... руки падают, невыносимо тяжко! А бедный Ал<ександр> с его живым деятельным характером!

Мы уже начали наше переселенье по карте, — ох, как не хочется еще переносить свои остатки на чужую сторону — мне хотелось съездить с Ал(ександром) в Нуёгес; видно, и это не удастся, а потом путь-то какой предстоит отсюда — морем в Англию...

Сегодня мне приснилась маменька, да так живо! Я вне себя была от радости, боялась только, чтобы она траур не заметила, и только что спросила ее об Коле, — проснулась, — и долго все ждала ответа. Как странно! В предпоследний час на пароходе он рисовал всё мертвые головы, нарисовавши несколько, сложил и подписал Шпильману: «Nur viele todte Köpfe» * — потом ему стало тошно, он уснул так спокойно, — страшное движение его разбудило, он кричал от испуга, плакал, говоря ²: «Ich habe kalt» ** — на него не успели надеть ни шляпы, ни ботинки — как это мучает меня! Хоть бы на коленях на моих... Хоть бы в постели... Фу, как ужасна, как отвратительна жизнь...

¹ *Общее несчастье* — все тот же государственный переворот Луи-Бонапарта.

² В своих воспоминаниях М. К. Рейхель отмечает, что глухонемого Колю Герцена Шпильману удалось научить немного говорить.

17

ПИСЬМО Н. А. ГЕРЦЕН

Ницца. 19 декабря <1851 г.>

Тороплюсь воспользоваться свободной минутой от невыносимых головных болей, которые меня заживо уничтожают. Так у вас решено в Англию, а у нас еще нет; бог весть, куда попадешь, хорошо бы было не очень рассеиваться по белу свету. Теперь мне так хотелось бы уехать из Ниццы! Тоска — море перед глазами, точно открытая могила. Так без цели, сама не знаю, зачем и куда — только бы уехать. А давно ли казалось, что не надо лучше Ниццы; век свековать в ней; жалкое, капризное существо человек, нелепое, как судьба; слабое, особенно как она подсчет его своим топором под самый корень! Впрочем, я все еще желаю и надеюсь окрепнуть. Оленька захворала крепко, тогда как я это писала, но вскоре поправилась. Хоть первые рашапоночки и впору еще ей, я думаю твой Саша вырос из своих... подожди, если можешь, немножко, я занимаюсь кроеньем рубашечек ему, таких, как бывало мой Саша нашивал.

Отвращенье от Абея ¹ есть необыкновенный успех в развитии.

Бедная Елизавета Богдановна ². А Юлии Богдановне ³ дай бог, чтобы было получше, да не было бы похуже. Луиза выписала нам портреты Коли от своих родных ⁴. Спасибо им, в ту же минуту отправили; одна сторона личика похожа и мила, только грустное выражение. Ее <Луизу> зовут неотступно: больные, без ухода и помощи; она и желает и жалеет воротиться; все это натурально: Она поедет в начале января. Адель ⁵ проводит ее; последняя выходит замуж на скорую руку, чтобы мать не уговорила остаться у себя. Мерси за шарик, где ж посылать? Что же Станкевичи ⁶ едут сюда? Обнимаю тебя со всеми, прощай; совсем голова пуста, не может найтись в отсутствии боли <?>.

¹ *Абель* — неизвестное лицо, упомянутое Герценом в письме к жене от 20 июня 1851 г. (VI, 412).

² *Елизавета Богдановна* — Е. Б. Грановская, жена Т. Н. Грановского; упоминается в связи с ее тяжелой болезнью.

³ *Юлия Богдановна* — Ю. Б. Мюльгаузен, сестра Е. Б. Грановской, друг М. К. Рейхель.

⁴ Л. Цабель писала 1 декабря 1851 г. М. К. Рейхель (приводим в переводе с немецкого): «Выудили мешок Шпильмана и, можете себе представить, к счастью, в нем оказался портрет Коли и еще хорошей сохранности; я так обрадовалась этому за Natalie. Я написала также моим родителям, чтобы они выслали принадлежащие им портреты Коли» (ЦГАОР, ф. 5770, ед. хр. 267).

⁵ *Адель* — Адельгейда Меассалер, горничная Л. И. Гааг, ходившая за Колей. Во время кораблекрушения ей удалось спастись.

⁶ *Станкевичи* — Александр Владимирович, автор книги о Грановском, и его жена, Елена Константиновна.

* Всё только мертвые головы (нем.).

** Мне холодно (нем.).

22 декабря 1851. Ницца

Особенного писать нечего; я задержал письмо, думая, что будет от вас, но почты нет и не будет сегодня (т. е. сегодня придет вчерашняя), видно, дороги плохи.

ДЕТИ ГЕРЦЕНА — САША И ТАТА

Дагерротип начала 1850-х гг.

Литературный музей, Москва

Я, кажется, забыл вам написать, что в записке маменьки назначены 3000 фр. Марии Фед(оровне) Корш¹; ведь, я думаю, вам легче бы переслать их через Шомшильда². А я и без того боюсь писать к Ег(ору) Ив(ановичу)³ открыто. Поэтому, как бы не догадались по вашим письмам, о ком речь. Я только жду известия о продаже моих фондов, чтобы писать Ротшильду; доверенность я послал 17-го числа; уж попросите благодушно Рейхеля сходить да спросить Шомбурга, получены ли и проданы ли фонды. Тогда я тотчас напишу, чтобы вам выдали деньги — 13 000 <фр.>, а вы три <тысячи> и отправите. Насчет Беляева⁴ — советую вам написать ему, чтобы пока % прислал. Пожалуйста, вы не церемоньтесь, пишите

просто ему. Что вы хотите делать с 10 000 <фр.>? Поступите по совету Шомбурга.

Письмо мое, вроде записки министра финансов, я сегодня глуп. Простите. У меня, наконец, в душе одна злоба и Trotz*: на смех судьбе, людям — жить и поживать**.

Ваш последний могикан.

¹ Мария Федоровна Корш (1808—1883) — близкий друг семьи Герцена.

² На копии, внизу, неизвестной рукой карандашом написано: «Шомшильд = Шомбург, служит у Ротшильда. Из двух фамилий сделана одна» (см. примеч. 5 к письму № 1).

³ Егор Иванович — брат Герцена.

⁴ Беляев — Козьма Васильевич Беляев, знакомый Герцена по Вятке, которому он давал деньги взаймы.

19

<Ницца.> 8-го <января 1852>, четверг

Вчера был ужасный день. Я потому уже не писал. *Tic douloureux**** с воспалением в боку и кашляет¹. К ночи стихло. Сегодня *relâche*****, но кризису, т. е. важной перемены, еще нет; поту не было; воспаление легче. Силы мало.

На сей раз рассуждать не хочу; и то только одна вера в вашу дружбу и боязнь, что вы еще более будете беспокоиться, не получив вестей, заставили меня взяться за перо.

Дети ничего. Письмо пойдет завтра утром рано, а потому вечером напишу. Сегодня седьмой день, а по другим — шестой. Мне начинает казаться, что пароксизмы сравнительно слабее. Вчера утром я почти терял надежду.

Прощайте.

¹ Публикуемое письмо дает возможность установить, что тяжелая, предсмертная болезнь Натальи Александровны началась 3 или 4 января 1852 г. Этой болезнью воспользовался Гервег для осуществления плана мести Герцену и Наталье Александровне. Гервег послал Герцену вызов, присоединив к вызову клевету на Наталью Александровну. Об этом письме Гервега несколько раз упоминает Герцен и в письмах, и в «Былом и думах». Черновик письма, хранившийся в архиве семьи Гервега, опубликован Э. Карром: «The romantic exiles» («Романтики в изгнании»). L., 1933.

20

ПИСЬМО Н. А. ГЕРЦЕН

<Ницца.> 6 марта <1852 г.>

Давно бы сообщила тебе, как бы было что, но ни мы, ни кто догадаться не можем, что выплывет из этого не ада, а грязного шантажа¹.

Ты знаешь письмо Энгельсона²; на него в ответ говорят, что оно слишком длинная (?) диссертация, что третьему вмешиваться тут нельзя (как же дуэль без секундентов?), что только с глазу на глаз с А<лександром> можно решить дело и что, наконец, вложенное письмо (мое) им***** не читано, по незнанию от кого оно³ (я подписала всеми буквами свое имя), а по письму видно, что читано, да и как же не прочесть опроверженья причины вызова⁴? — Храбрых, наступательных действий от такой трусости и ожидать нельзя; но так как отношения с А<лександром> оставались единственным якорем спасенья в свете⁵ и как этот якорь подрезан мною, то все гнуснейшие козни

* упрямство (нем.).

** В копии: на смех судьбы, людям жить и обижать.

*** Болезненное подергивание, тик (франц.).

**** передышка (франц.).

***** В копии ошибочно: мною

ЭКЗЕМПЛЯР «ПИСЕМ ИЗ ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ГЕРЦЕНА НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

«В знак душевного сочувствия от А. Герцена. 5 августа 1861
Лондон»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

*Ms. Lian. Trübner
5 Aug. 1861 от М. К. Рейхель*

ПИСЬМА

изъ

ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ

АЛЕКСАНДРА.

(1847—1852)

Издание Второе П. Трюбнера

LONDON,

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1858

мужа и жены и устремились против меня, для того чтобы (как он выр(ажался)) реабилитировать его перед А<лександром> и перед светом.

Ты должна писать нам, если знаешь более нас⁶. Пославши вызов А<лександру>, он в то же время известил об этом жену, а об ответе на этот вызов ни слова, напротив: уверяет, что я пишу ему страстные письма. Вот все, что знаю.

Не понимала я ни мести, ни презренья — пришлось ощущать то и другое в высшей степени. Когда бы прекратились эти внешние дразги — сколько у нас с А<лександром> материала на прекрасную жизнь, жизнь полную, глубокую, мудрую — гармоническую! Хоть у меня и не было со встречи с ним ни одного мгновенья, в которое я бы не чувствовала более или менее ясно *одного кровообращения* с ним, как с сросшимся близнецом, но при всем бывала Фома неверный; наконец, как он же, вложила персты...

Восход нашей жизни сливается с закатом, только зарево последнего жарче.

Ну, вот я написала тебе столько, сколько ты и не просила; нужды нет — если оно не для тебя, так для меня. Иной раз душа через край, и не всякий раз можно удержаться отлить.

Послала ли письма в Россию?⁷ Поскорее пошли.

Писавши тебе первое письмо, я не думала, чтобы кто третий его читал да и Саз(онова) мудрено *обратить*: он никогда не предполагал сердечной стороны в нашем отношении с А<лександром> и неблагоприятствовал мне издавна, особенно за то, что не мог этого отношения поставить в уровень с своим итальянским...⁸. Мне противно, что я пишу об этом, но может быть тебе пригодится для объяснения.

* *Здесь пропуск в рукописи. — Ред.*

Я встаю с постели, но только для того, чтобы одеться и лечь в нее опять.

Море еще страшнее, еще ужаснее. Нет, не жизнь мне с ним в соседстве. Это слабость, я сержусь на себя и не могу победить. Бегу, бегу из Ниццы, как только будет возможно! Да и Саме нужен большой город; теперь он здоровяк такой; сердцем его и головой! я тоже довольна, а характер, необходимый в жизни, никогда не разовьется *при нашем воспитании*, когда ему необходимы равные <т.е. ровесники>; борьба нужна, так хоть на некоторое время <в> общ<ественное> завед<ение>—придется, скрепя сердце, (может <в> Брюссель). Коли С<танкевичи> хорошие люди, так они рады будут случаю сделать доброе дело — прислать сюда малютку⁹— бедная! Спасайте ее во все руки.

Письмо это я начала вечером вчера и уснула с ним, а А<лександр> свое рано утром сегодня отправил¹⁰, так и я же, хоть поздно, да отправлю сегодня же.

Тата целует тебя; она такая умница; большая выросла; кроме нее, никто мне не служит. Оля бегает, как снежный шарик, по комнатам, живая, как А<лександр>, и питает к нему великую страсть.

Видно или нет из письма Е<гора> Ив<ановича>, что мы, или хоть я, можем писать к нему?

Прощай и будь здорова.

¹ О *грязном шантаже*, который Гервег предпринял, чтобы заставить Н. А. Герцена уйти от мужа, см. в «Былом и думах» (XIII, 542—552).

² Об участии, принятом Владимиром Аристовичем *Энгельсоном* в семейной драме Герцена, см. в «Былом и думах» (XIII, 590, 606—607). Упомянутое письмо Энгельсона от 30 марта с оценкой поведения Гервега опубликовано Лемке (XIV, 96—99).

³ Н. А. Герцен имеет в виду отклик Гервега на письмо Энгельсона, разглашенный женой поэта — Эммой Гервег. Гервег сделал вид, что сомневается в подлинности письма.

⁴ Н. А. Герцен, узнав (лишь в общих чертах) содержание письма Гервега к Герцену, написала ему письмо, кончавшееся словами: «Вы мне сделали отвратительным самое прошедшее» (XIII, 550). Гервег отослал ей письмо обратно якобы нераспечатанным. В действительности же он письмо прочел, так как в этом возвращенном письме была обнаружена его записка.

⁵ В апреле 1848 г., после поражения «парижского немецкого демократического легиона», Гервег, возглавлявший этот легион, возвратился в Париж. В демократических кругах он был встречен как авантюрист, постыдно бежавший с поля брани. Отрицательное отношение демократических кругов к Гервегу выразил Гейне в стихотворении «Симплициссимус I». Однако Гервег сумел убедить тогда Герцена, что является жертвой клеветы. Дружба с Герценом послужила своего рода общественной реабилитацией для Гервега.

⁶ О «кюзнях» Гервега М. К. Рейхель многое узнавала от Н. И. Сазонова, сохранившего с ним дружеские связи. Герцен с горечью писал Огареву об их общем друге студенческих лет: «Хорош еще и Николенка. Я с этим куском жира и разврата преврал все сношения. У этого мерзавца <т.е. Гервега> остался один приятель — это он <т.е. Сазонов>. У ней <т.е. у Натальи Александровны> один обвинитель еще — это он же <т.е. Сазонов>» (Сб. «Звенья», т. 8, 1950, стр. 34). В комментарии к цитируемому письму допущена ошибка: комментатор утверждает, будто упомянутый в письме «Николенка» — это Н. Х. Кетчер.

⁷ Н. А. Герцен имеет в виду свои письма к Н. А. Тучковой-Огаревой. Одно из них, от 2 марта 1852 г., опубликовано в «Русских прописях», т. I. М., 1915, стр. 273—274.

⁸ Намек на связь Н. И. Сазонова с одной итальянкой (см. XIII, 587—588).

⁹ *Малютка* — внебрачная дочь Карла-Эдмунда Хоецкого, Мария, которая была украдена посторонними лицами в отсутствии отца. После долгих усилий девочку удалось найти, но отец не мог сам приехать за ней. Герцен и Наталья Александровна предлагали приютить ребенка Хоецкого у себя. О дочери Хоецкого см. в «Былом и думах» (XIII, 608).

¹⁰ Речь идет о письме Герцена от 6 марта (VII, 19).

Зачем вы не пишете и никто не пишет? И без писем и с письмами довольно скверно, но ведь надо писать и... отвечать.

Машенька! Чувствую, мне необходимо написать тебе еще письмо, *по секрету от А<лександра>*: плохо возвращаются мои силы; болезнь прошла, кажется, но вот

уже скоро три месяца, а я встаю только затем, чтобы опять лечь, и малейшее потрясение кладет меня в лоск, а потрясений столько и такие страшные, что, может, и в могилу уложат. Нравственных сил у меня много, *непреодолимых*: сила моя — моя любовь к А<лександр>, опора моя — его любовь ко мне; никогда, мне так кажется, мы не были так проникнуты друг другом, никогда не знали, не провидели так друг друга, никогда не были так *воедино*. Все наше прошедшее не только не потеряло ни искры, но *сданное, оцененное*, как река в море, влилось в наше настоящее...

Ну, а физические силы — через 3½ месяца их мне нужно будет много¹... коли не хватит? Вне России ты самая близкая нам, это обязывает тебя подумать *наперед*, затем я и пишу *теперь*. Коли умру — завещаю тебе *быть как только ты можешь близко и материально моей семье*, об остальном уж и не прошу тебя, уверена. Только еще — береги детей, чтобы клеветы на наш союз не коснулись их; они могут и должны только благословлять его. На них я надеюсь, на детей, на них *так ясна печать истинности и полноты этого союза. И с ней они не погибнут*, но клеветы набросят тень... мне жаль, мне это невыносимо думать; охраняй их от этого.

Не покидай их, пока можешь, на подмогу выпиши из России родных нам душою, кто может...

Как бы хотелось сохранить в них *русскую натуру и натуру А<лександра>*; как бы хотелось, чтобы их путеводила и охраняла такая же любовь, как моя...

Выпишите тогда непременно Татьяну Алексеевну², потом, может быть, вырвется из цепей Natalie O.³

Со временем я бы желала, чтобы дети воротились в Россию; они — ее достояние, я бы не хотела, чтобы она была лишена такого сокровища; этот догнивающий мир не стбит их; нам только, старикам, не жаль сложить в нем свою голову; ей *маленько* здесь, избытой и наболевшей.

Может, ты помнишь маленький фантастический отрывок⁴, в котором Александр рассказывал, как он мальчиком шести лет, нервный, худой, с огненными, живыми глазами, резвый — вдруг раз присмирел и призадумался, глядя на падающую с неба звездочку... в эту минуту вошла в комнату его мать и сказала ему: «У тебя родилась сестрица» — это было 22 октября 1817 года... с той минутой мы неразлучны⁵. Он писал это с верою; я верила тому, что он писал. Но действительная жизнь кипеньем и волненьем своим относилась, уносила его от меня... вера моя слабела, я ловила его в этой пене, в этих волнах... и гибла, гибла от избытка любви к нему; да, мне *казалось*, что есть *избыток* ненужный... он меня давил, убивал, этот избыток (*не оправданье* — избави бог); страшная ошибка с моей стороны, ошибка, допустившая * меня увлечься в фантастический мир, блуждать в нем и чуть не погубить себя и что люблю⁶.

Обнимаю тебя с ребятишками твоими. Тата будет писать в следующий раз⁷. Вчера минуло 14 лет, как А<лександр> приезжал из Владимира тайно видаться со мною — на три минуты!.. У нас в этот день — крест в кружке⁸.

Мне хорошо, сон, аппетит и т. д., но ничего не могу делать — ни ходить, все лежать да лежать...

На обороте запись без начала и без конца: ...он, т. е. барельеф из бел<ого> мр<амора>, на котором изобразить 16-е ноября и вделать его в колонну.

А мне бы хотелось ребенка на мовум<ент>: из белого мрамора, но как же всех соединить?⁹ А если медаль...

Письмо № 22 помечено в копии как письмо с утраченным концом. А между тем среди подлинников писем Герцена, хранящихся в ЦГАОР, есть отрывок из письма Натальи Александровны (дело 247, л. 6-й), на обороте которого ее рукою сделана помета «Кажется 16-е». Судя по содержанию этого отрывка (со слов: «меня увлечется...» и до конца), он является концом публикуемого письма. На обороте Наталья Александровна пишет о проекте памятника Коле, Л. И. Гааг и Шпильману.

Пометка дает основание датировать публикуемое письмо серединой марта.

¹ Н. А. Герцен ожидала родов. Они произошли преждевременно, 3 апреля 1852 г.

² Татьяна Алексеевна — Т. А. Астракова.

³ Natalie O. — Наталья Алексеевна Тучкова-Огарева. После революции 1848 г. выезд из России за границу был чрезвычайно затруднен.

* Далее письмо цитируется по автографу.

⁴ Н. А. Герцен имеет в виду отрывок «Это было 22-го октября 1817 г.», написанный Герценом в Вятке в 1837 г. (I, 482).

⁵ От слов: «Александр рассказал» до слов: «мы неразлучны» — текст почти буквально повторен Натальей Александровной в письме к Н. А. Тучковой-Огаревой от 2 марта («Русские проицели», т. I, стр. 273).

⁶ Н. А. Герцен имеет в виду свое былое увлечение Гервегом.

⁷ В «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, ед. хр. 264) сохранилось значительное количество писем детей Герцена к М. К. Рейхель.

⁸ Герцен и Наталья Александровна после многолетней разлуки тайно встретились 3 марта ст. ст. 1838 г. С тех пор они относили этот день к наиболее светлым дням своей жизни и всегда вспоминали его. 3 марта было отмечено ими в календаре особым знаком: крестом в кружкѣ. О другом счастливом дне — свидании в Крутицах — Герцен писал 3 апреля 1837 г.: «Скоро 9 апреля, большой праздник в нашем календаре, крест в кружкѣ» (I, 405).

⁹ Памятник создан не был. Видимо, смерть Натальи Александровны и все последующие события отвлекли Герцена от осуществления этого проекта (см. о проекте VII, 21—22).

23

ПИСЬМО Н. А. ГЕРЦЕН

«Ницца.» 1 апреля <1852 г.>

Вчера твое письмо от 28 марта, теперь ты знаешь причину молчания — все болезнь да болезнь — дети и А<лександр> выздоровели, а меня грипп так ловко уложил в постель, что шевелюсь с трудом — наболело все — смерть! — лихорадка, кашель, уж даже грустно.

Тата в восхищении от яичка — merci! Б<откин> ¹ сделался совсем на Николая Чудотворца похож.

Благодарность мою за купленное и выразить не могу, особенно одна вещь так совершенно по моему вкусу, что мне лучше стало от нее на некоторое время.

Теперь ты получишь от меня посылочку, это будет к твоему рождению и именинам: усердия, объяснений, толкований было без меры, а будет ли толк, не знаю; вижу, иное взял бы да переделал, а сил нет, а другие не понимают: напиши для будущего, в чем недостатки.

Ну, прощай, будьте вы там здоровы.

N < a t a l i e >

Я никакой неосторожности не сделала, чтобы занемочь опять. Говорят, в городе эпидемия, даже смертность небывалая от гриппа. А так хотелось быть здоровой к 6-му ². Детей особенно Сашурочку, целую.

N < a t a l i e >

¹ Николай Петрович Боткин (1813—1868) — один из братьев В. П. Боткина. Его характеристику см. в воспоминаниях Рейхель (цит. изд., стр. 46). Указание на то, что он проезжал через Ниццу, см. в издании Лемке (VI, 156).

² 6 апреля н. ст. — день рождения Герцена. В «Былом и думах» в главе «Смерть» описано, как печально прошел в 1852 г. этот день, в последний раз проведенный Герценом вместе с женой.

Письмо № 23 сохранилось в «пражской [коллекции]» в подлиннике (ЦГАОР, ф. 5770, ед. хр. 247).

24

«Ницца.» 2 апреля <1852 г.>

Вы, милостивая государыня, буквой N¹ не шутите теперь, после «штатского удара»², как выражается Мел<ьгунов>. А то вот какие выходят блажи — вы упорно называете Villa Douis (т. е. Дуйс), Villa Donis — оно бы и ничего, даже и лучше, и на Донизети³ похоже, но беда в том, что Ст<анкевичи> искали час, а Бот<кин> — два.

Рад был я очень увидеть опять москвича. Товарищ его не нашел сил и храбрости явиться⁴. Застал он нас всех в гриппе, даже меня. Н<атали> № 1 пострадала более всех; даже я начинал побаиваться, чтобы не вышло тифозной горячки — чегыре месяца в постели, да еще проклятое дело это, как туча.

ДОМ СЮ В НИЦЦЕ, В КОТОРОМ В 1850—1851 гг. ЖИЛ ГЕРЦЕН

Акварель Ж. Гюйо, 1850 г.

Местонахождение оригинала неизвестно; печатается с негатива, сохранившегося в «пражской коллекции»

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

«Перед новым годом Natalie принесла мне показать акварель, которую она заказывала живописцу Guyot. Картина представляла нашу террасу, часть дома и двора, на дворе играли дети, лежала Татина юза, вдали на террасе была сама Natalie» («Былое и думы», гл. «Еще год»

Что касается до дела, оно вступает в новую фазу и окончится скоро (прочтите мою записку к Мел<ьгунову>⁵). Он⁶ дошел до того, что уж страшнее, чем бы вы думали — *асизами**. Он пишет к жене и Хоецк<ому>⁷, (а та⁸ читает всему городу), что он намерен чудеса преступлений наделать и хочет «эту женщину» посадить на лавку подсудимых — во что б ни стало. У него есть какой-то план клевет, — может, и удастся ему меня подкузмить, но что-то сдается мне, что это не так. Если мне на роду написано — фатализм бывает во всякой трагедии, это West Indian Pickles** ее, — пройти через земский суд и попробовать на конце жизни с противоположной стороны Сибири⁹ то, что пробовал вначале, то мне что-то сдается, что именно его при этом не будет. Но, бог милостив, мы и *постоим* (понимаете каламбур — насчет посиделок, т. е. асизов¹⁰).

Я, может, на днях пришлю вексель¹¹ на имя Рейхеля, об употреблении тогда сообщу.

Р. С. Рейхелю и вам большой поклон от Энгельсона, «крепкий», прибавляет он.

¹ В фамилии домовладельца Louis Рейхель по ошибке заменила букву *и* буквой *п*. Герцен шутивно намекнул, что буквой *п* начинается имя Наполеона III. На Villa Louis Герцен с семьей переехал после катастрофы 16 ноября.

² Шутливый перевод французского выражения «*coup d'état*» — государственный переворот.

³ *Доницетти* или *Доницетти* (1797—1848), известный итальянский композитор.

⁴ Кого имеет в виду Герцен, не установлено. В письме к Рейхель от 10 апреля 1852 г. Герцен тоже упоминает о каком-то товарище Боткина, не решившемся к нему зайти (VII, 48).

⁵ Эта записка Герцена к Мельгунову неизвестна.

⁶ Он — Гервег.

⁷ Карл-Эдмунд (Шарль-Эдмон) *Хоецкий* (1822—1899) — польский эмигрант, литератор. В конфликте между Герценом и Гервегом он принимал деятельное участие на стороне Герцена.

⁸ Жена Гервега — Эмма.

⁹ Герцен говорит здесь, повидимому, о своей готовности убить Гервега и понести за то уголовное наказание. «Какой процесс, какая виселица могли устроить? Жизнь свою я уже не ставил ни в грош. Это — одно из первых условий для дел страшных и безумных», — писал Герцен впоследствии в «Былом и думах» (XIII, 524).

¹⁰ «... Мы и постоим» <а не посидим> — игра слов, основанная на том, что слово «*assises*» по-французски значит и «суд присяжных» и «сидящие».

¹¹ Вексель был послан вместе с распоряжением об употреблении денег 13 апреля. См. ниже письмо № 26.

25

ПИСЬМО Н. А. ГЕРЦЕН

<Ницца> 13 апреля <1852 г.>

От души радуемся и поздравляем с успехами концерта. Хотелось бы послушать из него что-нибудь — у нас есть, кому спеть.

Ай да Сашка Богатов¹, хоть бы ты его дагерротип прислала, ведь усадила же я Оленьку. А смиреннее его не слишком увлекайся. Оля была уж такая, воды не замутит — и сделалась такая, что боже упаси. — Расцелуй его за меня.

Я хотела тебе написать некоторые подробности..., но из письма к М<ельгунову> увидишь en gros ***.

N < a t a l i e >

Сию минуту твое письмо, — ну коли под печатью молчанья хранилось что-нибудь для нас угрожающее, вредное, ты сломала бы эту печать — я уверена в этом, а, стало, это клеветы, которые он² на меня делал перед женой, во 1-х, перед А<лександром>, перед своими друзьями и, наконец, *передо мной самой*. На ответ Эн<гельсона>, которого у тебя копия и где вложено было мое письмо — он писал, ты знаешь что, уж я тебе

* суд присяжных (от франц. «*court d'assises*»).

** вестиндские пикули (острая приправа к еде) (англ.).

*** в общих чертах (франц.).

писала. Вдруг третьего дня письмо Энглельсону¹ является с целыми печатами на мое имя с припиской на пакете, что это письмо не ему, а мне. Ну вот и гадай. Да прочтите же Колач² мое-то письмо, а вызова, нового, о котором ты пишешь, нет.

Уф. Это писемко до тебя, оно
вступило в новую фазу и теперь
моя (примечание моего батюшки и т.д.)
вот дошел до того что у нас стра-
шно много дураков — а именно
от тех кто и знает — (а на самом
деле глупых) — это от наитупей-
шего пресмыкания под началь-
ством "той же самой" мафии
на лавку подкупности — вот это
и есть. У нас есть немцы то
которые живут, — может и
ураган силы имеет подкупность,
но что то сидит у нас это это
и есть. Если мы народ на
милую — братская любовь
то великой трагедии, это есть-таки
Риккер и — против герца Землин-
ского и попробуй на него со-
противляющийся бороться. Вспомни
то что предвещает будущее, то что
то же есть то писемко со приложением
будущего. Но вот только что, и только
(попытайся как-нибудь на это походить
т.е. а именно)

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К М. К. РЕЙХЕЛЬ ОТ 2 АПРЕЛЯ 1852 г.

Написано на свободных листах письма Таты к М. К. Рейхель

Лист 2

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

¹ Сашка Богатонов — Саша Рейхель («Reich» по-немецки — «богатый»). Вероятно, это шуточное прозвище было дано ему Герценом. Богатонов — персонаж комедии Загоскина.

² Гервер.

³ Адольф Колачек (1796—1861) — австрийский политический деятель и публицист. Примыкал к «левой» франкфуртского парламента. С 1850 г. издавал «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft und Leben» («Немецкий ежемесячник политики, науки и жизни»). В этом журнале Герцен поместил несколько глав из своей книги «С того берега» и работу «О развитии революционных идей в России». В шестидесятых годах Колачек, отошедший от революционного движения, сделался сторонником правительства Франца-Иосифа.

Письмо № 25 сохранилось в «пражской коллекции» в подлиннике (ЦГАОР, ф. 5770, ед. хр. 247).

⟨Ницца. 13 апреля 1852 г.⟩

На сей раз две строки. Прочтите прежде письмо к Мел⟨ьгунову⟩. Оно вам объяснит дело. Вызова второго не было. Хорошо, кабы Мг Колач⟨ек⟩ прочел письмо от N⟨atalie⟩ и от Энгельсона. А впрочем, все вместе так скучно, что лучше 5 дуэлей.

Прилагаю вексель в 2500; 2000 отошлите Егору Ив⟨ановичу⟩ с тем, чтоб 1500 Вере Арт⟨амоновне⟩¹, а 500 Акс⟨инье⟩ Ив⟨ановне⟩² отослал, остальные 500 оставьте у себя за комис⟨сии⟩.

¹ Вера Арт⟨амоновна⟩ — няня Герцена. Ее именем начинаются «Былое и думы»: «... — Вера Артамоновна, ну, расскажите мне еще разок...» (XII, 11). Герцен в течение всей своей жизни оказывал ей материальную помощь.

² Акс⟨инья⟩ Ив⟨ановна⟩ — А. И. Фролова, мать Н. А. Герцен, ошибочно названная Лемке Захарьиной.

АДОЛЬФУ РЕЙХЕЛЮ

Nizza. 26 April <1852>.

Gestern habe ich, lieber Reichel, den Brief von Maria bekommen, aus welchem ich sah, dass sie schon auf der Reise ist¹. Dank und Dank. Ja, Freunde haben mich nicht verlassen. Sie nehmen <mir> die Hälfte der Schmerzen, <das> fürchterliche Kreuz welches mir als Lohn von der Fatalität zugefertigt war.

Ich stehe am Wendepunkte: oder wird alles untergehen, oder etwas gerettet. In beiden Fällen fange ich ein neues Leben an. Den letzten Teil.

Alles hängt von der Krankheit ab; den 24-ten glaubten alle Doctoren und wir, dass alles sich beenden wird; aber die Kranke erholte sich und war 2 Tage heil.

Die Schwäche ist unendlich gross. Aber der Organismus kämpft mit acharnement*.

Bereit auf alles, stehe ich da — die Hände gefaltet und warte auf <eine> stupide Sentenz einer stupiden Macht und werde alt und dumm.

Adieu, geben Sie das Zettelchen an Melg⟨unoff⟩².

П е р е в о д:

Ницца. 26-е апреля <1852 г.⟩

Вчера, милый Рейхель, я получил письмо от Марии, из которого увидел, что она уже в пути¹. Спасибо, спасибо. Да, друзья не покинули меня, они берут на себя половину страданий, страшный крест, ниспосланный мне судьбой как возмездие.

Я стою у поворотного пункта: или все погибнет, или что-нибудь будет спасено. В обоих случаях я начну новую жизнь. Последнюю часть.

Все зависит от болезни; 24-го и все доктора, и мы сами думали, что наступит конец, но больная пришла в себя, и 2 дня ей было лучше.

Слабость беспредельная. Но организм борется с acharnement*.

Готовый ко всему, стою я, сложа руки, и ожидаю бессмысленного приговора некоей бессмысленной силы и становлюсь старым и глупым.

Прощайте, передайте записочку Мельг⟨унову⟩².

¹ М. К. Рейхель выехала в Ниццу по просьбе Герцена, чтобы своим присутствием облегчить последние дни жизни Н. А. Герцен (VII, 50).

² Эта записка Герцена к Мельгунову неизвестна.

28

АДОЛЬФУ РЕЙХЕЛЮ

<Nizza.> 27 April <1852>

Keine grosse Änderung weder zum Guten, noch zum Schlechten. Die Prostration ist gross. Sie isst beinahe nicht. Da haben sie meinen Bericht. An Melg<unoff> werde ich ein anderes Mal schreiben. Wir warten übermorgen M-me Reichel. Sascha wird sie empfangen auf dem Pont du Var.

Sagen Sie H<errn> Bernazky¹, dass anstatt mir die Erlaubnis zu geben über Frankreich zu gehen — hat man mir ein Refus vom Ministre des affaires étrangères geschickt².

Le soir

Cela va très mal. Toutes les espérances s'évanouissent. Dieu des dieux, ce qu'elle souffre. Demain je vous écrirai si cela va bien*.

Перевод:

<Ницца.> 27 апреля <1852 г.>

Без больших перемен: ни к лучшему, ни к худшему. Сильная прострация. Она почти ничего не ест. Вот вам мой отчет. Мельг<унову> напишу другой раз. Послезавтра ждем М-ме Рейхель. Саша встретит ее на Варском мосту.

Скажите г-ну Бернацкому¹, что вместо того, чтобы дать мне разрешение на проезд через Францию, мне прислали refus ** от министра иностранных дел².

Вечером

Очень плохо. Все надежды исчезают. Боже милосердый, как она страдает! Завтра напишу вам, если будет благополучно.

¹ О Бернацком см. примеч. 5 к письму № 13.

² Правительство Наполеона III отказало Герцену в праве на проезд через Францию из-за его участия в революционном движении 1848—1849 гг.

Письмо от 27 апреля—последнее, написанное при жизни Натальи Александровны. Через несколько дней Герцена постигло тяжелое горе, надолго подорвавшее его душевные силы: 2 мая, вскоре после родов, скончалась (вместе с новорожденным сыном Владимиром ***) Наталья Александровна. М. К. Рейхель осталась на некоторое время в семье Герцена. 22 мая она уехала к мужу в Париж и, по просьбе Герцена, увезла с собой Тату и Ольгу. Саша остался с отцом. Накануне отъезда М. К. Рейхель Герцен писал ее мужу:

29

АДОЛЬФУ РЕЙХЕЛЮ

Nice, 21 Mai 1852

Cher Reichel. Demain part Marie et mes enfants, je les laisse sous votre garde. C'est la limite de la confiance. Marie et vous — vous me remplacerez pendant quelque temps. C'est un bienfait pour moi. Mais vous ne devez pas en souffrir. J'ai parlé avec Marie et j'insiste sur ce point; je veux avoir la permission d'évaluer moi-même les dépenses. Si les enfants restent une année je vous remettrai 5000 fr. Vous pouvez disposer de 2500 dès aujourd'hui et cela sera pour les premiers six mois. Ne m'objectez rien, de grâce, vous me chagrineriez profondément.

Je ferai tout mon possible pour revenir à Paris. Alors je prendrai une petite maison près de vous. Dans le cas contraire Marie m'amènera les enfants dans quelques mois. Dites à Bernazki¹ que c'est le temps de pousser ses amis, ses ennemis, à m'aider un peu et demander Schombourg s'il n'y a pas possibilité de faire quelque chose par Rotchild.

* Первоначально было: mieux; исправлено карандашом: bien.

** отказ (франц.).

*** Герцен назвал сына, родившегося 30 апреля, Владимиром в память своего «венчального города» — Владимира. Герцен и Наталья Александровна в последние месяцы общей жизни часто вспоминали свое владимирское житье.

Je vous envoie une lettre de change à votre ordre sur Rotchild, sur une somme de 5000 fr. J'en ai déjà donné l'avis. Faites vous rembourser le même jour et remettez 1000 fr. à Ernst², gardez les 2500 pour vous et 1500 laissez les en billets chez vous, je les demanderai, moi ou Ernst, une partie ou le tout.

Aimez les enfants.

Aujourd'hui il y a 14 ans que je me suis marié, il n'y a que des tombeaux autour. Je ne suis pas vivant non plus, mais je me tiens.

Je vous embrasse.

Перевод:

Ницца. 21 мая 1852 г.

Дорогой Рейхель. Завтра Мария отправляется с моими детьми, я оставляю их на ваше попечение. Это — предел доверия. Мария и вы — вы замените меня на некоторое время. Это для меня благодеяние. Но вы не должны пострадать от этого: я говорил с Марией и на этом настаиваю; я хочу получить разрешение самому определить расходы. Если дети пробудут год, я внесу вам 5000 фр. Вы можете располагать 2500 фр. начиная с сегодняшнего дня, и это будет за первые полгода. Не возражайте же, пожалуйста, вы глубоко огорчили бы меня этим.

Я сделаю все возможное, чтобы вернуться в Париж. Тогда я найму домик поблизости от вас. В противном случае Мария привезет мне детей через несколько месяцев. Скажите Бернацкому¹, что пора подтолкнуть его друзей и врагов помочь мне немного, а также спросите Шомбурга, нет ли возможности сделать что-нибудь через Ротшильда. Посылаю вам переводный вексель на ваше имя к Ротшильду на сумму в 5000 фр. Я уже дал на него авизо. Получите деньги в тот же день и передайте 1000 фр. Эрнсту², 2500 возьмите себе, а 1500 оставьте в билетах у себя, я сам или Эрнст запросим их — часть или всю сумму.

Любите детей.

Сегодня исполнилось 14 лет со дня моей жевитьбы, кругом только могилы. Я тоже уже не жив, но держусь.

Обнимаю вас.

¹ А. Бернацкий.

² Эрнст — Э. Гаут.

30

⟨Ницца.⟩ 24 мая ⟨1852 г.⟩, утро

Если бы я вымерил прежде, как трудна разлука с детьми, может, я, вопреки уму и разуму, оставил бы их. Особенно отсутствие Таты. Такая пустота и тоска в огромном доме, да к тому же отвратительная соседка моя¹.

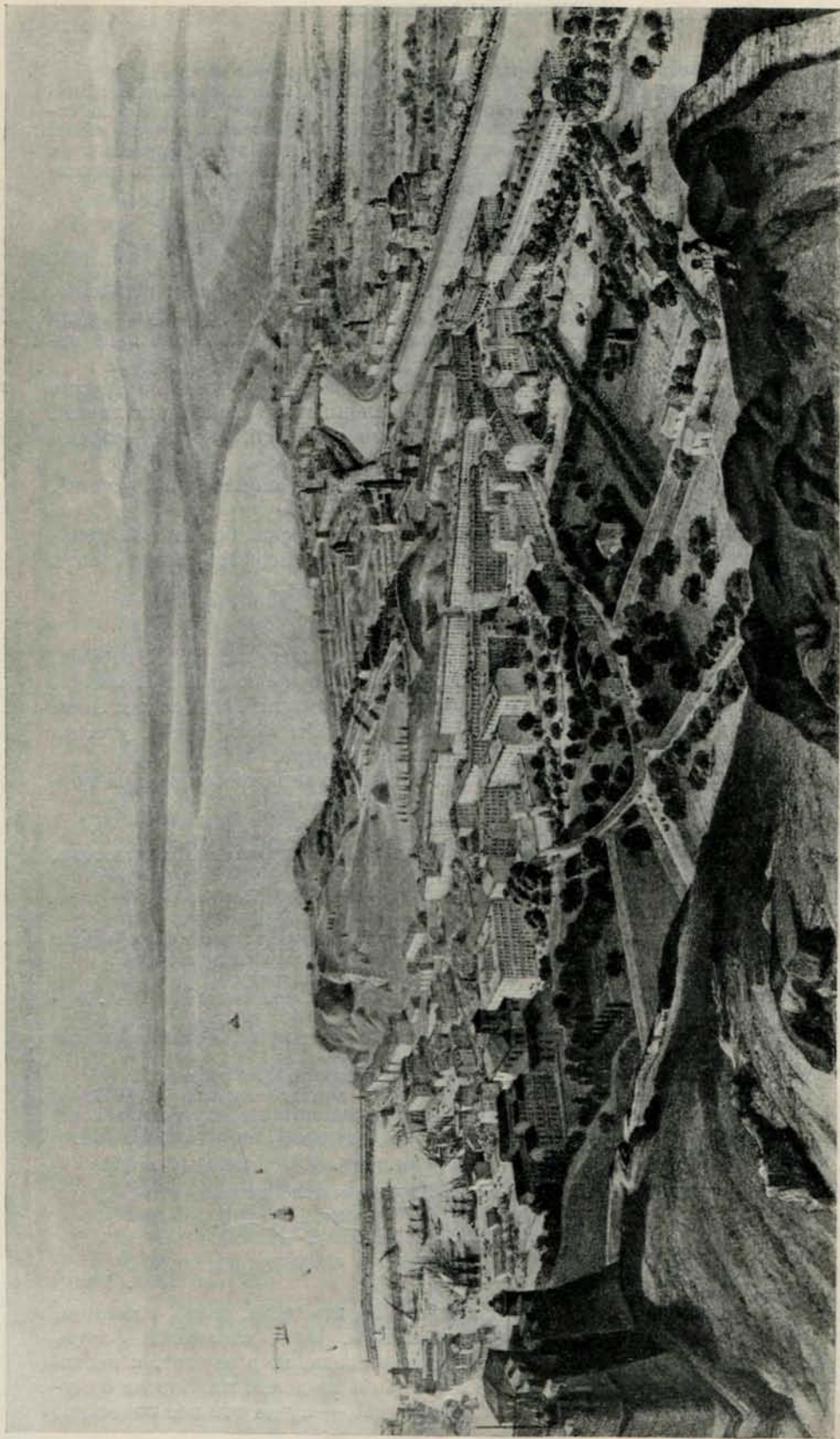
Если все пойдет хорошо, я постараюсь, так или иначе, навестить их через три месяца. Судорожное волнение, в котором я жил, улеглось, зато пустота и весь ужас потери яснее, живее. Всякую ночь я вижу во сне смерть Н с такими страшными подробностями, и мне так кажется, что еще можно спасти. Сегодня я даже видел Ив⟨ана⟩ Ал⟨ексеевича⟩². Фантазия, сон и быть — все обращено на бывшее, на кладбище. Видел еще и Огарева.

Лишь бы время искуса прошло, чтобы отдаться тихо и спокойно воспоминанью. Сегодня, может быть, будет письмо из Марселя³. Прощайте. Если увидите Саз⟨онова⟩, скажите ему, что я усердно благодарю за письмо, но писать особо не имею еще ни сил, ни желания⁴. Дружески жму руку Рейхелю. Сейчас получил письмо из Драгиньяна. Вот это мило! Ай да Генерал!⁵

¹ Речь идет об А. Х. Энгельсон. Она вызывала постоянное раздражение Герцена упорными попытками захватить в свои руки воспитание его детей.

² Ив⟨ан⟩ Ал⟨ексеевич⟩ — И. А. Яковлев, отец Герцена, умерший в 1846 г.

³ Герцен ожидал известий от М. К. Рейхель, отправившейся с его детьми в Париж через Драгиньян и Марсель и, очевидно, обещавшей написать из этих городов.

НИЦА

Литография Юли Арну, 1850-е гг.

Слева направо: порт, гора Шато, на правом склоне горы — кладбище, где в 1852 г. была похоронена Н. А. Герцен, а в 1870 г. — Герцен; далее река Пайон с Варским мостом
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

⁴ Письмо Саазонова к Герцену, о котором идет речь, до нас не дошло.

⁵ *Генерал* — Эрнст Гауг, участник венской революции 1848 г. и защитник Римской республики в 1849 г. Гауг — австрийский офицер в отставке, чин генерала получил от Гарибальди. В период семейной драмы Герцена он оказался в числе самых близких Герцену людей. Гауг сопровождал М. К. Рейхель и детей Герцена в их поездке. Какое сообщение в письме М. К. Рейхель из Драгиньяна вызвало восклицание Герцена о Гауге, установить не удалось.

31

⟨Ницца.⟩ 24 мая 1852

И второе письмо, т. е. из Марселя, пришло. Теперь вы, вероятно, в Париже. Я жду письма, чтобы ехать в Геную. Письма адресуйте туда или сюда *poste restante* — все равно дойдут, лучше даже, пока я не напишу еще раз, посылать в Ниццу.

Моей нравственной усталости и ничтожности нет предела. Мне трудно написать вам несколько строк. Нет ни определенных мыслей, ни желаний. Сero и тяжело. Таты мне сильно недостает, но не бейся, сердце, — время воли еще не пришло.

Вы обещали наекнуть насчет Никол⟨ая⟩ Пл⟨атоновича⟩ в России¹. Кольните Сат⟨ина⟩ слегка².

Скука у нас царит. Купаемся, спим, пустота, тоска, бежать бы куда-нибудь. А тут эта пошлая дура кокетничает, тянется, дуется и здорoveет³.

Нет Ахилла и Патрокла.

Жив презрительный Терсит⁴.

Это грубо и гадко. Но, во-первых, она мне мешает жить, во-вторых, она в моих глазах топит человека, которого я много и сильно люблю⁵.

С другой стороны берлинка⁶ только и охает о векселе⁷. Это ее так занимает, что не мешало бы передать Петерсону⁸. Он меня очень утешил своими письмами⁹. Какая нежная и крепкая натура.

Прощайте. Вас я продолжаю любить безмерно и даже без всякой подлости, чтобы этим заслужить детям сахарную булочку.

Рейхеля обнимаю.

К следующему разу я напишу адрес доктора, на случай необходимости, ибо Пальм¹⁰ стар, а незнакомых боюсь.

¹ Герцен звал к себе Н. П. Огарева.

² Н. М. Сатин был должен Герцену крупную сумму. Герцен просил его проценты с этой суммы выплачивать Егору Ивановичу, но Сатин просьбы не исполнял.

³ А. Х. Энгельсон (см. примеч. 1-е к предыдущему письму).

⁴ Неточная цитата из «Торжества победителей» Ф. Шиллера в переводе В. А. Жуковского.

⁵ Герцен считал, что жена В. А. Энгельсона губит своего мужа. О семейной жизни Энгельсонов см. в «Былом и думах» (XIII, 593—599).

⁶ Берлинка — жена Гервега, дочь крупного берлинского коммерсанта.

⁷ Э. Гервег, взяв у Герцена 10 000 фр. займа, выдала ему вексель (VII, 35 и XIII, 555). После разрыва с Герценом она всячески пыталась получить вексель обратно. См. об этом в «Былом и думах» (XIII, 555).

⁸ Петерсон — прозвище Э. Гауга.

⁹ См. VII, 41—44.

¹⁰ Пальм — доктор Пальме, лечивший в Париже семью Герцена.

32

31 мая 1852. Ницца

Вчера получил ваше письмо из Парижа. Ну, это дело, стало, с концом, пусть дети пока поживут под кровом вашим. Пока страшный фатум, который играет со мной так по-тигриному два года, не доиграет, я несвободный человек и живу, задерживая дыхание и не делая планов на будущее. Потом отдохнем, а как хочется отдохнуть! — ну да это все известно.

Доктор, о котором я писал, — Compaudou; к нему будет записка от Тессье¹, но он не уверен в адресе, а потому рекомендует спросить M-me Tessié — ей от меня искренний, дружеский поклон.

Полковник² отправился вчерашнего числа в Геную. Я останусь еще здесь дней пять (если не будет особых обстоятельств), и, верите ли моему малодушию, я остаюсь только потому, что полковница в Генуе, а мне от нее тошно, как от корабельной качки. Бедный полковник, мне его смертельно жаль! Портрет для Оли очень удался, и я желаю еще с него копию. Ту я отправлю.

У нас теперь духа женского в доме нет, точно état-major*, или казарма, или, пожалуй, монастырь. Прощайте. Я еще заеду на почту и, если есть письмо, прежде прочту и припишу вам.

Скажите Морицу³, чтобы он не обижал ваших приемышей, ибо он maître de la maison**.

¹ Тессье дю Мотэ — см. о нем выше в наст. томе.

² Полковник — прозвище В. А. Энгельсона.

³ Мориц — малолетний сын А. Рейхеля от первого брака.

2 июня 1852. Ницца

Второе письмо ваше из Парижа пришло. Ах, вы, моя милая Маша, как вы рассуждаете о том, что я не уехал или что я не один. Сердцем, умом, бешенством и грустью, всем — понимаю я это. Но я год и десять месяцев¹ склоняюсь перед какой-то силой и имею не волю, а упорство.

Последние минуты N<atalie>, первые дни после ее кончины были отравлены тревогой, беспокойством, ожиданием. Мне не дали сосредоточиться: шумом, говором, напоминанием злодея меня развлекали... Теперь стало тише, но та же туча висит над головой, изнашивая силы вечной борьбой. Я думаю, что я скоро дойду до колоссальной апатии — надломленная душа сломится тогда.

Мне в будущем ничего нет, и нет мне будущего. Дети. По совести, разве они не воспитаются, не вырастут после меня, когда есть друзья, как вы и как двое, трое еще? Заметьте, что во мне нет ни малейшей способности учить, напр<имер>, Сашу. Мое положение ужасно изменилось после 2-го мая и даже после отъезда детей.

Я становлюсь независимее и ненужнее, все интересы мало-помалу тухнут, грусть и думы о былом², грусть и страшное желанье казни и обличения — вот три четверти моей души, четверть принадлежит друзьям. Дети входят во всё. Но дети — будущее, которого у меня нет, да которого я уже не ищу. При всем этом меня иногда ужасает, иногда пугает мое каменное здоровье, это что-то нечеловеческое.

Жизнь более покойная непременно придет, но я должен дойти до нее исподволь, я слишком еще завишу от обстоятельств и людей, чтобы делать круто. Au reste***, с отъезда M-me Engelson у нас гораздо лучше, тише, серьезнее. Жду только писем от Петер<сона>, т<ак> ч<то>, вероятно, все-таки к субботе уеду. Обо всем извещу.

P. S. Письмо, извещающее о Трио³, от Таты пришло. Так как от Петер<она> ничего, то я опять день-другой больше здесь.

¹ В августе 1850 г., т. е. за «год и десять месяцев» до того дня, когда было написано публикуемое письмо, из Парижа в Ниццу приехал Гервег и поселился под одной

* штаб (франц.).

** хозяин дома (франц.).

*** Впрочем (франц.).

крышей с Герценом. «В Ницце я мог измерить всю величину бедствия <...>, — писал впоследствии Герцен. — Я был оскорблен, ошеломлен, глубоко несчастен» (VII, 35).

² В этих «думах о былом» зародились «Былое и думы» (см. письмо № 38).

³ Возможно, речь идет об одном из музыкальных сочинений А. Рейхеля.

5-го июня. Ницца. 1852

Сегодня едет Эдмунд в Турин; во вторник утром, места уже взяты, отправляемся мы в Геную. От вашего спутника¹ получили грамотку из Лондона, он здоров. Наконец ядвигаюсь с места — что будет, где осяду, как — не знаю, да, по правде сказать, все это равнодушно. — Дети у вас; Саша не останется один. Хорошо, если я в наличности, а нет — так и это недурно. Людей совершенно ненужных не бывает, у кого нет детей — есть *Фаяль*², у кого нет Фаяля — есть дом, сад, огород; стало, такой надобности не переживешь³.

Два месяца, два года тому назад⁴ я был необходим. Передо мною было страшное событие, и крик раскаянья и крик спасения — я спас и спас бы торжественно, но пароход «Bordeaux et Nantes» был не в моей воле, но ряд злодейств чудовищных, нечеловеческих был не в моей воле. Я как восстановитель, как мост между светлым былым и настоящим, брошенный через пропасть, был необходим. И вы знаете, сколько гордости, предрассудков я принес на жертву — все это кончилось смертью. Я чувствую почти всегда эту холодную руку, покрытую потом. С этой смертью я сделался почти лишним. Великое дело, когда человек умеет понимать, что он *перешел* высшую точку своей жизни.

Моя высшая точка была этот *страстный год*. Кто хотел, кто мог взглянуть во все совершившееся во мне — тот не откажет мне в силе и последовательности. Далее самое это <!> делается ролей, манерой. Надобно удалиться со сцены, пятый акт оканчивается, театр покрыт гробами — кому же нужно видеть, как Тальма, после, у себя раздевается, как его кусают блохи и как он чешется. Живи или умирай, — это все равно, но знай, что ты доигран; но знай, что 3-го мая были и твои похороны. Это так верно, что стоит, подумать, напр<имер>, о Пие IX, о Ледрю Роллене и С^{те}: если бы они во-время умерли — они остались бы великими теньями, а теперь один гадок, а другой смешон.

Всё, что вы можете против этого сказать, — дети. Я это чувствую, но я вам писал третьего дни: я неспособный человек; впрочем, они-то и держат в узде. Да еще — дружба. Она проводила меня и теперь окружает; не оттого ли это чувство долговечнее, что оно не столько дает, не столько требует, не всё берет — об этом рассуждайте сами, а я довольно беседовал.

¹ Речь идет о Гауге.

² В копии к слову «Фаяль» сделана сноска: «Собака Пачелли».

³ ...такой надобности не переживешь — в смысле надобности продолжать жить.

⁴ Два месяца — борьбы за жизнь Наталии Александровны; два года — борьбы за освобождение ее от влияния Гервега.

7-го июня 1852. Ницца

Завтра утром мы выезжаем, адресуйте впредь до перемены à Gênes (Etats Sardes), poste restante*. Мне очень больно расстаться с Ниццей — это последнее подтверждение всех несчастий. Может быть, годы пройдут прежде, нежели я увижу дом Сю, — для меня это скала, к которой был прикован Прометей, — дом Дуйс и могилу¹. Но выбора нет, пятое действие

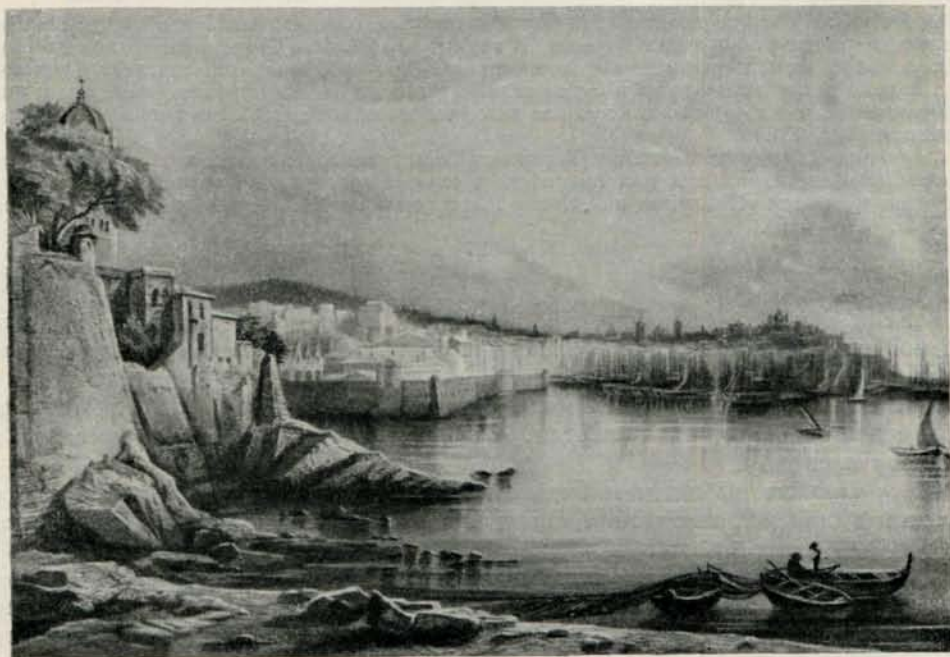
* Генуя (Сардинское королевство), до востребования (франц.).

несется быстро, веет концом. Не концом грусти: сломленная душа не склеится, — но концом тревоги, чувством унижения.

Да, намекиньте Огареву — а куда он приедет? Пожалуй, мы и в Нью-Йорк лупнем. Я беру назад, что писал в прошлом письме о ненужности. На мне еще лежат обязанности сказать погребальное слово и слово благодарности².

Прощайте.

Р. С. Сейчас получил из Лондона второе посланье³ и от Осипа Ивановича⁴ тоже. Петере<он> — молодец; да, дружба себя показала. Прощайте, а из Генуи скажу: «Здравствуйте!».

ГЕНУЯ

Литография с рисунка Леопольдины Дзонетти-Борзино, 1850-е гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

«Я приехал в Геную... средневековые улицы гористые, узкие, черные... необычайной вышины дома... полуразрушенные переходы, укрепления...»
(«Былое и думы», гл. «Venezia la bella»)

М-me Pacelli⁵ целует Тату.

При свидании поклонитесь М-me Tessié и скажите, что ее муж — мое единственное утешенье теперь с Сашей.

¹ В доме Сю Герцен жил вместе с семьей Гервега. Дом Сю был изображен на акварели художника Гюйо (см. выше в наст. томе), послужившей поводом к объяснению Герцена с Натальей Александровной, описанному в «Былом и думах» в главе «Еще год». Здесь семья Герцена пережила известие о гибели Луизы Ивановны, Коли и Шпильмана. Вскоре после этой катастрофы Герцен переехал в дом Дуйса, где скончалась Н. А. Герцен.

² Это — первое указание на замысел написать «мемуар», возвеличивающий память Натальи Александровны, тот «мемуар», который привел Герцена к созданию «Былого и дум».

³ Второе посланье — от Гауга (Петерсона).

⁴ Осип Иванович — прозвище Джузеппе Мацини в переписке Герцена.

⁵ М-me Pacelli — жена итальянского музыканта, учителя Саше (см. в «Былом и думах», гл. «Смерть» — XIII, 553—554).

22 июня 1852. Белинцова

Ну вот, опять Швейцария. Я замечаю, что когда я переезжаю из одного места в другое, я начинаю словом: «Ну вот».

Приехал сейчас, и устал, и получил депешки разные, и довольно недоволен¹. Всё идет вяло, надобно, видно, самому приняться. Помните сказку о жаворонке и жнецах?

Для забавы мы приехали на австрийском корабле (т. е. пароходе) под двуглавым орлом². Прощайте на этот раз. Тате и Оле скажите, что я устал очень и Саша тоже. Оттого и писать будем после.

Письмо пошлите, адресуя импасс*.

Только помните мой адрес — à Bellinzona (Suisse).

¹ Герцен был неудовлетворен осторожностью, проявленной его итальянскими друзьями в деле осуждения Гервега. В тот же день, когда Герцен писал это письмо, В. А. Энгельсон, переговорив с итальянскими революционерами, извещал Герцена: «...они не хотят называть себя судьями, ибо только одна из тяжущихся сторон к ним обращается, и <...> они не выслушали того, что мерзавец мог бы сказать в свое оправдание» (VII, 78).

² Переезд двух изгнанников (Герцена и Тесье) на австрийском, а не на сардинском корабле представлял для них опасность в случае проверки паспортов. Этот переезд описан в эпизоде «Прогулка на „Князе Радецком“» из XXVII главы «Былого и дум» (XIII, 358—360).

Lugano, Albergo del Lago. 1852. 26 июня

Если б можно было приотворить грудь и разом бы передать всё, что в ней происходит, — какой горький и ядовитый masédoine** вы бы увидели!

Я столько потерял и так мало остается терять, что поневоле смотрю равнодушно на то, что делается. А в самом деле, есть отчего треснуть и черепу и сердцу.

Слыхали ли вы когда-нибудь о пытке, которая продолжается полтора года и в которой, как только свыкнешься с одной болью, принимаются за другую, противоположную.

Зачем меня выписали сюда? кажется, затем, чтобы опозорить, а всё из дружбы, из преданности¹. Петерс<он>, как только попался с немцами, так и потерял чутье, такт. И всё у него не клеится... я хлопочу его спасти как-нибудь из импасса — всё это кончится каким-нибудь громом, который удивит, испугает и от которого, я думаю, останется цел один мерзавец цюр<ихский>... Он сидит назаперти, никуда не выходит, и даже ставни затворены. Жена <его> окружила нас шпионами. Петер<сон> из всех сил старается: вредит себе и нам, чувствительно и дружелюбно. И всем нам*** нет покоя — ни на минуту. Ах, вы, Марья Каспаровна, Марья Каспаровна, неделю бы отдохнуть, собрать рассеянные мысли, страдать от несчастий, а не от ударов тупыми ножами.

Нет, от фатума не отвертись. Но голову свою я не склоню и не продам ее дешево. Рвусь я назад в Италию, у меня нет другой родины², я сжился и с природой и с людьми. Какая славная природа; в Генуе как чудесно я провел время (впрочем, благословенье Осипа Ивановича провозжает меня даже в глуши Тесины)³. Медичи⁴ я просто люблю с нежностью. А тут эти tedeschi**** — золотуха с идеализмом. В Геную, в Ниццу, на кладбище, на море, которое тоже для нас кладбище⁵. А, может, еще и в Италию съезжу. Лишь бы вынырнуть из этой клоаки. Дела затянулись. Надобно дать успокоиться умам.

* тупик (франц. «impasse»).

** смесь, кушанье, приготовленное из разных овощей или фруктов (франц.).

*** В копии: всем там

**** немцы (итал. «tedeschi»).

И в Лондон я собираюсь на несколько дней. По делам особенным⁶. А когда увижу детей? Ничего не знаю! А может, и совсем не увижу. Прощайте. Пишите пока сюда — Lugano (cant<one> Tess<ino>), пришлют за мной, если уеду.

Природа здесь удивительная: Италия по плодородности и роскошная до избытка, и место очень красиво.

Рейхеля обнимаю.

¹ В Лугано, поближе к Цюриху, где жил Гервег, Герцен приехал по приглашению Гауга (VII, 64), собиравшегося принять меры к наказанию Гервега (см. «Былое и думы», XIII, 562—570).

² После изгнания из России Герцен особенно привязался к Италии.

³ Тесина — район итальянской Швейцарии, с городами Лугано и Белинцона.

⁴ Джакомо Медичи (1819—1882) — один из видных участников борьбы за освобождение Италии. «Несколько недель, проведенных с ним в Генуе, — писал Герцен в «Былом и думах», — сделали мне большое добро; это было в самое черное для меня время, в 1852 г., месяца полтора после похорон...» (XIII, 345).

⁵ Герцен имеет в виду гибель в море Луизы Ивановны и Коли.

⁶ В Лондоне, по предложению Маццини, должен был состояться суд чести над Гервегом.

38

1852. 30 июня. Lugano

Ваши! письма, посланные в Геную, получили вчера. Сижу всё еще у озера Lugano с сосредоточенной злобой и с ироническим смехом à l'adresse* бессильной нашей демократии**¹. Вот уже ей можно сказать пушкинские стихи:

Нет ни в чем вам благодати,
И со счастьем разлад,
И прекрасны вы некстати,
И умны вы вевпопад².

Дело шло как нельзя лучше. Генерал с той же дружбой и с той же преданностью испортил было всё. Теперь Тесье поскакал умирять Генерала³; это последняя карта и самая сильная. Вы его знаете; после вас я еще больше сблизился с ним; сильная воля, огромный ум и отвага вандейца и революционера вместе. На него надеюсь, если он покорит Генерала. За сим выступлю я. Впрочем, одно дело сделано. Цюрихский злодей окончательно опозорен. Он сидит назаперти в своей комнате и не смеет показаться на улице. Я напечатал свой отказ и с ним вместе все наши свою декларацию, что честного боя с таким подлецом иметь нельзя⁴. Узнайте от Бернацкого, не желал бы он дать и свое имя, но с условием, чтобы Сазонов не знал об этом. С этим документом я отправлюсь в Цюрих и поселюсь в том же отеле. Он может меня прирезать, но на это надобно побольше храбрости. Друзья все отказались от него, он сам живет на хлебах у г-жи Кох⁵, вроде наемного фаворита. Ну, а стрелять из-за угла ему не приходится, т<ак>, к<ак> убивали спадаццини***, здесь нездорово — пахнет виселицей. Я же готов быть подстрелен им, лишь бы его повесили. Я попрошу Сапу привести на место казни и показать: «Так, мол, оканчивается душевный разврат и растление всего человеческого». — Вот тут и ломайте себе голову над этим словом «фатум», словом без мысли, выражающим справедливость, всемирную насмешку над разумом, безумие и власть. Ты думаешь, что ты свободен — ну так я пошлю бешеную собаку тебе на дорогу. Ты презирай собаку, ты гордись чистотой, правотой, но собака

* по адресу (франц.).

** В копии, вероятно, ошибочно: демонстрации.

*** наемные убийцы (итал. «spadaccini», правильное произношение — «спадаччини»). В копии: убив салдиш — слова явно копиястом неразобранные.

тебя укусила за ногу, и тебя посадят на цепь, и ты умрешь, страшая собой окружающих, и перекусаешь других. Что же ты в сравнении с бешеной собакой? И добрые люди умилялись и говорили: «Велик бог, умеющий готовить бешеных собак». Слабым это особенно нравилось, потому именно, что сильные были поставлены с ними вместе в зависимость собачьего яда, ими искусно придуманного Иеговы.

Я хотел очень много писать вам, но такие подлые чернила, что не могу с ними сладить. Вы пишете, что сохраняете мои письма — вот я и придумал из вас сделать *Mère Lachaise*⁶ и хоронить себя мало-помалу. Я принялся было писать о всех последних событиях моей жизни для Огарева и московских друзей, но невозможно — невозможно, как всякая другая работа, а так *rêlé-mêle** набросать, это еще идет. Не хотелось бы мне, чтобы что-нибудь осталось бы неясным. Письмо к Гаугу, которое в Лондоне надедало столько шуму и приобрело мне столько симпатий, слишком сжато⁷. (А *propos*, *M-me Biggs*⁸ писала сама ко мне, предлагает, в случае поездки в Англию, свой дом, для меня и для детей, но, кажется, теперь это не будет нужно.) Вы знаете мою жизнь с 1837 г.⁹ Она развивалась так пышно, я был так избалован любовью, дружбой, успехами, что беззаботно и самонадеянно отдавался судьбе, как будто нечего было бояться. Меня баловали все. Я платил искренней преданной любовью. Блестящий период русской жизни окончился торжественно прощаньем в Черной Грязи, в январе 1847 г.**; мы вместе с вами переехали границу. Год целый я изучал, присматривался. Наша жизнь в Риме и первые месяцы после февральской революции составляют второй и последний период поэзии. Это был закат, принимаемый мною за восхождение новой жизни. Когда я совершенно ознакомился с людьми и делами в 1849 г. — тогда только оценил я, что в этом мире движения я еще сильнее, нежели в русской тишине. Тогда я понял, какое место здесь я займу и как подниму русский вопрос.

Успех был огромный, лучшее, что я написал, написано в конце 1848 и начале 1849 г.¹⁰ Занять это положение, которое я имею, мне не стоило ни малейшего труда, но оно занимало меня, поглощало. Между тем, с каждым днем 1849 г. истинные надежды исчезали, озлобление, стыд, глупость стольких с одной стороны с нами <!>, нервная раздражительность — все это поддерживало судорожное и болезненное состояние духа.

Во время этой болезни подошел еще ближе ко мне злодей, которого я считал другом, с которым я никогда и не думал меряться. Он был потерян, опозорен; я рвался вперед, он старался скрыть отступление. Мое искреннее негодование нашло в нем отзыв. Но его негодование было следствием раздраженного самолюбия. Я отдался ему с тою опрометчивостью, с которой человек отдается *sans arrière-pensée****. Помните, я вам давал в Ницце читать его письма¹¹. Оставленный всеми, он держался за полу моего платья, как дети держатся за мать, проходя толпою незнакомых. Он плакал, расставаясь, он ютился ко мне по-женски. Я видел, что он очень несчастен, я верил, что он из неосторожности навлек на себя нареканье, думал, что какой-то противный для меня элемент скрытного разврата и жесткого эгоизма пройдет. Так мы приехали в Женеву. Холодно и неприязненно встретила немецкая эмиграция баденского беглеца; я его спас от ostracизма; я защищал его перед всеми, перед Фази¹² и Струве¹³, перед Маццини и его собственными приятелями. В это время обдуманно, осторожно, по капле он отравлял мое существование и, сжимая мне руку, благодаря горячо за мою деятельную дружбу, он изменял, лгал. Не буду

* как попало (франц.).

** В копии ошибка: 1846 г.

*** без задней мысли (франц.).

повторять писанного в письме к Гаугу; может, в другой день, писавши вам, мне захочется снова подвергнуть себя пытке, тогда я напишу. Теперь скажу вам несколько общих замечаний. Я никогда не мог понять того страшного «круженья сердца»¹⁴, как я раз писал вам. Ибо, сверх любви, я торжественно должен сказать, что я не встречал шире и выше развитой эстетически и разумно души, как N. — Шесть месяцев настойчивой клеветы, хитрого предательства, вечной угрозы самоубийства, вечного отчаяния — так резко оттенявшегося на моем светлом характере; ревнивого отчуждения себя от людей — в противность моей гуманности; ежечасного занятия с детьми — в противоположность моей рассеянности — погнули сердце высокой, необыкновенной женщины. Такова была моя незыблемая

ЦЮРИХ

Раскрашенная литография, 1866 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

вера, таков еще был мой полет, моя самонадеянность, что я, видя многое, не подозревал ни двоедушия, ни предательства. Страсть не есть преступление. И верите ли, что я понял истинный характер поступков, слов в Ницце, когда вы приехали. Сличая, вспоминая, я долго мало-помалу со страшной внимательностью изучал его прежде, нежели вскрикнул: «Да! Это злодей, растливший душу свою до того, что всякий след совести исчез». Мое заблуждение оправдывает заблуждение N. — Две вещи у меня лежат на совести: что я прежде <не> узнал его и — второе, мучающее меня и день и ночь, — что я, узнавши, не убил его.

Ко всему прочему, я с презрением увидел в последнее время, что в груди его гнезилось еще одно подлое чувство, именно — «зависть ко мне».

Ирония хотела, чтобы я лучше ударился в грязь, поднять меня <!> в нашей партии симпати<ею>, которую имели ко мне и в которой отказывали ему. Признания моих трудов и презрение к его праздности точило его,

несмотря на вечный разговор о том, что ему ничего не нужно, кроме круга двух людей и отшельнической жизни. Наконец — сластолюбивый, изнеженный, мелко-мещанский Сарданапал — он, уверяю вас, завидовал моим деньгам (которые бросал горстями).

Снова ссылаюсь на письмо к Гаугу. Когда, наконец, великие дни раскаянья показали мне, как недаром я верил в N. и тогда, когда она была в чаду, — тогда высотой преданности, любовью сильной, мужественной я взял половину ноши на свои плечи. Когда я думал, что раздавил этого червя, — он поднял голову с дерзостью, неизвестной на галерах, и уличенный во лжи, предательстве, с той же настойчивой злобой, клеветал, спрятавшись за 100 лье, — тогда я оценил мою слабость, мое преступление, что оставил его в живых.

С самого начала моей борьбы я вымерил, чего она мне стоила. Жизнь моя, разбитая неповинно, незаслуженно, не могла больше идти вперед. Вдруг исчезла и вера в себя, и вера в других. Я теперь иногда ищу развлечения, но ничего не делаю в самом деле.

Как будто на минуту воротились старые времена, как эти летние дни в ноябре, тогда зелень разнообразнее и цветистее, нежели в мае — это время от июля 51 <года> и до 16 ноября¹⁵. Время, в которое N. поднялась на высоту раскаянья, которое дало ей силу так величаво защищаться, потом реабилитировать себя. Но ее существование было сильно потрясено этими событиями; даром не могло пройти такое испытание; это была болезнь, но болезнь острая, разлагающая кровь. Она принимала с бесконечной любовью мой мир и мое забвенье, но свобода равенства казалась ей разрушенной. К тому же и я <не> мог, стоя возле, скрыть всякий стон, всякую минуту негодования за былое, грусти и сомненья.

Едва последние следы бури прошли, как разразилось 16-ое ноября. Вот вам опять фатум. Она пережила 16-ое ноября, но стяла одной ногой в гробе, когда этот изверг обрадовался нашей беде, чтобы сильной рукою толкнуть эту женщину, которую называл святою, — ему удалось.

Я три недели не раздевался и не спал у кровати больной, — казалось, первая опасность прошла, плерези* была прервана. Усталый от опасений, выздоравливая сам от безнадежности, ослабленный тревогой, сидел я раз у себя в комнате, когда мне подали письмо от этого мерзавца. Это было 28-го января.

С юности я никогда не был оскорблен никем. Теперь преступник, мерзавец, пишет слогом пьяного извозчика записку, пятнает меня, пятнает доносами N. — и я прикован к постели (едва вышедшей из опасности) больной.

Что я испытал, боже мой, что я испытал в первые дни! Итак, думал я, все эти блестящие...** все это пестрое и пышное предисловие для того, чтобы меня, избитого семейно гибелью Коли, матери, борьбой, болезнью N., дать на поруганье, на побои — кому же? — Злодею, которому я подарил жизнь потому, что две женщины¹⁶, бледные и отчаянные, просили о ней. И что я сделаю теперь? Кругом все чужие, не с кем посоветоваться, не с кем слова сказать. А тут и дети. Так и быть, самоотвержение до конца, сбейте венки с головы навозом. Я вынесу и позор. Вот вам награда за 39 л<ет>¹⁷, проведенных на бреши*** — на одну доску с Булгар<иным> и Базилевским¹⁸. И притом я с хохотом чувствовал, что я, опозоренный, выше того, которому с таким легким признаньем бросали венки — в сто раз выше, что я совершил... величайший акт преданности. Но ведь этот акт преданности и не должен был быть для других.

* плеврит (франц. «pleurésie»).

** *Пропуск в копии.*

*** на посту (франц. «rester sur la brèche» — оставаться на посту).

Первый человек, подошедший с пониманием, был Энгельсон. — «La colazione se comanda»*, — говорит Франсуа¹⁹. Прощайте.

П о с л е з а в т р а к а.

До 6-го февраля я был в каком-то безумии, не мог спать и помню очень, что в день отъезда Луизы, т. е. в ночь, вдруг меня осенила новая мысль, дерзкая, смелая — отказаться от чести драться с этой бестией, но отказаться не просто, но с шумом, открыто. Я вскочил и написал письмо Мац<цини> — этим письмом я сам себя компрометировал перед собою. — Вместе с отказом и главным поводом ему было религиозное чувство оправдания N., но для этого надо было непременно дать ей самой речь. Я дождался до 15 февраля и сообщил ей двадцатую долю, и то едва, гнусных доносов. Она уже знала, кто он, но такой гнусности, такой роскоши наглости — не ожидала. Она встала во весь рост, и под ее проклятьем он еще погибнет.

Риск был страшный. Но где же иной выход? Представьте себе смерть без оправдания. Что значило мое свидетельство и двадцать дуэлей? Всё склонилось перед ее объяснением, и с тех пор около меня составила новая брешь друзей. Вы знаете ответ из Лондона и пр<очее>²⁰. Один человек — Сазонов, поступил гадко, безумно²¹. Моя дружба, мое знакомство с ним кончены на веки веков. Кто тут не умел понять, в том не было ни искры души. Жир²² и гордость, ничем не оправданная, не заменяют ее.

Казалось, я восторжествую. Но кладбище между мной и торжеством. Но рок между им и мной и против меня. Да, он <рок> еще побьет варвара, осмелившегося быть свободным человеком между крамольными холопами Запада²³. Он нападает за веру в гниль, за доверье к старческому бессилию, и подлая рука его сведет еще в могилу и покроет позором *на время* меня и всю семью, несмотря на безусловную чистоту мою, на то, что, оглядываясь, мне не в чем упрекнуть себя **.

Да, ирония, ирония! Генерал²⁴, который так высоко понимал вопрос, теперь нудит меня драться с подлецом.

Трудно было отказать. Но теперь «troppo tardi»***. Теперь скорее цепи и Сибирь, нежели равный бой. Храбрость я могу еще показать на другом поле. Его я могу наказать, раздавить, сделать несчастным, презрительным, свести с ума, свести со света, но драться с ним — никогда! Это мой ultimatum.

И довольно на этот раз.

Прощайте, искренний, добрый друг; вам поручаю мою честь, вам мое оправдание перед русскими — насчет других... Итальянцы поняли всё это прежде других, да и Тесье не даст посрамить. Во всяком случае, первая часть второй части должна окончиться скоро²⁵. Верьте в меня неизменно. На досуге и в светлую минуту напишу насчет детей, на случай какого-нибудь сюрприза.

Жму много и крепко вашу руку. Я видел вчера Тату и Олю во сне. Оля выросла будто и меня не узнала. Я рвусь назад в Геную, но не поеду с осмеянным видом, а восторжествовать, или совсем не поеду.

Что Мельгунов?

Рейхелю дружеский поклон.

Addio

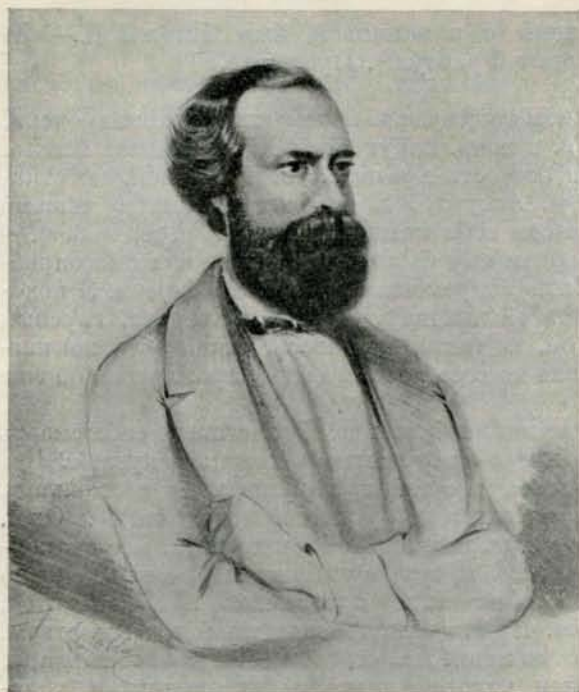
Получила ли Тата особое письмо, адресованное к ней?

С этого письма сделаны две копии (одна — в первой тетради, другая — во второй), отличающиеся одна от другой несколькими мелкими разночтениями. В первой тетради копия сделана не до конца. Она обрывается на словах «sans arrière-pensée».

* Завтрак подан (итал.).

** В копии здесь поставлен знак вопроса в скобках.

*** «слишком поздно» (итал.).

ФЕЛИЧЕ ОРСИНИ

Литография с рисунка Ф. Болла,
1840-е гг.

Музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, Москва

«Я познакомился с Орсини в Ницце в 1851 году; временами мы были даже очень близки, потом разошлись, снова сближались...»
(«Былое и думы»)

¹ Из Лугано Герцен послал «Призыв к братьям-демократам», в котором, объясняя причину своего отказа от дуэли с Гервегом, просил международную демократию вынести приговор: «Пусть впервые совершится правосудие без прокурора и жандармов, во имя солидарности народов и автономии личности» (VII, 67).

Далеко не все представители буржуазной демократии, к которым обращался Герцен, приняли сочувственно его «Призыв» (см. VII, 67—71 и 80—83). Отозвались лишь некоторые из тех, на кого он рассчитывал, что не могло не причинить ему сильного огорчения.

² Неточная цитата из стихотворения Пушкина без заглавия, написанного между 1820 и 1826 гг.

³ Гауг собирался вызвать Гервега на дуэль. Это совершенно не входило в намерения Герцена, так как придало бы совсем иной характер наказанию Гервега. «Усмирить» Гауга удалось только К. Фогту (XIII, 564—565).

⁴ В ответ на «Призыв к братьям-демократам» Герцен получил несколько ответных деклараций, в которых подтверждалось его право не драться на дуэли с Гервегом. Среди подписавших были: Ф. Орсини, Дж. Медичи и К. Пизакане (VII, 79—84).

⁵ *Г-жа Кок* — авантюристка, бывшая возлюбленная Луи Наполеона.

⁶ *Mère Lachaise* (Мать Ляшез) — шутка Герцена: *Père Lachaise* (Отец Ляшез) — известное кладбище в Париже.

⁷ Герцен имеет в виду письмо к Гаугу от марта 1852 г., в котором он впервые изложил историю своей семейной драмы (VII, 24—31).

⁸ *M-me Biggs* (ум. в конце 1866) — друг Роберта Оуэна. Герцен познакомился с ней в Ницце, в 1850 г., через Мадчини (XIV, 466—467) и, в свою очередь, познакомил ее с Феличе Орсини (Ф. Орсини. Воспоминания. Academia, 1934, стр. 160).

⁹ Герцен познакомился с М. К. Рейхель, тогда Эри, в Вятке, во время своей ссылки. Знакомство произошло, повидимому, в 1835, а не в 1837 г. (I, 200).

¹⁰ Герцен имеет в виду книгу «С того берега».

¹¹ Письма Гервега к Герцену опубликованы Лемке (XIV, 34—89).

¹² Джеймс Фази (1796—1878) — швейцарский политический деятель (см. о нем выше в наст. томе).

¹³ Густав Струве (1805—1870) — немецкий буржуазный радикал, республиканец (см. о нем в «Былом и думах» — XIII, 328—332).

¹⁴ Это выражение Герцен использовал впоследствии в качестве заглавия одной из глав в «Былом и думах», посвященных его семейной драме.

¹⁵ ...время от июля <18>51 и до 16 ноября — период между свиданием Герцена и Натальи Александровны в Турине и гибелью матери и Коли. Об этом периоде Герцен писал: «Спасибо судьбе за эти дни, за эту треть года, шедшего за ними: ими торжественно заключилась моя личная жизнь» (XIII, 534).

¹⁶ Н. А. Герцен и Эмма Гервег.

¹⁷ В 1851 г. Герцену было 39 лет.

¹⁸ *Базилеский* — камергер, высеченный своими крепостными людьми (VII, 383—384, IX, 78 и XIII, 74).

¹⁹ *Франсуа* — слуга Герценов.

²⁰ Речь идет об ответе Маццини. Он обещал Герцену полную поддержку и с осуждением писал о Гервеге. *Прочее* — поддержка, оказанная Герцену друзьями в Ницце и в Генуе. Письмо Маццини от 27 мая 1852 г. опубликовано в «Образах прошлого» М. Гершензоном (М., 1912, стр. 265).

²¹ Сазонов, поверив Гервегу, стал убеждать Герцена не удерживать Наталью Александровну, которая якобы ради Гервега готова была покинуть семью.

²² Сазонов был очень толст.

²³ Герцен говорит о буржуазных демократах, оставшихся во власти мещанских традиций.

²⁴ *Генерал* — Эрнст Гауг.

²⁵ По определению Герцена, «первая часть» его семейной драмы закончилась смертью жены. Под «первой частью второй части» он, вероятно, подразумевал подготовку суда над Гервегом, который, по его предположению, должен был состояться в Лондоне.

39

⟨Lugano.⟩ 2 июля 1852 г.

Получил тысячу франков и письмо. Детей, разумеется, Егору Ив⟨ановичу⟩ не дам, а вы можете ему написать, что теперь-де более, нежели когда-либо, надобно ему подумать о детях и изменить духовную; пусть он посоветуется с Гр⟨игорием⟩ Ив⟨ановичем⟩¹; может, наконец, на ваше имя перевести, а вам поручить передать.

Дела, кажется, немного поправились. Генерал оставил свои намерения, и теперь идет правильная осада. Всякий день открывается новая гадость, новое злодейство этого изверга. Если б не его подлая трусость, нельзя вымерить, до чего бы он дошел. Что-нибудь да будет, хорошо ли? Мудрено сказать — но «что-нибудь» лучше этого застоя.

КАРЛО ПИЗАКАНЕ

Гравюра

Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК КПСС, Москва

«...я знал bel capitano и не раз беседовал с ним о судьбах его печальной родины...» («Былое и думы»)

Я пишу инструкцию Рейхелю насчет опеки. Я хочу, чтобы Рейхель заведывал всею финансовою частью, исключая перемещения капиталов, которое надобно делать сообща и еще с советом Прудона и Шомбурга. В этой инструкции будет речь и о воспитании (с материальной стороны), и о будущем разделе капитала. В Совете о воспитании будут Тесье, Фогт, Энгельсон, Хоецкий и Мельгунов, если останется <за границей>. Да еще и Мишле. По юридическим делам Фази с Шаллер^(ом)².

Вы царствуйте над Татой и Олей. Я полагаю, что сначала Саша должен учиться в Женеве — у Фогта, потом в Париже. В Париже он должен жить у вас³.

Вы — альфа и омега, прошу не умирать ни под каким видом. Дело в том, что, кроме вашего пристрастия к нам, вы сделаете из детей русских. Саша и так верит, что он швейцарец (это его консерватизм так, как давно в Париже консерватизм Таты). Я вам завещаю развить в них сильную любовь к России. Пусть даже современем они едут туда — может, и с вами. Об этом буду еще писать много. Сашей я доволен. Он чрезвычайно инфлуенсируется* средой: в Ницце он был похож на Пьера Рокка⁴, здесь стал похож на нас. Итальянцы в Генуе сильно на него подействовали — он вообразил себя защитником Италии; это детски, но хорошо и нисколько не похоже на сухую политику, в которую его топили как...** Вот вам об нем анекдот. Один из итальянских друзей подарил ему небольшую шпагу, говоря: «для кроатов и казаков»⁵. Саша был ужасно рад шпаге, но серьезно отвечал: «Отчего же не против итальянцев, которые против нас, contre notre cause?»*** Недурно. Итальянец расцеловал его.

Живу я всё в городе, которого нет. Lugano состоит из огромного отеля, превосходно содержимого, при котором находится озеро — остальное вздор. Трактир называется Albergo del Lago****, а озеро, вероятно, Lago del Albergo*****. Тесье уехал, и я с Эдмундом и Сашей до того иногда скучаю, что становится весело. Прощайте. А что, деньги пришли в Россию, и как Егор Ив<анович> распорядился?

¹ Гр<игорий> Ив<анович> — Г. И. Ключарев, ведавший денежными делами И. А. Яковлева; был одним из его душеприказчиков. Уезжая за границу, Герцен поручил Ключареву вести свои денежные дела.

² Юлиан Шаллер — государственный советник в кантоне Фрибург (Фрейбург), гражданином которого сделался Герцен.

³ К. Фогт предлагал Герцену взять Сашу к себе. Желая, чтобы сын оставался русским, Герцен предпочитал поручить его воспитание М. К. Рейхель.

⁴ Пьер Рокка — повар Герцена в Ницце, весьма ему преданный. Ему был поручен присмотр за могилой Н. А. Герцена.

⁵ ...шпагу... «для кроатов и казаков» — т. е. для борьбы против кроатов (хорватов) и казаков, которые участвовали в подавлении венгерской революции 1848 г. и содействовали тем самым сохранению австрийского владычества над поработченной ими частью Италии.

17 июля 1852. Lucerne

Я вам написал дней пять на листе¹ и с тех пор переселился в Люцерн². Прокламации остановлены; будет одно дружеское письмо ко мне от Генерала, в котором рассказ³.

Он еще не посылал никакой прокламации⁴. Явилась жена его из Ниццы, теперь пойдет, должно быть, политическая часть трагедии.

* поддается влиянию (франц. «influencer»).

** Пропуск в копии.

*** против нашего дела (франц.).

**** Гостиница при озере (итал.).

***** Озеро при гостинице (итал.).

Представьте, что он, избитый, отправился к комиссару полиции, говорит, что его хотели убить. Комиссар сказал, что он не может вступать в разбор частного дела, но что готов его принять под покровительство полиции.

Что за пучина гадости и разврата! Получил письмо от Гартмана⁵ и прошу вас вот что для меня сделать — пошлите Рейхеля за ним или записочку, он живет Rue et Hôtel des trois frères*, и скажите, что я собираюсь ему писать много, но должен еще отдохнуть. Я собираю демократический вердикт против подвига Гервега и прошу его участвовать со всей демократической Италией. Расскажите ему вкратце, в чем дело, похождение 1-го июля⁶, и покажите приложенную статейку, не имеет ли он возможности тиснуть ее в парижском журнале?

Приезд мой сюда дал делу иной вид. Вероятно, первая его часть скоро кончится, а может, и последняя. Ему все хочется дать вид дуэли со мной, и он, уже битый, говорит, что он уверен, что я обниму его на поле битвы. Я не в духе писать. Скажите Гартм<ану> просто, что я в Швейцарии.

¹ Герцен имеет в виду свое большое письмо от 11—13 июля 1852 г. (VII, 94—96).
² Герцен переехал в Люперн по просьбе К. Фогта, чтобы решить, какие в дальнейшем принимать меры относительно Гервега.

³ Герцен уговорил Гауга не печатать составленную им подробную записку о всей истории с Гервегом (см. XIII, 566).

⁴ Он — Гервег. Так как Гауг 11 июля дал пощечину Гервегу, можно было ожидать, что Гервег вызовет Гауга на дуэль. Однако вызова не последовало (XIII, 562—564).

⁵ Мориц Гартман — немецкий поэт, политический эмигрант, проживавший в Париже.

⁶ 1 июля 1852 г. Гауг дал пощечину Гервегу (см. XIII, 562—569).

41

21 июля 1852 г. Lugano

Мне кажется, что я давно к вам не писал. С тех пор я успел уже съездить в Берн и возвратиться¹.

Да, чего же лучше, записку послать с Боткиным², дайте ему непременно статью из ниццской газеты, два-три экземпляра, пусть <в> подкладку подошьет³.

Расскажите 1-ое июля. Напишите Марии Федоровне⁴ дружеский поклон; писать в даль еще не могу; когда совсем успокоюсь, буду писать.

Теперь к делу. Наконец, благородный противник наш дал залп, т. е. прислал новый картель мне — чрезвычайно учтивый на этот раз, говоря, что ему прискорбно, но делать нечего. Я отвечал секунданту, что он⁵ и что злодеев наказывают, а не дерутся с ними. Между тем он осведомился у адвокатов, нельзя ли завести процесс с Гаугом и Тесье pour la violation du domicile**. Адвокаты сказали, что он не только не выиграет, но что ведь тогда публично придется сказать, что ему надавали плюх. Его экс-жена⁶ шумит, кричит, что надобно дуэль непременно с Генералом⁷. Между тем, он, т. е. битый, составил акт, в котором доносит, что я подсылаю каждые 15 дней спадасинов⁸. Этот акт подписал какой-то дурак-профессор⁹.

Теперь Тесье, Генерал и Фока¹⁰ <принялись> дурака учить, что-де спадасинами не ругают честных людей. Опасности большой нет. Все, что может быть, — это дуэль с секундантом или с кем-нибудь, кто мне в глаза бы сказал, что он за него хочет драться¹¹.

Что Колачек¹² дрянь — не подлежит сомнению, он даже его <Гервега> денежно поддерживает. Фогт собрал целый анекдотник мерзостей об их эксплуатации отца барыни¹³.

Но вы не можете себе представить, что за могильная усталость одолевает мною иногда, особенно после спора и междуусобий. Люди так немь,

* Улица и гостиница «Трех братьев» (франц.).

** за нарушение неприкосновенности жилища (франц.).

иногда так неделикатно глухи, что приходится говорить то, что следовало бы только слышать, и кричать, о чем следовало бы едва намекнуть. Все это портит душу, делает ее грубее, отнимает тот пушок, который сопровождает только юное, только то, до чего грубо не касались.

В Берне старыми знакомыми принят был хорошо; видел Фази, Шаллера.

Фогт сегодня будет сюда. Потом поеду в Женеву, хотелось бы увидеть детей. И хоть зиму прожить спокойно. Не поедет ли M-me Tessié в Женеву, дети могли бы у них пожить. Досадно, что мне нельзя в Париж.

Неужели Боткин не заедет сюда или Станкевич? Я просто прошу настойчиво об этом. Найти меня будет не трудно, но всего лучше назначить rendez-vous в Интерлакене или в Веве, в Женеве, одним словом, где хотят. Позаботьтесь об этом. Прощайте. Записку Огареву доставьте, только со всеми осторожностями.

¹ О поездке в Берн мы узнаем впервые из этого письма. В «Канве биографии» Герцена, составленной Лемке (XII), сведений о ней нет.

² Видимо, речь идет о записке к Огареву, которую Герцен собирался послать с Н. П. Боткиным.

³ В ниццкой газете «L'Avenir de Nice» (№ 385 от 13 июля 1852 г.) была перепечатана заметка Гауга из «Italia e popolo» о том, как и за что он дал пощечину Гервегу.

⁴ Мария Федоровна — М. Ф. Корш.

⁵ «... что он» — в смысле «что он собой представляет».

⁶ Эс-жсена — Эмма Гервер. В этот период супруги Гервеги временно разошлись.

⁷ Генерал — Эрнст Гауг.

⁸ В ответ на заметку Гауга в «L'Avenir de Nice» Гервер поместил 18 июля в реакционной «Neue Zürcher Zeitung» письмо в редакцию с обвинением Герцена в том, будто он, используя «русские субсидии», подсылает к нему наемных убийц — *спадасинов* (франц. *spadassins*).

⁹ Речь идет о докторе Вилле, друге Гервега, выступавшем в его защиту (см. коллективное письмо друзей Герцена к Вилле, где дана мотивировка отказа Герцена от дуэли с Гервегом — VII, 79—80).

¹⁰ Фока — К. Фогт.

¹¹ Итальянские друзья подали Герцену совет драться на дуэли с тем лицом, которое согласится взять на себя задачу восстановить честь Гервега.

¹² О *Колачеке* см. примеч. 3 к письму № 25.

¹³ К. Фогт писал Герцену 2 июля о получении писем от родных жены Гервега, которые «хотят во что бы то ни стало покончить эксплуатацию» (денежную), которой они подвергаются со стороны Гервега.

42

23 июля <1852 г.> Люцерн

Ваше письмо от 21-го. Каково почта ходит. Я с тех пор написал вам; был в Берне*; видел Фази, Шаллера и прочих кесарей Швейцарии — все идет хорошо. Но *alea jacta est***, т. е. была не была, делать нечего, мы должны были спуститься на грязную арену журналистики¹. Сначала будет грязь, одна грязь... но, если через нее пронесу гроб, но если я не упаду с ним или не буду убит, то торжество огромное. Я чувствую силу только на этот подвиг, даже сумасшедшую, это моя *idée fixe****, оттого-то я и покоряю других... с такой *arrière-pensée***** можно смириться и вынести площадную брань человека, который отвечает ею на плюхи.

Мерзавец этот напечатал в цюрихской газете, что я подослал наемных спадасинов, что он отдается под покров общества, что редакторы «Italia e popolo» — Schurken****. От нас будет протест, ну и пойдет подлейшая

* В копии: написал вам было в Берн

** жребий брошен (лат.).

*** навязчивая идея (франц.).

**** задней мыслью (франц.). Здесь в смысле — глубоко усвоенной мыслью

***** канальи (нем.).

полемика, лишь бы, говорю я, пережить ее, пересилить, лишь бы в середине не вклеился посторонний дуэль².

Генерала обвинять нечего, он имеет несчастный характер, многого не понимает, сердится, но он любит меня, и, хоть тяжело бывает, оканчивается все же, как я хочу. Я писал вам, кажется, что он, т. е. битый поэт, мне прислал второй картель. Я отказался, говоря, что со злодеями драться нельзя. На этот вызов я напечатаю свой *appel** демократии³ и, с тем вместе, вердикт, подписанный страшными именами⁴. Он говорит в статье: «Какая демократия — это чернь, подлость» — ему в ответ будут подписи Прудона, Маццини. Знаете ли, кто теперь работает славно? — Фогт, от него я и не ждал столько дружбы.

А *propos*, узнайте, ради бога, как пропало письмо Прудона ко мне. Я получил письмо М-me Tessié, записку Даримона⁵ (превосходную), в которой он мне пишет об *adresse*** Прудона, говоря, <что> письмо его опоздало. А М-me Tessié прибавляет: и посылает со следующей почтой. Идти оно должно было через Геную. Письмо от 11-го пришло, пока я был в Берне, 18-го, но другого нет, это досадно до бесконечности, напишите М-me Tessié, пусть он напишет еще раз, делать нечего. Завтра я пишу к Мишле в Нант, получил от него на днях. Важность вопроса не теряйте из вида, это вовсе не несчастная трагедия, а вопрос колоссальный — вопрос всей революционной религии, всех последних надежд для меня. Действительно я сознаю себя *новым* человеком, как выразился *Saefi*⁶. И вот я делаю опыты наказать злодея без старого суда, без старого поединка, одной силой демократического мнения. *Новые* люди вострепнулись, они поняли важность и отвагу предприятия; но, если они не сумеют провести, не найдут сил раздавить мерзавца, труса, если погибнем мы, а не он; ну что же тогда? Не будет ли это микроскопическое доказательство, что не только на больших размерах, но и в самых мелких, демократия бесплодна, неспособна, что внутренние, незримые волокна ее так же бесильны, как и ее вестовая труба, как ее воззвание. Понимаете, как у меня теперь все это силтено в один жизненный вопрос?

Может, придется пожить в Люцерне (самый скучный и глупый город в мире после Лугано и Беллинцона), я близко от всего, я налицо и в глуши, в месте, где нет ни одного знакомого. Впрочем, Люцерн, Мадрас, Нью-Йорк — мне все равно.

Скажите Боткину, что непременно требую свиданья с ним перед его отъездом. Теперь есть железная дорога до Страсбурга, от Базеля до Люцерна прогулка; возле Тиволи am Hafen***, дом Фанера, близ кладбища на берегу озера. Я думаю по такому адресу Moritz⁷ найдет. В трактире Schweizerhof он может спросить F. F. <!> Francis Dillon⁸ и Tessié. Для меня очень важно видиться с таким человеком, как он, до времени его возвращения. Прочтите ему письмо. Кланяйтесь Мельгунову, что же он не стыдит Кол<ачека>?

О надеждах ехать в Париж ничего не понимаю, а желал бы. Иначе придется зимовать около Женевы.

Прощайте.

Записку Огареву может и Боткин взять. Если я переменю место, тогда сообщу точно час, чтобы вы сказали Боткину.

Едмундишко⁹ и Генерал вам кланяются усердно и Рейхелю.

Нидергуберу¹⁰ пошлите, что хотите; я что-то об нем слышу, но не вовсе выгодные отзывы. Говорят, впрочем, что он своей прачешной сильно эксплуатировал жену. А может это и вздор.

* призыв (франц.).

** адресе (франц.).

*** у пристани (нем.).

¹ В № 209 «Neue Züricher Zeitung» от 27 июля 1852 г. Герцен вынужден был напечатать специальное «заявление» («Erklärung») по поводу клеветнических обвинений со стороны Гервега (VII, 110—112).

² Герцен имеет в виду возможность своей дуэли с каким-либо защитником Гервега или дуэли Гервега с Гаутом.

³ «Призыв к братьям-демократам» был разослан Герценом в рукописном виде, напечатан он им не был. В этом призыве Герцен дает мотивировку своего отказа от дуэли с Гервегом (VII, 65—67).

⁴ Герцен рассчитывал получить для «вердикта» Гервегу подписи Мишле, Прудона, Мацини и других вождей буржуазной демократии. Позднее он надеялся и на поддержку Жорж Санд.

⁵ Альфред Даримон (1819—1902) — в эпоху революции 1848 г. буржуазный демократ; деятельный сотрудник газет, издававшихся Прудоном. В мемуарах: «A travers une révolution 1847—1855» писал о Герцене. К шестидесятым годам Даримон эволюционировал вправо и сделался сторонником т. н. программы «либеральной империи».

АДОЛЬФ РЕЙХЕЛЬ

Фотография конца 1850 — начала 1860-х гг.

Исторический музей, Москва

⁶ Марк-Аврелий Саффи (1819—1890) — деятель итальянского освободительного движения, соратник Мацини. В 1849 г. он был одним из триумфаторов Рима, но впоследствии отошел от политической деятельности. В лондонский период жизни Герцена Саффи был одним из его близких друзей.

⁷ Мориц — малолетний сын Ад. Рейхеля от первого брака.

⁸ Под именем Francis Dillon скрывался гарибальдийский генерал Гауг.

⁹ Едмундишко — К.-Э. Хоецкий.

¹⁰ Нидергубер — участник австрийского революционного движения, эмигрировавший в конце 1848 г. из Вены и поселившийся в Париже. Рейхель и Герцен оказывали Нидергуберу материальную помощь. Впоследствии он был разоблачен как агент французской полиции.

29 июля 1852 г. Люцерн

Отправляю вам экземпляр статьи Г<ервега> и наш ответ¹, читайте и не очень <о>горчайте<сь>. Надо пройти грязью; но, тем не менее, дело идет. Он исчез; одни говорят, что он бросился в Пьемонт, другие, что он поехал с секундантом на меня войной — но тогда он ошибся местом, я, как видите, в печати объявил, что я здесь, а они проскакали пять дней тому назад.

Нашлись покровители у него, даже такие, которые дают деньги.

От Станкевича получил², поеду к нему непременно. Вы понимаете, как важно мне видеть русского. Я еду завтра. Пишите в Берн, à M-*r Charles Edmond*, poste restante.

А пророс, он распустил слух, что все, сделанное мною, сделано для того, чтобы не потерять часть имения, принадлежащего Н.— Что скажете? Справлялись ли о письме Прудона³ и не напишет ли он другое?

Тате писать некогда, пора на почту, поцелуйте ее. Я ужасно дорого бы дал взглянуть на нее... Иногда меня преследует глупая мысль, что, может быть, мы не увидимся.

Рейхель без пощады должен быть опекуном. Я еду составлять testament* с Шаллеровой помощью.

С подлецом не будет дуэли — за это я отвечаю.

Но мало ли что может быть? Война.

Прощайте. Жму крепко вам руку.

¹ Речь идет о письме Гервега в «*Neue Züricher Zeitung*» от 18 июля и вызванной этим письмом заметке Герцена, помещенной в той же газете в номере от 25 июля, и заметке Тессье дю Мотэ в номере от 27 июля (ср. VII, 111—112 и XIV, 112—113 и 117—119).

² Письмо А. В. Станкевича к Герцену неизвестно.

³ Герцен ожидал от Прудона ответа на свое обращение к нему по поводу суда над Гервегом. Ни письмо Герцена, ни ответ Прудона неизвестны.

44

АДОЛЬФУ РЕЙХЕЛЬ

2 Août 1852. Berne

Cher Reichel,

J'ai fait hier par devant un notaire de Fribourg mon testament¹. Je me suis cru en droit après votre lettre et celle de Marie de vous nommer *seul* tuteur de mes enfants. En cas de besoin vous pourrez convoquer un conseil de famille, — il est composé de six personnes, mais cela n'aura lieu — la convocation — que dans des cas très graves, par exemple déplacement de fonds, changement de ville pour les enfants; outre cela le conseil de famille donnera son avis sur la direction générale de l'éducation. En cas de votre mort, ou départ de l'Europe, vous serez remplacé par Engelson et C. Vogt. Jules Schaller et C. Vogt sont nommés exécuteurs testamentaires. Vous n'avez à rendre aucun compte détaillé sur l'emploi des sommes destinées à l'éducation — de 12 000—15 000 par an.

Je crois, cher Reichel, qu'on ne pouvait plus faciliter votre tâche; j'ai même bataillé contre le désir tout naturel de vous soumettre plus que je ne l'ai fait, aux autorités pupillaires.

Le conseil n'est pas bien composé, quant à la position sociale des personnes, mais je ferai des changements.

Moi, je voudrais mettre deux Russes — Ogareff ou Melgounoff ou Granovsky. Mais pour cela il faut qu'un d'eux se soit expatrié. Maintenant nous avons:

ces trois seulement	+ Engelson
ont un domicile fixe.	Tessié
Les autres ne restent	+ C. Vogt
jamais ni en Suisse	+ J. Schaller
ni à Paris.	Haug

Il y a dans le testament une instruction complète concernant les legs et le partage. Tout cela est d'une simplicité antédiluvienne. Je vous ai

* завешание (франц. «testament»).

chargé de faire des démarches pour lever la séquestration du bien de Kostroma². Le gouvernement suisse vous aidera. Je vous ai chargé d'une seule affaire compliquée, c'est de faire rentrer la dette de Satine³. Les autres dettes me sont indifférentes. On n'a pas payé de mon vivant, qui diable voudra payer après ma mort. Vous et Marie — vous me garantissez complètement l'avenir de mes enfants. Si vous vous adjoignez encore quelques amis russes, je serai tellement content, que je tâcherai de mourir au plus vite. Une instruction sur l'éducation sera écrite par moi.

Et voilà tout. Mon corps doit être enterré à Nice⁴. Donc je serai transporté après ma mort, c'est de la conséquence au moins⁵.

Перевод:

2-е августа 1852 г. Берн

Дорогой Рейхель.

Я составил вчера у Фрибургского нотариуса завещание¹. После вашего письма и письма Марии я считал себя вправе назначить вас *единственным* опекуном моих детей. В случае надобности вы сможете созвать семейный совет. Он составлен из шести человек. Но это — созыв совета — будет иметь место лишь в чрезвычайно важных случаях, например — при перемещении капиталов, перемене города для детей; помимо этого семейный совет выскажет свое суждение об общем направлении воспитания <детей>. В случае вашей смерти или отъезда из Европы вас заменит Энгельсон и К. Фогт. Юлиан Шаллер и К. Фогт назначены душеприказчиками. С вас не требуется никакого подробного отчета об употреблении сумм, предназначенных на воспитание — от 12 до 15 тысяч в год.

Я думаю, дорогой Рейхель, что нельзя было более облегчить вашу задачу. Я даже боролся против вполне естественного желания подчинить вас в большей степени, чем я это сделал, опекунской власти.

С точки зрения общественного положения лиц, совет составлен плохо. Но я внесу изменения.

Мне бы хотелось ввести двух русских — Огарева и Мельгунова или Грановского. Но для этого необходимо, чтобы один из них покинул родину. В настоящее время мы имеем:

только эти трое <отмеч.+>	+ Энгельсон
имеют определенное место жительства.	Тесье
Остальные не живут постоянно	+ К. Фогт
ни в Швейцарии	+ Ю. Шаллер
ни в Париже.	Гауг

Завещание содержит исчерпывающую инструкцию, касающуюся завещанного имущества и акта раздела. Все это отличается допотопной простотой.

Я поручил вам предпринять шаги к снятию секвестра с Костромского имения². Швейцарское правительство поможет вам. Я поручаю вам только одно сложное дело — это получить долг от Сатины³. Остальные долги мне безразличны. При жизни мне не платили, кой чорт захочет платить после моей смерти. Вы с Марией вполне обеспечите будущее моих детей. Если вы привлечете себе в помощь еще кого-нибудь из русских друзей, я буду так доволен, что постараюсь умереть как можно скорее. Инструкция о воспитании будет мною написана.

Вот и всё. Мое тело должно быть погребено в Ницце⁴. Стало быть, после смерти меня будут перемещать, в этом по крайней мере есть последовательность⁵.

¹ Завещание Герцена опубликовано (VII, 120—123). Копия, сделанная при вскрытии завещания после смерти Герцена, сохранилась в «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 291а).

² В завещании сказано: «...обязательство хлопотать о восстановлении в пользу моих детей права собственности на земельное имение, которое принадлежит мне в России в Костромской губернии, Чухломском уезде, на каковое имение ныне наложен секвестр, по причинам политического характера» (VII, 122; ср. «Звенья», № 9, 1951, стр. 546).

³ Этот долг не был возвращен Герцену при жизни Сатина. После смерти отца А. А. Герцен обратился к детям Сатина с напоминанием о долге, но ответа не последовало. Его письмо от 3 февраля 1882 г. хранится в «пражской коллекции» (оп. 1, ед. хр. 324). Отказ Н. А. Тучковой-Огаревой способствовать получению долга вызвал негодование А. А. Герцена (см. «Путевые заметки» Е. С. Некрасовой. Рукописный отдел Гос. библиотеки им. В. И. Ленина. Некр. XXXII—41). Упомянутый в завещании долг Н. Ф. Павлова в письме к Рейхелю не отмечен.

⁴ В завещании Герцена написано: «Я хочу, чтобы после моей смерти мой прах был перевезен в Ниццу и погребен там на кладбище, отведенном для не-католиков, рядом с могилою моей жены. Там же должно воздвигнуть общий похоронный памятник для моей матери и сына, погибших при кораблекрушении, для жены и для меня» (VII, 123).

⁵ Герцен имеет в виду, что он странствовал всю жизнь, и после смерти его праху предстоит странствовать.

45

2-го августа 1852. Берн

Здравствуйте. Я точно Никол<ай> Семен<ович>¹ из угла в угол по Швейцарии, на почтовых, на пароходах — быстро и ненужно. Вчера был в Фрибурге и сделал завещанье. Рейхель, как мне сказывал Naug, не очень был доволен, что я хотел назначить опеку из нескольких лиц. Я назначил одного Рейхеля — он один ответственный опекун. Совет — для чрезвычайных дел. Вот и всё. Это формальность, теперь я бы желал очень, чтобы Огарев и Тучкова участвовали своим советом и содействием. Это вы делаете. Я желал бы тоже, если только будет возможно, чтобы Саша жил у вас. Цель моя, сверх надзора, поддержать связь между ним и сестрами. Насчет его ученья, Тесье и Фогт могут дать наилучшие советы. Да и тоже наши-то, московские, неужели не помогут!

Словом, я с этой стороны спокоен. Поеду к Станкевичу в Женеву. Сашу свезу к Фогту в Интерлакен, где оставлю его под надзором Э. Хоецкого и под охраною француза². И поеду один. Я себя отучаю мало-помалу от всех.

Г<ерверг> скрылся из Цюриха. Говорят, будто поехал в Пьемонт, что недурно. Жена его напечатала какое-то письмо³. Тягостное время, может, скоро окончится. А знаете ли, что на днях к вам будет гость, с которым пришло многое?

Отгадайте кто?⁴

¹ Никол<ай> Семен<ович> — здесь и в дальнейшем Николай I. Относительно него ходили упорные слухи, что он не сын Павла I. Намекая на это, Герцен сочинил ему другое отчество. Склонность Николая I к постоянным переездам неоднократно отмечалась Герценом.

² Француз — вероятно, Тесье.

³ Эмма Герверг поместила 20 июля в газете «L'Avenir de Nice» письмо в редакцию, в котором пыталась оградить имя Герверга от «морального убийства» (XIV, 115—116).

⁴ Речь идет, повидимому, о каком-то приезде из России, но о ком именно, выяснить не удалось.

46

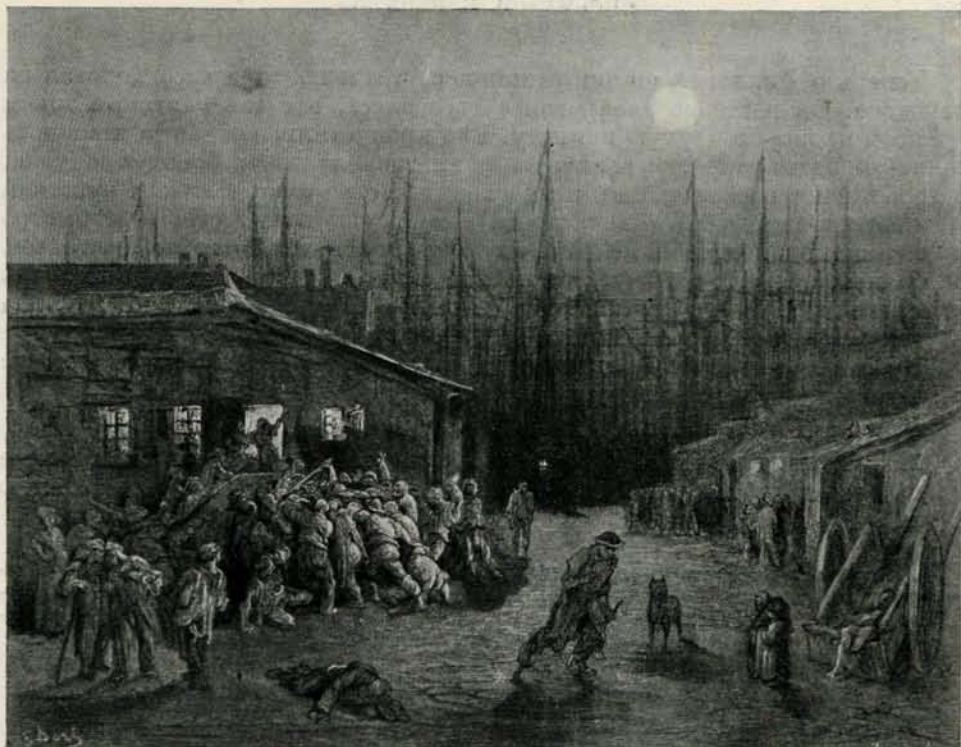
Дувр. 5 час. утра 24 августа

Через 1¹/₂ часа мы в Лондоне. С уважением, с истинным уважением поставил я ногу на английскую землю; какая разница с Францией! Здесь чувствуешь себя свободным, и я не забыл повторить «Va reug»* на пароходе¹. Саша не был болен и сидел с нами в кабине и уж по-английски пьет херес и ест mouton**.

Я привык к правам и выучился ругаться.

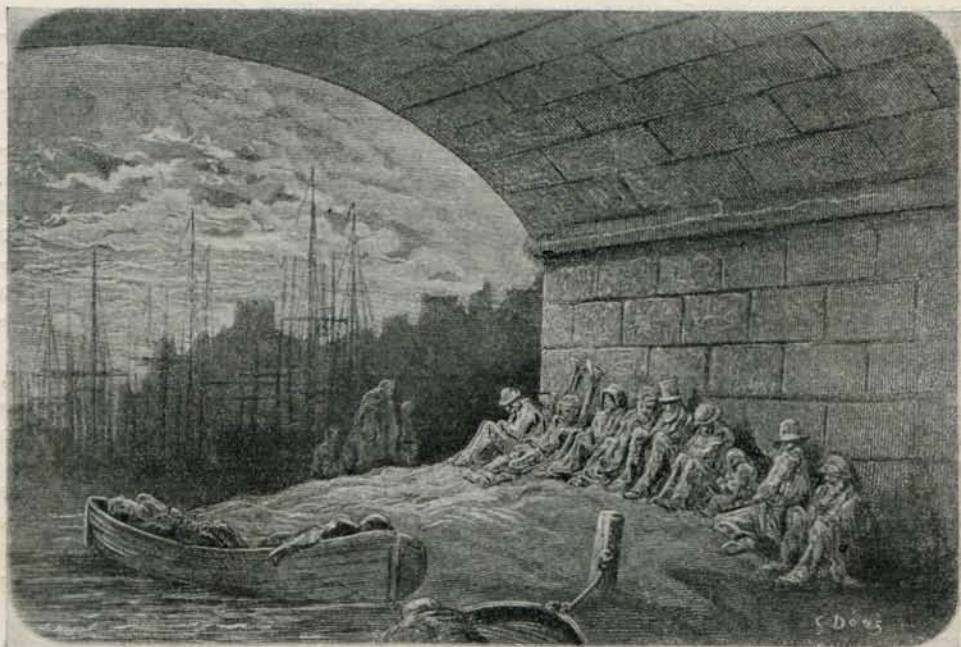
* Игра слов: «vareug» (франц.) — пароход, «va reug» (франц.) — долой страх.

** баранину (франц.).

НОЧНАЯ СЦЕНА В ЛОНДОНСКИХ ДОКАХ

Гравюра по рисунку Г. Доре, 1872 г.

ПОД МОСТОМ ЧЕРЕЗ ТЕМЗУ

Гравюра по рисунку Г. Доре, 1872 г.

«...Страшный муравейник, где сто тысяч человек всякую ночь не знают, где прислонить голову...»
 («Былое и думы», гл. «Лондонские туманы»)

Теперь о Диллоне², он так отличился, что я полтора часа хохотал на пароходе. Он вовсе не визировал своего пасса, а с генеральским тоном и шагом прошел в другую комнату. Его пропустили, но, когда пришлось садиться на пароход, французский алыгвазил* потребовал пропуска, который дают при визе. Его превосходительство с гордостью и чувством обиженного самолюбия отвечал: «Да у меня уже взяли его» — и быстро вззошел на пароход. Полицейский ему кричал вслед: «Постойте, постойте», но он шел себе, и тот обернулся ко мне сказав: «*Sacré nom de Dieu, et il va, et il va*»**. Это, конечно, одна из самых блестящих побед; если б она не удалась, его бы свели в сибирку³. Притом всё это было ненужно.

Ну и прощайте. Еще раз поблагодарите Ст<анкевичей> и расскажите им анекдот о визе. Мельг<унову> жму руку и Рейхелю.

Приписка к Тате:

Посылаю тебе, Тата, английский поклон. Ты знаешь, что лучшие иголки и ножницы английские — стало, и поклон оттуда лучше. Целую Оленьку.

¹ Ближе ознакомившись с общественно-политическими порядками Англии, Герцен изменил свое отношение к ним. См., например, резкую критику буржуазно-феодальной Англии и лицемерия ее правящих классов в главе «Былого и дум»: «Джон-Стюарт Милль и его книга „On Liberty“» и в статье «*Camicia Rossa*».

² Диллон — Гауг.

³ Сибирка — здесь в значении «тюрьма».

47

31 августа 1852. London, 4 Spring Gardens
Charring-Cross

Скорей пошлите к Ник<олаю> Ал<ександровичу>¹, я ему сообщу радость: мое железное здоровье не выдержало пять дней *диэты*.

Французское вино страшно дорого, 6 шил<лингов> бутылка, я и вздумал свести себя на эль, на херес и на содовую воду. *Ma petite santé**** совершенно было погублено от такой воздержанности, каждая предосторожность мне решительно вредна, даже экономическая.

Я, шутки в сторону, так скверно себя чувствовал, спазмы, гастрические боли, что с сегодняшнего дня снова начинаю пить пиво и пить вино. Я прибавляю на вино все то, что следовало заплатить доктору. Переехали мы на квартиру; можете адресовать ваше письмо, как написано выше, на мое имя. Вчера писал я к Ротшильду, пусть бы *Reichelius poster***** перенесся к Шомб<ургу> узнать об обороте дела. Если откажут, поеду через недельку в Брюссель, а оттуда поплечусь на родину № 2² и поселюсь где-нибудь около Женевы.

Меня это пугает, я сделался так подл и такой трус, что боюсь тишины, как мерзко воспитанные дети бояться оставаться в темной комнате. Я чувствую всю *lâcheté****** моего поведения. Но так страшно все переломано внутри, что хочется не видеть, не чувствовать, быть в *гостях*.

Борьба, борьба без развязки, без цели. Все люди разделяются на две категории: одни, которые, сломавшись, склоняют голову, — это святые, монахи, консерваторы; другие наргируют***** судьбу, на полу дрягют ногами в цепях, бранятся — это воины, бойцы, революционеры.

* полицейский (испан.).

** «Чёрт возьми! а он идет себе да идет» (франц.).

*** Мое слабое здоровье (франц.).

**** наш Рейхель (лат.).

***** низость (франц.).

***** презирают (от франц. «*marguer*»).

Я третьего дня писал здесь к Mrs Biggs³: «La vie est un don néfaste, on ne peut l'accepter, qu'à la condition de la lutte, de la lutte à outrance, de la lutte sans succès ni merci, mais qui nous donne cette ivresse tumultueuse, abasourdissante dans laquelle on meurt sans s'apercevoir, sans se rendre compte»*. И да здравствует шум.

Здесь вышла презабавная история с нашими письмами из Женевы⁴: адрес был дан нелепо Генералом⁵, и их распечатали у Осипа Иван(овича), не зная к кому. И такова моя судьба: не черные, так красные распечатают. Но лучше, что там находится диатриба** Тесье на Ос(ипа) Ив(ановича), и особа, распечатавшая, сказала ему — ну это, разумеется, напутало карты, а впрочем, с божией споспешествующей милостью дело пойдет на лад. Вердикт от него будет.

Лондонская жизнь недурна, и, в сущности, здесь можно так же остаться, как в Париже. Саша выучится очень скоро говорить, а я, если не скоро, то выучусь. Средства образования есть и какие аксессуары — парки и музеи. А sécurité***, святая sécurité, чего-нибудь да стоит?!

Прощайте. Что Ст(анкевичи)? Жму им руку. Пишите-ка поскорее.

Приписка к Tame:

Тата, ну уж мы в Лондоне насмотрелись всяких диковин, вчера были мы в саду, где всякие звери и птицы, а сегодня едем смотреть Петра I — это не зверь, а царь, и из этого царя сделали оперу.

Оленьке поклон и Марихен⁶ и Mme Gasparini⁷.

1 сентября

Вместо «Petrogrande» давали «I Puritani» — Марио⁸ и пр., как следует. Я отвык от театра и воротился с удушающей скукой.

Прощайте.

¹ Ник(олой) Ал(ександрович) — Н. А. Мельгунов.

² Горькая шутка Герцена: родина № 2 — Швейцария, в которой Герцену, как известно, пришлось натурализоваться.

³ О Mrs Biggs см. примеч. 8 к письму № 38.

⁴ Речь идет, повидимому, о письмах Герцена и Тесье, отправленных в Лондон к Маццини («Осипу Ивановичу») из Женевы, в конце июля 1852 г.

⁵ Генерал — Эрнст Гауг.

⁶ Марихен — Мария Фомм. М. К. Рейхель поручила ей ухаживать детьми Герцена в Париже; впоследствии она служила бонной у Герцена в Лондоне.

⁷ Mme Gasparini — Гаспарини, мать Марии Фомм, «наш фактотум», как назвала ее М. К. Рейхель.

⁸ «Petrogrande» («Петр Великий») — музыкальная драма в пяти действиях композитора Л.-А. Жюльена. Впервые шла в Лондоне в 1852 г. «I Puritani» — опера Беллини. Марио — известный итальянский тенор середины прошлого века.

Вторник, 14 сентября (1852 г.) London

Давно не писал я, отчасти оттого, что нечего писать, отчасти оттого, что и скучно и вечный насморк. Мы здесь как-то страшно деятельно ничего не делаем. Вчера был я в Севен-Оксе¹, что в Кенте, гостили мы у Mrs Biggs; это по-русски, а не по-французски: приехали мы утром и хотели вечером уехать, но они нас оставили ночевать и Сашу оставили еще на два дня. Там встретил я Нестора всех социалистов — Овена², 80 л(ет); старик ездит верхом, беспрестанно говорит, проповедует со всей энергией

* «Жизнь — это злополучный дар, его нельзя принять иначе, как при условии борьбы, борьбы до последней крайности, борьбы без успеха и пощады, дающей, однако, нам то шумное и оглушающее опьянение, в котором умирают, не замечая, не отдавая себе в том отчета» (франц.).

** едкая критика (франц. «diatribe»).

*** безопасность (франц.).

молодости, но повторяет все одно и то же. Сегодня я приглашен к M^{rs} Карлейль (жена автора, вы знаете его историю революции, его самого нет, он очень любит мой «Vom and (egen) Ufer»³); он хотел со мной познакомиться. Жена приглашает за него³.

Итак, новый мир с новыми людьми вертится, а кабы вы знали, как внутри скучно. К тому же из Женевы ровно ничего не пишут. Генерал часто капризничает, насилие уйдем; уж даже Осипу Иван(овичу) с ним не сладить. Я написал предлинную грамоту к Прудону, да не знаю как отправить; не прислать ли на ваше имя — как бы вас не спросили. Впрочем, в письме, кроме частного дела, ничего нет. А только, во всяком случае, вы должны списаться, не возьмут ли Ст(анкевичи)⁴, оно удалось⁵. — От Ротшильда был ответ, что-де письмо получено, но что-то последует после. Итак, я жду. Нужно спросить, кому Шомб(ург) поручил мне писать.

Сейчас узнал, что Пр(удон) в Лионе, так, вероятно, он на обратном пути. Пожалуйста, безгневно попросите Рейхеля, когда будет близко, завернуть к Дарим (я беру буквы в рост)⁶ и отдать записочку. Книг я не получал, да и нельзя послать иначе, как письмо⁷. А Франции не понимаю. Никто не едет сюда, нет ли оказии какой, одолжили бы двумя-тремя экземплярами. Прощайте. Как вы на новоселье? Я думаю, придется еще дней 8—10 остаться здесь. Холод страшный, и у меня «коль», т. е. катарр, простуда. Mich(elet) и Ст(анкевичам) поклон. Что Мельг(унов) не пишет?

¹ Это указание даёт возможность датировать поездку Герцена в Север-Окс 13-м сентября.

² См. главу «Роберт Оуэн» в «Былом и думах» (XIV, 466—510).

³ Об отношениях между Герценом и Карлейлем см. выше в наст. томе.

⁴ Речь идет о письме Герцена к Прудону от 6 сентября 1852 г. с изложением подробностей своей семейной драмы (VII, 127—140). Письмо было послано через М. К. Рейхель 17 сентября. В сопроводительной записке к М. К. Рейхель Герцен просил ее снять копию с письма и прочесть ее Станкевичам и Мельгунову (VII, 141). Комментируемый текст свидетельствует, что Герцен хотел даже, чтобы Станкевичи увезли копию адресованного Прудону письма в Россию.

⁵ ...оно удалось — относится к письму к Прудону. Ср. в сопроводительной записке к М. К. Рейхель: «Хочу знать ваше мнение об этом письме. Оно кажется мне хорошим» (VII, 133).

⁶ Дарим — Альфред Даримон (см. о нем примеч. 5 к письму № 42). Конспирируя, Герцен сокращает его фамилию («я беру буквы в рост»). Через Даримона Рейхели должны были передать письмо Прудону.

⁷ Смысл этой неясно написанной или неверно прочтенной копиейстом фразы уясняется из письма Герцена к М. К. Рейхель от 17 сентября 1852 г. (VII, 141).

49

⟨Лондон.⟩ 1852. 24 сентября

День идет за днем, будто жду чего-то; вот уже другой месяц пошел, как я в Лондоне. И я нисколько не знаю, когда и куда еду. Всего вероятнее, поеду дней на пять в Дублин — взглянуть на изумрудный остров и на народ, которого судьба бьет три столетия без пощады и устали.

Неопределенность эта скучна, для Саши даже вредна; чего-то я жду — ответа от Пр(удона), кажется, всё это суший вздор, а вот что не вздор — что здесь нами ужасно занимается немецкая (!) полиция, — вот тут и думай, как проехать в Женеву, уж не через Шпанию ли?

Мы еще не надоели здешнему кружку, к которому, натурально, принадлежим; все еще приглашают и ласкают и сами у нас бывают, так что дни, т. е. вечера, почти всегда за полнедели разобраны. Мы всякий день ложимся спать в три, даже в четыре часа, тоже и спирты всяк употребляем, но *santé du foie*** восстановлено назло Мельгунову; только я по-

* «С того берега» (нем.).

** здоровье печени (франц.).

ЛОНДОН С ВИДОМ НА СОБОР
СВ. ПАВЛА

Гравюра Б. Жерольда, 1872 г.

«...Опрокинутая миска св. Павла...»
(«Былое и думы», гл. «Лондонские туманы»)

стоянно страдаю, с тех пор как здесь, гастрическими спазмами, все собираюсь спросить доктора.

В России, как пришла весть о смерти Веллингтона, государь велел пришибить князь Петра Михайловича Волконского. Мы-де не хуже Англии, у нас тоже старые генералы мрут.

Воскресенье еду в Брайтон, чтобы увидаться с Руге¹. Не подняться, кажется, цюрихскому мерзавцу от всех ударов, которые я ему нанес, а есть еще гнусные поступки, которые потрясают общественную совесть.

Мюллер-Стрюбинг² здесь; это неожиданная вовсе помощь, теперь и Жорж Санд будет замешана³.

¹ Арнольд Руге (1802—1880) — публицист и политический деятель, один из вождей немецкой буржуазно-радикальной эмиграции, впоследствии перешедший на сторону Бисмарка. Свое посещение Руге, «брюзгливого старика, озлобленного и злопыхатого», Герцен описал в «Былом и думах» (XIV, 298).

² Герман Мюллер-Стрюбинг (ок. 1810—1893) — немецкий революционер-эмигрант, сблизившийся с прогрессивными представителями русского общества за границей. См. его характеристику в «Былом и думах» (XIV, 314—322).

³ Мюллер-Стрюбинг находился в дружеских отношениях с Жорж Санд. Сведений об отклике Жорж Санд на дело Герцена не имеется.

56

АДОЛЬФУ РЕЙХЕЛЮ

«Лондон. Конец сентября 1852 г.»¹

Cher Reichel, ne me grondez pas, mais en amitié, lorsque vous serez dans la Rue Richelieu, mettez le pied dans la librairie de Frank; je ne comprends rien pourquoi il n'envoie ni livres, ni réponses. C'est tout bonnement

grossier. Au moins il devrait faire notre compte avant de finir toutes les relations.

Est-ce que Pr<oudhon> est arrivé? Et Schombourg? Quand donc viendra Melg<ounoff>, et St<ankewitch> viendra-t'il?

Il faut voir Londres, quoique cela soit difficile: un brouillard de l'épaisseur de goudron le couvre.

Перевод:

«Лондон. Конец сентября 1852 г.»¹

Дорогой Рейхель, не браните меня, но по дружбе, когда вы будете на улице Ритшелье, загляните в книжную лавку Франка; я совершенно не понимаю, почему он не шлет ни книг, ни ответа. Это просто грубо. Он должен был бы, по меньшей мере, рассчитаться с нами, прежде чем порвать всякие сношения.

Приехал ли Прудон? И Шомбург? Когда же приедет Мельгунов и приедет ли Станкевич?

Лондон следует повидать, хотя это и трудно: его покрывает густой, как деготь, туман.

¹ Дата письма установлена приблизительно, на основании упоминания о Франке и о Прудоне в предыдущих письмах.

51

«Лондон.» Октябрь 1852

Вот и октябрь. Идет-таки, идет. Я вспомнил сегодня, писавши в Женеу, насмешливую и горькую надпись на солнечных часах в Ницце:

Io vado e vengo
Ogni mattina,
Ma tu andrai
Un giorno
Senza ritorno *.

Помните? — надпись эта провожала меня во все ужасные минуты моей жизни, мне приходилось всякий день ездить мимо — и после 16 ноября и в мае¹.

Господи, а ведь еще году нет, а столько уже ушло senza ritorno**, а я всё еще в шуме, уж и боюсь покоя, право, кажется и не нужно останавливаться — в Америку, в Австралию, куда-нибудь, как-нибудь поддерживать раздражение, благо силы выносят, благо всё это не совсем набило оскомину, а жить <!> andremo un giorno senza ritorno***.

1 октября². Покров день, сельский праздник в Покровском³, с какой нежностью вспоминаю я эти русские картины. Так живо перед глазами зеленый лес, и староста Василий Яковлевич, и две дочери его, одна Лущка, другая Анна — и я там был на празднике и в 1829 и 1830.

В 29-м я готовился в университет, в 30-м я был студентом и уж вполне воспитан революцией 30 июля; как рвался я тогда вперед, в жизнь; успех за успехом, а потом с колокольни да и в пропасть. В 44-м году мы были целое лето в Покровском, тогда там царил уже Савелий⁴.

Что касается до болезни Ст<анкевича>, скажите ему, что я точно так же болен с самого приезда; вспомните, как вы долго были больны в 1850 г. Носит ли он фланель? это необходимо; я советую ему как можно меньше пить воды и питаться более всего говядиной и вместо бордо, пить

* Я уйду и возвращаюсь каждое утро, но ты уйдешь в некий день без возврата (итал.).

** без возврата (итал.).

*** уйдем в некий день без возврата (итал.).

ДОМ И ПРУД В ПОКРОВСКОМ

Фотографии Н. П. Киселева, 1937 г.

«Выйдешь под вечер на балкон: ничто не мешает взгляду; вдохнешь в себя влажно-живой» насыщенный дыханием леса и лугов воздух, прислушаешься к дубравному шуму, — и на душе легче, благороднее, светлее... Вот так и кажется, что годы бы не выехал отсюда» («Письма об изучении природы». Письмо первое. Написано Герценом в Покровском, в августе 1844 г.)

бургонское. Да пусть он бросит вечное лечение и выгонит всех докторов. Я, право, вылечил бы его и даже Мельгунова, который не болен.

Здесь всё еще меня празднуют, как только кончат, так я уеду, как настоящая кокетка. Но куда? That is the question*. Впрочем, вероятно, дождусь половины октября, я, может быть, поеду в Кадикс, благо есть попутчики. Хорошо здесь, но долго оставаться скучно. Будет ли какой ответ от Франка?

Если кто приедет сюда, пришлите экземпляр «V<om> and<eren> Ufer»** и роман, переведенный Вольфзоном⁵ и «Briefe aus Italien»***, но только с оказией; как же не найти, а то по почте это будет стоить пуд стерлингов.

Перебывавши у всех великих мужей, я собираюсь к великим женщинам — в понедельник еду к М-me Brüning (кн. Ливен), это дама-лев, дама-шакал, дама-пери. Она участвовала в освобождении Кинкеля, она царит здесь в Германской республике; все тайно в нее влюблены (вот что значит русская дама!)⁶. Вы понимаете, что я по службе должен явиться: «Вашего демосачества⁷, казацкого полку на вести прислан! В долгом английском отпуску находясь, имею счастье представиться». В следующем письме будет рассказ.

Вероятно и Шомпильд возвратился, да и еще вероятнее, что отказ был. Впрочем, я теперь ни за какие блага в Париже жить не стал бы. А только проездом.

¹ 16 ноября 1851 г. — день гибели матери Герцена, сына Коли и Шпильмана. В мае 1852 г. умерла жена Герцена.

² Хотя «Покров день» праздновался 1 октября старого стиля, а значит 13 октября нового стиля, проставленная Герценом дата 1 октября относится к новому стилю. См. ниже в тексте письма: «...вероятно, дождусь половины октября». Ср. также строки о намерении побывать у М-me Brüning и рассказ о визите к ней в следующем письме, от 7 октября.

³ *Покровское* — Покровское-Засекино, имение И. А. Яковлева в Звенигородском уезде, в 52 км от Москвы. Здесь Герцен провел лето 1843 и 1844 гг. В юные годы он приезжал сюда из другого подмосковного имения отца — Васильевского.

⁴ *Савелий* — староста, сменивший Василия Яковлевича.

⁵ *Вольфзон* — немецкий писатель. Перевел «Кто виноват?» и должен был перевести «Долг прежде всего» Герцена (см. выше в наст. томе).

⁶ *М-me Brüning* (рожд. кн. Ливен), уехав из России в Германию, сблизилась с демократическими кругами и приняла участие в организации побега из каторжной тюрьмы Готфрида Кинкеля, деятеля революции 1848 г. (см. о нем в наст. томе). После этого она вынуждена была перейти на положение эмигрантки и переехала в Англию.

⁷ *Демосачество* — от слова «демос», шутка Герцена.

⟨Лондон.⟩ 7 октября ⟨1852 г.⟩
4 Spring Garden's

Будто давно не писал к вам. Да, право, не знаю, что писать, то много, то мало; когда много — то больше темного и печального. А это, наконец, и для вас скучно, писанное хныканье и для меня не почтено.

Франк¹ — подлец, я ему напишу сегодня; никаких книг он не посылал.

Пора отсюда ехать; уже развязали бы меня Прудон и Шомпильд²; я полагаю пока остановиться в Брюсселе, а весной увидим. Мне бы очень хотелось к 20-му уехать — довольно Лондона. А proros — я был, наконец, у М-me Брюнинг (кн. Ливен). Это умная русская барыня, которая

* Вот в чем вопрос (англ.).

** «С того берега» (нем.).

*** «Письма из Италии» (нем.).

вздумала представлять немку. Ее хотели в Германии схватить и выдать, а потому ч(то) Николай Семенович³ ужасно был взбешен за ее участие в освобождении Кинкеля. Зная ее нелюбовь к Руси, я представил из себя отчаянного русофила и, между прочим, не только стал по-русски говорить, но уговаривал певицу, бывшую тут, спеть 2 русских песни. Все это немцам во зло, а вам в славу и честь. Немцы все в нее влюблены, а она собой нехороша — но бойчее и аристократичнее немецких идеальных картофелей; вот демократы-то и того.

На днях был я в Брайтоне и, между прочим, видел там Руге — вот истинно бог хорошо придумал ему фамилию; он в продолжение обеда ругнул всех своих друзей. Одного Бакунина хотел было похвалить, да и то своротил на брань, и все это с такой злобой, с такой желчью и притом тихим голосом и с тонкой улыбкой. Просто поэзия⁴.

Саша начинает мароковать по-английски. Скучает оттого, что нету товарищей; детей его возраста довольно в парке (С. Джемс), да не умеет говорить с ними. Проект ехать в Италию, кажется, отменен диэтой. От вас жду, впрочем, шомпильдский ответ.

Если будет оказия, пришлите брошюры. Прощайте.

Приписка к Адольфу⁵ Рейхелю:

Cher Reichel,

Je vous serre la main, les deux mains, si vous étiez quadrumane je vous aurais serré les 4 pour toutes les commissions tracassières que j'ai eu la cruauté de donner et vous la mansuétude de faire. Vous savez que Müller-Strübing est ici; il veut donner des leçons de français à Londres et pense qu'il suffit pour cela de connaître l'allemand et M-me Sand.*

Приписка к Тате:

Благодарю тебя, Тата, за корпию, ты мне и еще потом сделай. У вас была большая гроза, мы об этом читали в газетах. Кланяйся Морицу, Оленьку поцелуй.

Прощай.

7 октября 1852

Лондон⁶

¹ А. Франк — парижский книготорговец.

² Выйдя из тюрьмы в июне 1852 г., Прудон стал хлопотать о разрешении Герцену и Эд. Хоецкому проживать во Франции. О том же хлопотал со своей стороны Шомбург, опираясь на авторитет, которым пользовался Ротшильд у правительства Наполеона III.

³ Николай Семенович — Николай I.

⁴ Арнольд Руге использовал беседу с Герценом о его семейной драме для того, чтобы написать трагедию «Новый свет» («Die neue Welt»), в которой провозгласил «право гения на удовлетворение своих страстей». В качестве «гения» в трагедии выведен Гервег. Руге имел бестактность послать «Новый свет» Герцену, что вызвало резкий ответ: «Я спрашиваю себя, зачем вы прислали мне ее! Ее нужно было послать в Цюрих. Это апофеоз преступника, канонизация подлого труса, предателя» (VIII, 13).

⁵ Далее — письмо Саши Герцена к сестре:

«Милая Тата, папа ездил в Брайтон и я тоже. Там я ходил к морскому берегу и очень долго искал тебе раковин, но их не было из-за того, что море было высоко. Напиши мне, что тебе хочется другого. Целую тебя, и Оленьку, и Машу, Рейхеля, Сашу и Мориса.

С а ш а

Spring Garden's. London

* Дорогой Рейхель, жму вам руку, обе руки; если бы вы были четверорукий, я бы вам пожал все четыре за все те хлопотливые поручения, которые я имел жестокостью вам дать, а вы снисходительность выполнить. Вы знаете, что Мюллер-Стрюбинг здесь; он намерен давать в Лондоне уроки французского языка и думает, что для этого достаточно знать немецкий язык и г-жу Санд (франц.).

АДОЛЬФУ РЕЙХЕЛЮ

«Лондон. Середина октября 1852 г.»¹

Cher Reichel, vous devez me prendre non seulement pour le premier égoïste du monde, mais pour un homme qui ne fait jamais un pas sans y être intéressé. Dès que vous voyez votre nom dans ma lettre, vous pouvez être sûr qu'il y a commission, procuration (?), délégation, abnégation², rue Lafitte³, rue Richelieu⁴, prière, fiacre, poste etc.

Ebbene, lato maestro, jugez vous-même, j'ai reçu une lettre de la pauvre M-me Darimon⁵ (le mari n'en fait rien); ils sont dans un état pitoyable de misère. Elle veut faire un assez grand emprunt; c'est impossible, expliquez-lui que j'ai d'autres amis et de plus intimes, pour pouvoir lui prêter 1000 francs. Tout pesé, je lui offre 300 fr.— je vous envoie une petite traite à votre ordre de 300 fr. Ayez donc la bonté de prendre en argent chez Chomburg et de le remettre à M-me Darimon. Ajoutez à cela que sa lettre m'est parvenue complètement décachetée.

Je vous prie, cher Reichel, expliquez à cette femme malheureuse, que ce n'est pas un caprice de ma part; je fais tout ce que je crois juste; mais si j'allais au delà des limites, cela serait fini. Au resté personne ne peut mieux savoir mon désintéressement que la rédaction de «La voix du peuple» qui a enterré mon cautionnement⁶. Faites donc cela. A propos, étant chez Chomburg, dites lui que je voudrais, s'il le conseille, vendre les papiers Hollandais que j'ai et qui rapportent si peu (s'ils sont en hausse depuis 1850). Je suis tellement entouré de véritables malheureux qu'il faut chercher d'avoir plus de rente et penser un peu que l'avenir ne représente plus rien à ces hommes que l'Amérique et la faim⁷.

Перевод:

«Лондон. Середина октября 1852 г.»¹

Дорогой Рейхель, вы должны считать меня не только первейшим эгоистом на свете, но и человеком, который никогда шага не сделает без личной заинтересованности. Стоит вам только увидеть свое имя в моем письме, вы можете быть уверены, что в нем есть поручение, полномочье (?), распоряжение, отречение², улица Лафит³, улица Ришелье⁴, просьба, извозчик, почта и т. д.

Ebbene, lato maestro*, судите сами, я получил письмо от бедной г-жи Даримон⁵ (муж тут не причем); они находятся в страшной нужде. Она хочет занять довольно большую сумму; это невозможно; объясните ей, что у меня есть другие и более близкие друзья, что лишает меня возможности дать ей займы 1000 франков. Вавесив всё, я предлагаю ей 300 франков. Посылаю вам небольшой вексель в 300 франков на ваше имя. Будьте же добры взять деньгами у Шомбурга и передать деньги г-же Даримон. При этом добавьте, что ее письмо дошло до меня совершенно распечатанное.

Проню вас, дорогой Рейхель, объясните этой несчастной женщине, что это не каприз с моей стороны; я делаю все, что считаю справедливым. Но если бы я превышал возможности, денег бы не осталось. В конце концов мое бескорыстие никому не может быть лучше известно, чем редакции «La voix du peuple», которая похоронила мой залог⁶. Сделайте же это. Кстати, когда будете у Шомбурга, скажите ему, что я хотел бы, если он посоветует, продать голландские бумаги, которые у меня есть и которые дают так мало дохода (если курс их повысился с 1850 г.). Меня окружает столько повсюду несчастных людей, что нужно постараться получать побольше ренты и немного подумать о том, что будущее не сулит этим людям уже ничего, кроме Америки и голода⁷.

* Итак, свободный художник (итал.).

¹ Датируется по сопоставлению с вопросами о Даримоне, содержащимися в письмах к М. К. Рейхель от 15 и 20 октября (№№ 54 и 55).

² Герцен шути подбирает французские слова, оканчивающиеся на «sion» или «tion», что в произношении совпадает.

³ На улице Лафит помещалась банковская контора Ротшильда, куда Рейхель нередко ходил, исполняя поручения Герцена.

⁴ На улице Риппелье был книжный магазин Франка.

⁵ Жена Альфреда Даримона.

КОВДЕН, БРАЙТ И ГИБСОН — УЧАСТНИКИ БУРЖУАЗНО-ПАЦИФИСТСКОГО
«КОНГРЕССА МИРА» 1849 г.

Карикатура О. Домье

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

⁶ О залоге, который Герцен дал Прудону для обеспечения газеты «La voix du peuple», см. в «Былом и думах» (XIII, 453—457).

⁷ Речь идет о политических эмигрантах, которым Герцен постоянно оказывал материальную помощь.

⟨Лондон.⟩ 15 октября ⟨1852 г.,
4 Spring Garden's

Вы пишете: «Ведь недурно было вам в Париже в последний раз». Алекс⟨андр⟩ Иван⟨ович⟩ Тургенев¹ говаривал в споре с Ховриной²: «Ах, вы моя милая игнорантка»*. Прошу заменить Ховрину собой, а Тургенева таковым же мной. Восемь дней, проведенных в Париже с вами, с Ст⟨анкевичами⟩ и М⟨ельгуновым⟩³, меня оживили, я забыл, рассеялся

* невежда (франц. «ignorante»).

от души. Да разве из этого следует, что там можно жить при совершенном отсутствии всякой легальности? лучше уж просто взять пасс в Москву или Петербург, да и ехать самому⁴. Если даже и дадут позволение, то можно только повидаться. — Скучно, но такова доля тех дураков, которые предпочитают мечты апостольства чину статского советника. Au reste*, эти общие кресты легки, если б не было частного креста: я сделан бойцом, зато и здоровье лошадиное, которое возмущает Н^иколая⁵ Ал^{ек}сандровича⁶, и если бессилен теперь, то это оттого, что фатум напал на меня тайком сзади, когда я боролся впереди. — Вы знаете, отчего воздушный шар не может сладить с локомотивом? Оттого, что нету точки опоры. Отнимите у Геркулеса доску⁶, у которой он стоит, он грянется наземь от кулака Маврикия Рейхеля⁷.

Я в большом раздумье — кажется, вообще главное, что я делаю, это раздумье. Остаться здесь или ехать? Ехать! Куда ехать? Испания, Брюссель, Фрибург. И не могу решиться. Тесье говорил, что у меня натура Гамлета и что это очень <по>славянски. Действительно, это — замечательное колебанье, неспособность действовать от силы мысли и мысли, увлекаемые желаньем действия, прежде окончания их. Zögern sich auf-reissen**. Хохот иронии, досада на всё, пуще всего на себя, чувство своего бессилья, недоделки, рассеянья и retour***.

Вам смешно, может быть, потому что вы составили себе немецкую идею о Гамлете, представляете его сухим, как Шомбург, бледным, как воск. Вспомните, что его мать говорит: «Подайте сыну моему вина, принц так толст, он устал». И Фортинбрас готов — это Тата. Тата скорей, нежели Оля, — светлая и wehmütig****, умная дурочка⁸.

Итак, Лондон, Брюссель — загадаю на картах. Для моего дела мне здесь не нужно более оставаться. Я дожил до того, что даже против меня начала составляться партия⁹. А гротос, на днях был Зольгер¹⁰, он сначала было хотел мне бравировать и играл роль de la non intervention*****. Меня это огорчило и взбесило. Мы поговорили крупно, и Зольгер, удивленный сначала, стал вникать в дело и кончил тем, что со слезами проклял своего прежнего приятеля¹¹ и стал совершенно с иной стороны. Головин¹² явился из Лугано. Как-то помолодел, окрасил в новую краску волосы и представлял собой новый тип d'un gamin ours*****. Издает журнал или Revue***** по-французски; я ему советовал назвать по-русски: «Реву с острова» — не соглашается¹³. Он уже успел здесь повздорить с Кобденом¹⁴, преуморительный и добрый малый. Я жду, когда он наймет квартиру, чтобы искать себе в противоположной части города. А право, он добрый человек, но не очень близко; хорошее ружье попадает ловко в цель на далеком расстоянии. — Прощайте. Напишите ответ об Даримоне.

¹ А. И. Тургенев (1784—1845). Герцен встречался с ним в Москве в сороковых годах.

² М. Д. Ховрина (1801—1877) — сестра московского обер-полицмейстера Лунина. Ее салон в сороковых годах посещали Герцен, Огарев, Чаадаев и др.

³ Лемке в «Канве биографии» указывает, что Герцен в 1852 г. пробыл в Париже, на пути в Лондон, с 20 по 24 августа. Свидетельство Герцена о «восьми днях», проведенных им во французской столице, вносит таким образом существенную поправку в «Канву биографии» (XXII, 262).

⁴ Герцен опасался, что в случае переезда на жительство в Париж он будет выдан правительством Наполеона III царским властям.

* Впрочем (франц.).

** Медлить страхнуть опеменение (нем.).

*** раздумье над собой (франц.).

**** грустная (нем.).

***** невмешательства (франц.).

***** мальчишки-медведя (франц.).

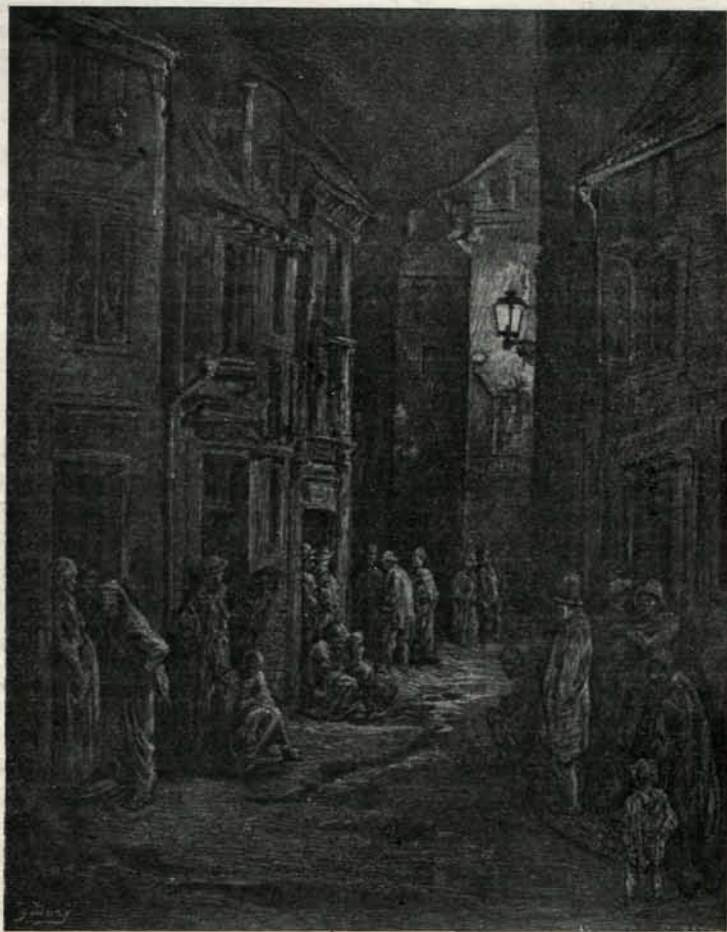
***** Обозрение (франц.).

⁵ Николай Александрович Мельгунов был мнительен и постоянно жаловался на свое здоровье.

⁶ Герцен имеет в виду известную статую «Фарнезский Геракл». Прославленный герой античной мифологии изображен здесь отдыхающим: он стоит, опираясь всей тяжестью своего тела на подпору, изображающую дерево.

⁷ *Маврикий Рейхель* — малолетний сын Адольфа Рейхеля от первого брака (Мориц).

⁸ *Фортинбрас* — персонаж трагедии Шекспира «Гамлет». На свою старшую дочь, Тату, Герцен, в смысле духовной преемственности возлагал особые надежды.

ЛОНДОНСКИЕ ТРУЩОБЫ

Гравюра по рисунку Г. Доре, 1872 г.

«Одинок бродя по Лондону, по его каменным просекам, по его угарным коридорам... я много прожил» («Былое и думы», гл. «Лондонские туманы»)

⁹ Вероятно, Герцен имеет в виду группу немецких эмигрантов, поддерживавших Гервега.

¹⁰ Рейнгольд *Зольгер* — прусский литератор и политический деятель, примыкавший к лагерю буржуазной демократии, по словам Герцена «самый остроумный» из его противников. В 1850 г., в октябрьском номере журнала «Deutsche Monatsschrift», появилась статья Зольгера «Буржуазия». Ею открылась серия статей, посвященных полемике с Герценом как с автором книги «С того берега». Зольгер упрекал Герцена в пессимизме и скептицизме, которые, по мнению критика, привели русского революционера к недооценке созидательных сил западной цивилизации. Разбирая «С того берега», Зольгер определял позицию Герцена как индивидуалистическую.

¹¹ *Прежний приятель* — Гервер.

¹² О Головине см. примеч. 12 к письму № 4.

¹³ Неясно, о каком «Revue» пишет Герцен. Головин издавал в Ницце в 1850—1851 гг. еженедельник «Carillon» («Трезвон») и в Турине в 1852 г. — «Journal de Tougin» («Туринскую газету»). Газета была закрыта по требованию австрийского посла, и Головин в том же 1852 г. переехал в Лондон, где, видимо, собирався издавать новый журнал, но реализовать это намерение ему не удалось.

¹⁴ Ричард Кобден (1804—1865) — один из лидеров английской промышленной буржуазии, возглавлял движение за отмену хлебных пошлин (были отменены в 1846 г.).

Головин о своем столкновении с Кобденом писал: «Я задумал агитацию в пользу русских крестьян <...> Я обратился к Кобдену <...>, просил о серии митингов в пользу free work <свободного труда>. Кобден мне ответил, что вмешательство в дела чужих государств противно правилам „общества мира“» (И. Г. Головин. Записки. Лейпциг, 1859, стр. 142).

55

⟨Лондон.⟩ 1852. 20 октября

Письмо ваше и приложение Мельгунова, разумеется, получил. Записочку от Тат⟨ьяны⟩ Ал⟨ексеевны⟩¹ Саше не отдал, потому что он вчера уехал в Seven Oaks и до субботы пробудет там. Записочка эта, как почти всё от Астр⟨аковой⟩, сильно меня тронула. Ел⟨ена⟩ Конст⟨антиновна⟩² ее не любит и по-московски, с большою нетерпимостью. Я сам называл ее когда-то Матрена Занд, но истинно теплее и деятельнее симпатии я редко встречал, и, взвесивши недостатки с добром, мне кажется, что последнее перевесит.

Мельгунову вексель на Ротшильда пришлю (у меня вышли его бланки). Но прошу, как он сказал, эти 2000 вручить вам или Рейхелю к 1 января. Вы не можете вообразить, какой расход; превышает всякое вероятие; не думайте, что я говорю о дороговизне или о собственных тратах. Нет. Это не так важно. Квартира стоит в месяц 10 фунтов. Проедаем, прожигаем и прогуливаем в месяц фунтов 50 (тут и Васбиндер³, который Саше дает уроки и пр.), итого от 1500 до 1600 фр. На расход, вроде Дарим⟨она⟩ и на разные предприятия ничего не предпринимающие...^{*} Мое положение меня обязывает к этому. Тут Головин с своим *revue*^{***4} — возьмет две, три акции, тут NN, QQ, PP, XX со всяким вздором. Да рядом еще видишь так ⟨много⟩ нужды и страданий, что самому хочется помочь. А потому надобно соблюдать некий порядок. Ищу квартиру побольше и подальше; о Бельгии думать нечего, а в Швейцарию проезд труден. — Не верю я в демарши^{***} Прудонца⁵, а то бы я хоть проездом прожил бы недельку. Разлука с детьми нехороша. Я все надеялся, что и вас из Парижа прогонят, да нет, скоро сделают императорским генерал-басом Рейхеля, а вас генерал-дискантом.

Много ли осталось жить, кто знает? и потому следовало бы быть вместе. Не придумаю ничего.

Здесь, что можно было сделать по моему делу, сделано. Теперь идет переписка с Жорж Санд. Мемуар писать необходимо⁶. Из Швейцарии пишут, что отказ этого б⟨олвана⟩ принять вексель страшно и окончательно уронил его. Прощайте.

Приписка к Тате:

Dein Brief, Tata, hat mir sehr viel Freude gemacht, er ist sehr schön geschrieben****. Учись хорошенько, Саша начинает говорить по-английски. Поцелуй Оленьку.

* Далее в копии пропуск.

** обозрение (от франц. «revue»).

*** хлопоты (франц. «démarches»).

**** Твое письмо, Тата, доставило мне большую радость, оно очень красиво написано (нем.).

¹ *Тат<ьяна> Ал<ексеевна>* — Т. А. Астракова (1814—1892), вдова друга Герцена, Николая Ивановича Астракова. Т. А. Астракова — автор повести «Воспитанница», в которой описана жизнь Натальи Александровны у кн. М. А. Хованской (повесть напечатана в «Современнике», 1857, кн. 10. Псевдоним — Белевский). В своих «Воспоминаниях» А. В. Щепкина писала о Т. А. Астраковой: «Она курила трубку с очень длинным чубуком и любила говорить о правах женщин, требуя для них доступа к науке и другой деятельности и равноправия с мужчинами».

² *Ел<ена> Конст<антиновна>* — Станкевич.

³ *Васбиндер* (по справке Лемке — Fasbinder) — знакомый Герцена. См. упоминание о нем в письме Герцена к сыну от 17 ноября 1858 г. (IX, 387).

⁴ См. примеч. 13 к письму № 54.

⁵ *Прудонец* — шуточное прозвище, данное Герценом Прудону.

⁶ В обращении «Братьям на Руси», датированном 2 ноября 1852 г., Герцен сообщил о своем решении писать воспоминания («Былое и думы»): «Исповедь моя нужна мне, вам она нужна, она нужна памяти святой для меня, близкой для вас, она нужна моим детям» (VII, 155).

56

⟨Лондон.⟩ 12 ноября 1852 г. Пятница. Утро

Добрый, милый друг Мария Каспаровна, не мне вас утешать, свои раны свежи. Ваше первое письмо о болезни малютки меня испугало¹. Да, я не верю в прочность ничего — да, я дошел до полного атеизма в жизни.

И это страшное сближение ночи 11 ноября с прошлым годом.

Вы решились быть матерью, вы решились быть женой: за минуты счастья — годы бед.

Жить могут княгини Марии Алексеевны — надо было в цвете сил отречься от всего, жиром закрыть сердце, сочувствие свести на любопытство². Не надобно быть ни матерью, ни женой. Я всеми силами стараюсь себя воспитать в бесчувственность.

Двигайте же силы и дайте руку, не одна вы — у вас Рейхель, и смело назову себя, как ближайшего вашего друга.

Скажите Наташе, чтобы написала несколько строк.

Рейхеля целую и жму руку, и Саша крепко пригорюнился, услышав о вашем несчастье. У него много чувства при всей рассеянности. Прощайте. Жаль, жаль мне вас: нет, нас особенно судьба уважает.

¹ У М. К. Рейхель умер малолетний сын Саша.

² Герцен характеризует здесь бездушие и черствость своей родной тетки, княгини М. А. Хованской (рожд. Яковлевой), в доме которой воспитывалась Наталья Александровна.

57

⟨Лондон.⟩ 23 ноября 1852 г.

Из экономии пользуюсь сей верной оказией, чтобы сказать вам слова два. У меня тоска по детям растет со всяким днем, и ваше выражение о сиротстве еще более ее возбудило. Не знаю, как придумать и что сделать. В мире нет лучшего помещенья, как у нас, отчего же бы после праздника не приехать бы на две недели? Жду Нат<алью> Ал<ексеевну>¹, это всё мне кажется там, на девятом небе. Я сегодня ночью всё Оленьку видел во сне. Ну, если я умру или... — я уже не хочу перебирать всех возможностей, всё возможно, Мария Каспаровна, всё — *даже хорошее* — *genre ou poir**, чет или нечет, решетка или копые — выдумаете вы что-нибудь? А вот спросите Хоецкого, нельзя ли мне на месяц приехать к вам? Со всех сторон цепи. Помните в «Роберте»² хор с цепями? И всё это так ненужно, так бесцельно. С Сашей дело идет; теперь у нас школа — школой. Латынь и неметчина — Мюллер-Стрюбинг³, француз<ский> — Васбиндер⁴,

* красное или черное (франц.).

английский — Гауг, история — я, рисованье — Булевский⁵, ученик Овербека⁶, математика — инженерный майор Домагальский⁷.

Дождь льет проливной, пятнадцатый или пятидесятый день. Климат в самом деле гнусный. Прощайте. Скучно.

Приписка Тате:

Ну, сколько же дней, Тата, осталось до елки? Что ты подаришь Оленьке? И что мне прислать тебе к елке? А ты сделай мне корпии еще и пришли в письме, другой не употреблю, как твоей и той, которую делала мамаша.

Напиши мне о здоровье: Madame Gasparini⁸, а Рейхелю поклонись и Стан<кевичам>.

Твой папа

¹ Герцен надеялся, что Н. А. Тучкова-Огарева согласится приехать из России и быть воспитательницей его детей. Таково было предсмертное желание Н. А. Герцен.

² Опера Мейербера «Роберт-дьявол»

³ *Мюллер-Стрюбинг* — см. о нем примеч. 2 к письму № 49.

⁴ *Васбиндер* — см. о нем примеч. 3 к письму № 55.

⁵ *Людвиг Булевский* — польский эмигрант, один из основателей газеты «Польский демократ».

⁶ *Фридрих-Иоганн Овербек* — известный немецкий художник.

⁷ *Михаил Домагальский* — польский эмигрант.

⁸ *Madame Gasparini* — см. о ней примеч. 7 к письму № 47.

<Лондон.> 26 ноября <1852 г.> Пятница

И вы больны. Боюсь за вас, боюсь за детей. Да здорова ли квартира, бросьте ее и, если нет, бросьте деньги — всё вздор. Лишь бы себя спасти. Трудное время, потому что, наконец, выбиваемся из нравственных сил. Уж так бы без перерыву одно несчастье за другим — а то, как при гонении сквозь строй, когда упадешь, полечат, а потом опять досекать.

Спросите у Хоецк<ого>, не может ли Браницкий¹ узнать, в случае нужды могу ли я на месяц приехать, т. е. дадут ли пермиссию*. Я, может, один приехал бы.

Какого ответа ждет Прудонец — я не знаю, я от него ничего не получал с тех пор, как в Лондоне. Я думал ему писать второе письмо о моем деле. Но вижу, что сделанное недурно, а дальше ничего нельзя ждать от людей. Худо ли, хорошо ли, но надобно делать самому. О издании же обозрений² жду от него.

Вот вам забавный случай, который мог быть очень серьезным. Расскажите его Ст<анкевичам> и Мель<гунову> в дополнение к биографии Гауга. Помните нашу безумную поездку на австрийском пароходе по Lago Maggiore? Комиссар полиции узнал Гауга и, не имея права схватить, послал тайного агента. Тот проводил до Люцерна, а в Люцерне он узнал, что Гауг с англ<ийским> паспортом. Погоня австрийская тотчас потребовала арестации Гауга. Швейц<арское> правительство согласилось. Но мы уехали в Нейгауз, Берн; между тем посол требует сыскать, сердится, и Дрюэ³ ищет, ищет. Посол пишет, что имя на паспорте Томсон. И вот открывают в Ааргау английского путешественника по имени Томсона; его тащат в Берн, сажают в тюрьму, и английский посол уже ссорится с Дрюэ. Наконец, Томсона освободили. Итак, Гауг тогда на пароходе был на один шаг от расстреливания, ибо сентенция над ним произнесена уже, но комиссар полиции сплеховал. И Едм<унд>⁴ ведь лазил чёрт знает зачем на пароход.

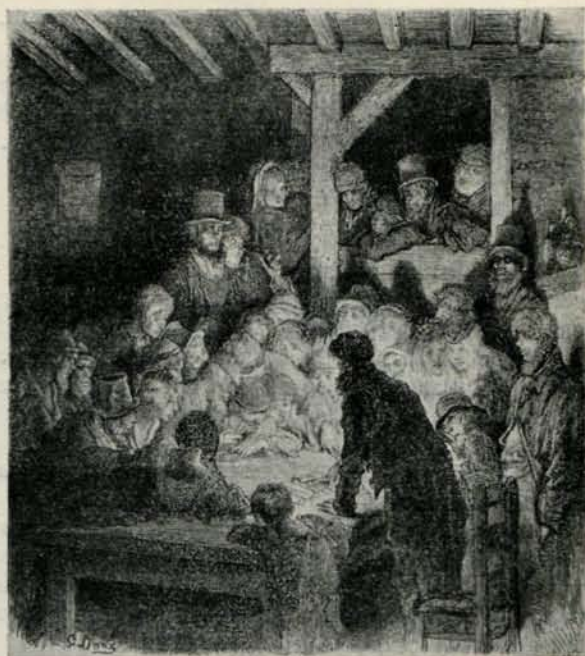
Если не предвидится никакой возможности мне побывать современем у вас и не будет никаких вестей от Ник<олая> Ал<ександровича>⁵ — то (как вы думаете откровенно), можно бы было через месяц или два детям

* разрешение (от лат. «permissio»).

В ЛОНДОНСКОЙ ТАВЕРНЕ

Гравюра по рисунку Г. Доре,
1872 г.

«Обыкновенно вечером... я отправлялся гулять... всматривался в тавернах в незнакомое племя, оставившись на мостах через Темзу» («Былое и думы», гл. «Лондонские туманы»)

приехать под командой Ал(ександры) Хр(истофоровны)⁶ и с Марихен⁷ и с Франсуа⁸?

Да вы говорите так, как думаете. А не то мы вашего выздоровленья <как> милостыни ждать будем. Домом своим я не очень доволен — сыр.

Впрочем, что здесь делать в отношении погоды? Это, в самом деле, выше воображения; дождь льет с половины октября с вьюгой; когда нет дождя, такой туман, что едва видны одни фонари, которые тушат на улицах в восемь часов утра и зажигают в $1\frac{1}{2}$ 4-го. Говорят, от половины генваря до 1 марта холодно бывает, но хорошо. Вот тут-то бы и приехать.

Пишите, разумеется, тотчас же.

Рейхель говорит, будто я девять дней не писал, уж не пропало ли какое письмо?

Кстати, чтобы Рейхель не отучился от дела: что Шомб(ург) никакого ответа не дает насчет голландских фондов, продать их или нет? Продать — так что купить? И не пора ли исполнение сбыть с рук? А впрочем, это не к снеху.

Прощайте

12 часов

Совершенно смерклось, и дождь хлещет. Приятная страна! Сашино ученье теперь устроилось:

Латынь и немецчина

— Мюллер

Англ(ийский)

— Гауг

Рисованье

— Булевский

Математика

— Домагальский

Французский

— Васбиндер

Историю исключая

— я сам

География

— Гауг (?)

¹ О Браницком см. примеч. 1 к письму № 65.

² Герцен затевал журнал — орган международной демократии. «Тесье, Фогт и Эдм(онд) с горячностью приняли мысль завести обозрение», — писал 1 октября 1852 г. Герцену Энгельсон (VII, 143).

³ Шарль Дрюэ — член федерального совета, представитель исполнительной власти в Берне.

⁴ *Эдмунд* — К.-Э. Хоецкий.

⁵ *Ник(олай) Ал(ександрович)* — Н. А. Мельгунов.

⁶ *Ал(ександра) Хр(истосфоровна)* — А. Х. Энгельсон.

⁷ *Марихен* — Мария Фомм (см. о ней примеч. 6 к письму № 47).

⁸ *Франсуа* — слуга Герценов.

59

⟨Лондон. 27 ноября 1852 г.⟩
Суббота, 4 часа пополудни¹

Я к вам пишу для того, чтобы узнать, что могло вас заставить так долго не давать вестей о себе. Неужели ни Эдмунд, ни Энгельсон не могли вас заменить?

Нерв(ов) моих не падают, они действительно крепки. Тургенев² говорит, что у меня вовсе нервов нет. Тем не менее, на что же без нужды нудить? Нельзя сказать, чтобы я уж так — одна рука в меду, другая в поташе.

Завтра письма не будет, потому, как вы знаете, в воскресенье здесь почты нет. Еще 48 часов *à ménе** ждать.

А потому уведоьте, что вы и дети, если еще не писали.

И развяжите меня, ради бога, с этим делом о приезде. Окончательно: *да или нет?* Занятия и все устройство жизни, которые я едва наладил, опять пошли *à tous les diables***. Это из рук вон. В трех письмах пишет Эдмунд ⟨?⟩³.

¹ Публикуемое письмо, помеченное субботой, написано, очевидно, на другой день после предыдущего письма, отправленного в пятницу 26 ноября.

² *Тургенев* — Иван Сергеевич Тургенев.

³ Далее в копиях следует письмо Саши Герцена к Тате:

Милая Тата,

30 ноября. Вторник

Что же ты мне так долго не писала? Напиши мне, что я тебе должен прислать к елке?

Я видел в Зверином саду две собаки, которые очень похожи на Цапу, и мне стало жалко их видеть в клетке. Там есть лошадка, до того малая и милая, что ты могла бы на ней ездить. Пришли мне маленький рисунок в твоём письме. Целуй Ольгу, Мориза, Рейхеля и Машу.

Будь здорова.

С а ш а

60

⟨Лондон.⟩ 29 ноября 1852. Вечер

Я начинаю делаться смешным и презрительным в своих глазах. Вот оно, отдание праздников. Я так нервно становлюсь расстроен, что просто смех. Сегодня утром я ждал от вас письмо как $2 \times 2 = 4$; письма не было; разумеется, я вас почитал при смерти, в больных. Вдруг вечером ваше письмо, спокойное и доброе, с корпией, и я, ей-богу, плакал, как ребенок, и теперь плачу с досадой — я становлюсь и трус и слаб — меня пугает иногда эта пустота, одиночество, мне кажется, я не увижу больше никого близкого, ни детей, — все будет схоронено, рассеяно, и я ишу искусственных потрясений и *à force d'excitation**** все так же умею пить, делать каламбуры и дурачиться.

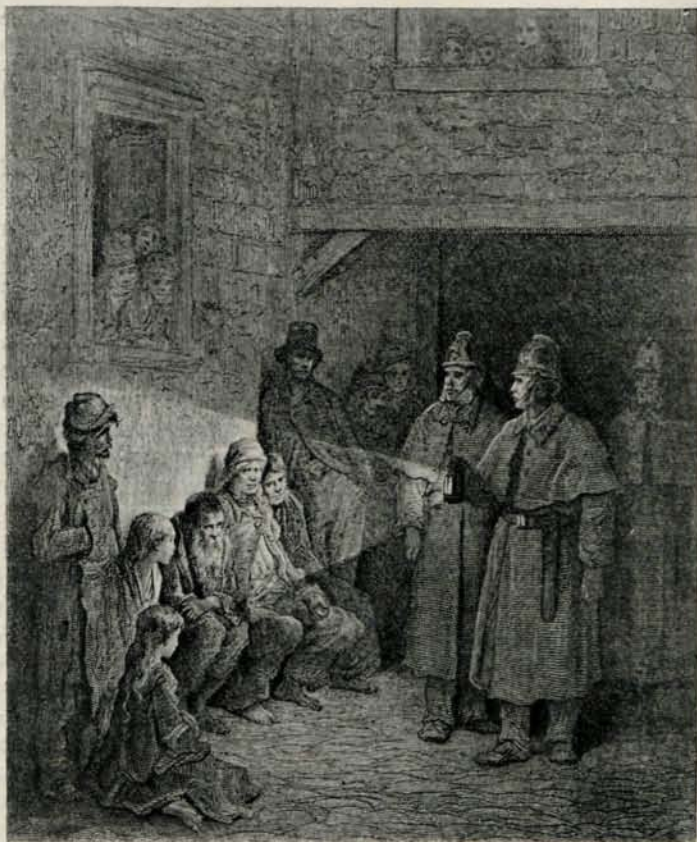
Предположение, писанное в прошлом письме, я оставил, но вот новое: если Тессе поедет сюда, а он собирается, то его жена могла бы взять детей сюда, они прожили бы месяца два, а потом, я истинно не думаю, даже так далеко. Мало ли что может быть потом? Гауг едет решительно в Австралию; может, мне можно будет побывать у вас. Писать Ротшильду нечего;

* по крайней мере (итал.).

** ко всем чертям (франц.).

*** возбуждаясь (франц.).

тут одно опасно, что позволят да и накроют. Теперь, впрочем, всем говорят будет позволено возвратиться¹, но для этого следует написать подлое письмо. Я бы месяца через два перебрался в Париж. Разумеется, Рот(шил)д легко бы мог сделать. Ну и из России нет ни слуха, ни духа. На днях к вам приедет Ротчев², известный путешественник; он теперь из Калифорнии и едет в Австралию; он человек интересный, но советываю все-таки не очень расстегиваться, он и с нами приятель, и с русской знатью. Просил меня дать записочку о допущении смотреть детей.

ЛОНДОНСКАЯ УЛИЦА НОЧЬЮ

Гравюра по рисунку Г. Доре, 1872 г.

«...Город... заснул... пусто, только слышна мерная поступь полиц-мена с своим фонариком» («Былое и думы», гл. «Лондонские туманы»)

30 ноября

Беды нет, что о Голландии забыл Рейхель; кто же помнит Голландию? La Olanda fara da se³.

Что Мельг(унов) не едет сюда? избалуется в Париже; и Ст(анкевич) хотел. Кланяйтесь Бр(аницкому) и прощайте.

Ротчев поедет назад, пришлите стихи, перевод Лермонтова, мое письмо к Michelet. Работа моя опять идет плохо.

Приписка к Тате:

Милая Тата, корзину я получил и тотчас положил в уши. Ты современем мне еще пришли. А мы с Сашей ходили смотреть шимпанзе, таких

обезьян умных, как люди; они в саду возле нас. Кривляются, как Энгельсон⁴, и мать носит свою дочь на руках и ласкает. Представь все это Оленьке.

Прощай. Твой п а п а

¹ Герцен имел в виду слух о том, что Наполеон III предоставил эмигрантам возможность на известных условиях вернуться во Францию.

² А. Г. Ротчев (1813—1873) — автор книги «Правда об Англии, или сказание о расширении владений ее во всех частях света» (1854).

³ *La Olanda fara da se* — шутливая перифраза (в применении к голландским акциям) девиза, провозглашенного партией Каура *Italia fara da se* («Италия справится сама»).

⁴ Энгельсон обладал незаурядным актерским дарованием и, как писал Герцен в «Былом и думах», «делал целые драматические представления, от которых нельзя было не хотеть доупаду... К тому же половина была импровизирована» (XII, 594, 595).

61

<Лондон.> 6 декабря <1852 г.>

Письма ваши получены. Забудьте, пожалуйста, мое глупое слезливое письмо, бросьте его в печь, так, нашла глупая минута и подвернулось перо. Из письма Тат<ьяны> Ал<ексеевны>¹ я вижу, что Егор Ив<анович> не отдал денег. Вы с ним в переписке, спросите его от меня, отдал ли он и когда, кому? Мне пишут отовсюду о разных возможностях; я готов приехать (пошлите à propos записку Edmond'у², он живет — Rue d'Antin, Hôtel d'Antin, 18), но если для этого надобно сделать что-нибудь дрянное, то я лучше умру в Лондоне. Я изъявил желание приехать и поставил причиной, что мои дети в Париже. Их дело разрешить. Разумеется Браницк<ому> это легко. Au reste*, к горлу я не приступаю. Жить в Лондоне необыкновенно хорошо (вы не знали английской жизни, спокойно, безопасно, и всё под рукой. Но я только и существенно <!> для детей хотел бы переселиться).

Последние дни я был больше похож на Алексея Кучина или на Абрама Полесника³, нежели на себя. Дни целые мы с Гаугом таскались по псарням и по таким частям Лондона, где никто не бывает. — Ну да уж, матушка Мария Каспаровна, такого пса приискали, т. е. квадратная собака. Саша в восторге⁴, он веселее меня провел этот день (никто не знал, по счастью, что мои именины). Головин один посетил и Ротчев — он едет сегодня в Париж. Помните, что я писал: будьте осторожны, не говорите о русских знакомых. А когда он поедет назад, дайте ему экземп<ляр> моего письма к Michelet (возьмите у Энгельсона, если нет) и Лермонтова.

Прощайте.

Рейхеля целую.

¹ Тат<ьяна> Ал<ексеевна> — Астракова.

² Edmond — Хоецкий.

³ Кто такие А. Кучин и А. Полесник, в точности не известно. Судя по контексту, Герцен вспоминает о крепостных псах И. А. Яковлева.

⁴ Собака была подарена Саше в день его именин от имени Таты.

62

1852 <12> декабря. Воскресенье
Вечер — поздно¹

Да и зачем вы это всё больны, моя добрая, милая Мария Каспаровна? Так это вы, так-то сильны, по первому удару и сломились? Mut gefasst**. Посмотрите на меня, все сучья обрублены, едва ли сохранена честь и доброе имя.

* Впрочем (франц.).

** Бодритесь (нем.).

Je reviens gras et fleuri*.

И не то чтобы сердце лишено было всяких чувств, материал хорош — cuir Russe**!

Поверьте, всё вздор. Помните, я вам писал о M-me Brüning² — львице, северной медведице — стало, о ее победах и о прочем. Неделю тому назад, т. е. в мой именины, у нас вечером были гости. Она жаловалась, что ей что-то не по себе. А сегодня доктор объявил, что спасенья нет, расширение в сердце, разложение крови — я ее видел месяц тому назад. Женщине 35 лет, image de la santé***; она хохотала, пела мне русские песни — о смерти столько же думала, сколько о Зоненбурге!³ А вот доктор говорит: может протянуться неделю, даже две, но спасти нельзя. Трое детей — мне даже это начинает нравиться, вот такая бессмыслица, хаос, нет, старичок-то в треугольнике⁴ выжил из ума — бонапартист эдакой в три-корне****.

В Париж я непрочь; без пакости если пускают, — приеду; вы бы Эд<мунду> поручили насчет фатерки, небольшой, но очень изящной (я здесь избаловался и чрезвычайно), возле вас, эдак по avenue Marbeuf 10, 2¹/₂ или 3¹/₂ №. Я привезу с собой собаку, свою кухарку (hoppi soit qui mal y pense***** — M-me Moture 45 лет; а в 15 уже была безобразна, но без рябин и других ненужных в лице человеческого частей), сына кухарки, моего сына, отпа моего сына — стало, надобно две спальни, людская, псовая и кухня. До цены дела нет, лишь бы возле и с комфортом.

Теперь скажите Ст<анкевичу>, и это очень серьезно и без малейшего эгоизма, я его прошу не возвращаться в Россию, не видав Лондона, это такое варварство не уметь ценить этот высший центр, этот город независимости и силы. Всё то же — туман, дождик. Но что же за беда, на это есть зонтик и кареты. Париж в сравнении с Лондоном — хороший городок, но не больше. Но Лондон действительно мир — non urbis sed orbis***** (Ст<анкевич> переведет). Я его уважаю и чту, и тем больше, чем больше живу в нем.

Приписка к Тате:

Тата,

Собаку, которую ты подарила, зовут «Ботсссууайн». Чтоб это сказать по-английски, надобно на *Бот* высунуть язык — *Ботс*, закрыть глаза, а потом прибавить *ууайн*: сначала сделать маленький ротик — *ууу* — и потом пребольшой — *айн*. Если мы приедем, этот Ботсссууайн будет Оленьку возить в тележке по Елисейским полям, а ты возле с плеткой. Кланяйся Рейхелю и Едмундушке.

Приписка Саши:

12 <декабря 1852 г.> [Воскресенье]

Милая Тата, вчера я ходил покупать собаку, она плавала в канале и потом меня всего замочила. Я ее мыл мылом, она меня за это лизала и хвостом в лицо била. Целую тебя, Олю, Машу, Рейхеля и Морица.

С а ш а

* Я снова жирен и цветущ (франц.).

** русская кожа! (франц.).

*** олицетворение здоровья (франц.).

**** треуголке (франц. «tricorné»).

***** позор тому, кто дурно об этом подумает (франц.) — девиз «ордена подвижки».

***** не город, а мир (лат.).

Приписка Герцена к Рейхель:

13 <декабря 1852 г.>. Понедельник

Прощайте. «Записки» идут⁵, знаете, кого я обрисовал недурно: Алексея Александровича⁶. Теперь буду опять об университете. Кланяйтесь Энгельсону, я подозреваю, что он хочет дать стрелка в Петербург. Итак, выпишите меня — дело у вас, а не у нас. Жму руку вам.

¹ Основание для датировки — слова в тексте письма: «неделю тому назад, т. е. в мои именины». Именины Герцена приходились на 5 декабря (23 ноября ст. ст.).

² О *M-me Brüning* см. письма №№ 51 и 52.

³ Быть может, речь идет о немце Зонненберге, состоявшем при И. А. Яковлеве в неопределенной должности (см. «Былое и думы», XII, 70—74).

⁴ *Старичок-то в треугольнике* — треугольник, в середине которого изображено «всевидающее око» — символ «бога-отца».

⁵ Речь идет о работе над «Былым и думами».

⁶ *Алексей Александрович* — А. А. Яковлев («химики»). Герцен рассказывает о нем в главе VI «Былого и дум».

63

<Лондон.> 1852. 17 декабря. Пятница

Вы меня наказали славно и поделом, и я жму вам за это руку, много и горячо. Я понял и оценил вполне укор в вопросе: «Уж будто и первый?»... Видите, дело так пусто, хочется будто утешить; вот бонапартистом я вам угодил, ну а начало было неблагоприятно, неблагоприятно и глупо¹. Я очень рад, что Тата ездила к Прудонцу и желал бы посмотреть, как этот медведь любезничал с этой козой. Что, какова Мари Хоец<кая>?² Она прежде была мила. Насчет елки, помилуйте, что тут спрашивать. Марихен³ — подарок в 50, 60, 70 <фр.>, да и старушке водяной⁴ тоже надобно «этвас»*, детям, Морицу непременно с аднотенцией** — от Г<ерцена>, мол. Только вы не тормозитесь за вздором, сделайте елку в русский новый год — оно и патриотизм, и здорово, и лучше на досуге выбирать.

Теперь перехожу к диссертации о моем приезде. Когда увидите Х<оецкого>, скажите ему, что я его письмо получил, но чтобы он был осторожен и не хлопотал бы через край, а то это падет на меня. Я хочу в Париж для детей и для вас, но не верю, чтобы в Париже можно было жить. Побывать было бы очень хорошо. Жить *au jour d'aujourd'hui**** только можно в Лондоне. Это независимость, это воля и досуг. Словом, весь состав жизни серьезной, деятельной и совершенно свободной. Я удивляюсь поверхностности мнений о Лондоне людей, как Тесье. Самая дороговизна — фантазия, собственно различье во всем от франка до шилл<инга>, т. е. от 20 фр. до фунта, т. е. 25, но, принимая английский образ жизни, и это различье пропадает. Я так привык, напр<имер>, к английской жизни, что в продолжении двух месяцев не ел тарелки супа. Помните, как здесь обедают — огромный кусок рыбы и пятьдесят соусов да огромный кусок румштекса — вот и всё. Завтрак *aboli*****, утром в 9 кофей с ветчиной, обед в 6, французское вино в отставке. Дни заняты все утро от 10 до 6 <!>. Я из лени не выучился по-английски, но умею читать газеты, даже брошюрку какую-то прочитал. Понимать легко. А *gragos*, собаку не мы назвали, а так ее называли прежде — Ботсвейн (или Байроновой собакой)⁵.

Думали ли вы когда-нибудь, что Лондон действительно средоточие всех материков? Возьмите Северное полушарие и посмотрите: англо-

* что-нибудь (нем. «etwas»).

** пояснением (от лат. «annotatio»).

*** в нынешние времена (франц.).

**** отменен (франц.).

Былое и думы

(Братцы на Руси)

Нужно было оторваться от привычки думать
о единственности, о единстве, о единении
и единении.

Трагедия, пережитая Россией, не в мире.

Нужно было оторваться от привычки думать
о единственности, о единстве, о единении
и единении.

Нужно было оторваться от привычки думать
о единственности, о единстве, о единении
и единении.

Нужно было оторваться от привычки думать
о единственности, о единстве, о единении
и единении.

Нужно было оторваться от привычки думать
о единственности, о единстве, о единении
и единении.

и «выступил» в «былое», «выступил»

и «выступил» в «былое», «выступил»

и «выступил» в «былое», «выступил»

и «выступил» в «былое», «выступил»

1877

и «выступил» в «былое», «выступил»

и «выступил» в «былое», «выступил»

и «выступил» в «былое», «выступил»

«БЫЛОЕ И ДУМЫ (БРАТЦАМ НА РУСИ)»

Список первоначального варианта введения в «Былое и думы», сделанный Герценом для М. К. Рейхель 2 ноября 1852 г.

Листы первый и последний

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

саксонская раса не локтем нос утирает. Впрочем, людей не люблю да мне их и не нужно — я желал бы знать, если расположиться в Париже, какие и какие пакости можно ждать, — оберут рукописи, книги, пошлют Никол(аю) Семен(овичу)⁶ в подарок и Ботсуайна и нас?

Если Тесье приедут в Париж (как он надеется), то нечего и думать детей сюда везти, притом переезд, погода (сегодня ночью здесь было светопреставление). Во всяком случае, получив разрешение, я приеду, останусь ли — не знаю. Жаль Сашу отрывать от занятий здесь, эта часть устроилась хорошо. Может быть, я приеду один. Главное, чтобы все сделалось без больших просьб и усилий. Брюнинг жива⁷. Прощайте. A rez-de-chaussée* пусть посмотрит и сам Рейхель. Пришлите книги с Ротчевым.

Приписка к Тате:

Тата! если я приеду, привезу тебе две птички из Южной Америки, удивительные, такие маленькие, такие маленькие, что ты таких и не видела — а туда же: летают и чирикают. Одна будет твоя, а другая Оленькина.

Прощай.

¹ Герцен имеет в виду упрек, сделанный им М. К. Рейхель в начале письма от 12 декабря: «Так это вы, так-то сильны, по первому удару и сломились?» (см. письмо № 62). Там же и строки о бже-«бонапартисте».

² *Мари Хоец(кая)* — дочь К.-Э. Хоецкого.

³ *О Марижен* — см. примеч. 6 к письму № 47.

⁴ *Старушкой водяной* Герцен, повидимому, называл мать Марихен — Гаспарини.

⁵ Байрон назвал свою собаку ньюфаундлендской породы Ботсвейн (Boatswein), что значит «боцман». Ей он посвятил стихотворение: «Надпись на могиле ньюфаундлендского пса» (1806).

⁶ *Никол(ай) Семен(ович)* — Николай I (см. примеч. 1 к письму № 45).

⁷ *О Брюнинг* см. письма №№ 51, 52 и 62.

«Лондон.» 23 декабря (1852 г.) Четверг

Я еще раз повторяю, если, впрочем, не поздно, «pas trop de zèle»^{**1}: я могу приехать только на основании безусловной чистоты. А то я буду похож на барса, если еще со всех сторон прибавится по черному пятну. Вы это скажите Эдмунду или прочтите. Я не пишу ему особо для почты. Я дружески его благодарю и понимаю, как ему приятно хлопотать, но, по несчастию, или по счастью, моя жизнь слишком публична и не совсем неизвестна, есть добрые люди всегда и здесь, которые, из поэтического чувства вреда, тиснут какую-нибудь гадость — и что я тогда? Я потеряю ту опору, которая меня так славню поддерживала в моем частном деле.

Ваши вести из Москвы произвели на меня иное действие, нежели они произвели на вас. Да, я останусь до конца жизни той же движущейся революционной натурой, *semper in motu*^{***}, как я вырезал на печати². Это горенье, это бродящее начало спасает меня среди бедствий и страшных событий. Гёте сказал: «Ich hab mein Sach auf's nichts gestellt»^{****}, и вам не показалась страшным эта старческая забота Кетчера о доме, о своем доме!³ Зачем дом? Эдип говорит: «На камне сем я век окончу мой»⁴.

Вот почему Европа хороша, она кладет такие жгучие начала и так бередит раны, что люди не оседают, а рвутся вперед, мрут середи дороги, едва замеч(енные) в этой игре истории. Покупка дома К(етчеру) мне

* Первый этаж дома (франц.).

** «без излишнего рвения» (франц.) — изречение Талейрана.

*** всегда в движении (лат.).

**** «Я сделал ставку на ничто» (нем. — первая строка стихотворения Гёте «Vanitas! Vanitatum vanitas!»).

вдруг дала заглянуть в ту жизнь, и мне показалось, что наши друзья устали. Я желаю им много, но меня это обдало ужасом — не знаю, во мне столько любви и нетерпимости и ненужных сил — может, всё, что я написал, — вздор.

Насчет денег я прошу Мельгу<нова> написать, я решительно и без пощады требую: 1-ое, чтобы Н. Ф. Павл<ов> дал в эту подписку 1000 руб. ассиг. или 300 сер. 2-ое, что я требую, наконец, какой-нибудь уплаты процентов, я не требую больше 5, но не обязан проигрывать, когда карты дурны у Павлова или у Сатина.

Когда я приеду в Париж, я вам покажу, сколько я истратил на общие дела денег. Скажу вам одно, что с теми деньгами, которые были у вас, я истратил за весь год 33 т., а получаю 50; стало, было бы 17 т. в экономии, а вместо этого — 22 т. долгу Ротш<ильду>. Если исключить 20, посланные в Россию, то останется 19 т., употребленные не на себя. Это дает мне некоторое право *de rentrer dans les fonds**. Да, потом в Евангелии сказано: «Не будь ни Аполосов, ни Павлов»⁵.

У меня теперь вертится в голове удивительный проект: начать агитацию об освобождении крестьян. Тут мне очень полезен будет Эдм<унд>⁶. Еще вопрос: напишите, пожалуйста, каким образом Тесье получил право возвра<щения>⁷, требовали ли подписку и какую.

Энгельсона целую; я его иногда страшно хочу видеть. Он как-то действует на мои нервы, так сильно и так эксцентрично, — à propos, скажите ему (и себе), что я третьего дня весь вечер просидел у Карлейля. Он совершенно то, что мы знали, читая его «Историю революции»; талантливость, касающаяся гениальности, парадоксы, смелость суждений и un grain de folie**. Я спорил с ним страшно, его grain de folie — что деспотизм спасет мир и повиновение приведет к социализму. Я, наконец, ему сказал: «Читали ли вы когда-нибудь „Историю революции“ Карлейля? Вот писатель, который гораздо лучше и глубже понимает, нежели вы». Из этого произошел смех и...*** Впрочем, я сижу постоянно дома. С Осип<ом> Ив<ановичем> нелады⁸. Много пишу. Если придет авторизация****, то к 15 генв<аря> приеду; за дом заплочено до 1 февр<аля>. Однако rez-de-chaussée***** 20 хорошо на месяц или на два, разумеется дорого, ну да после можно*****. Я здесь плачу 275 фр. за удивительную квартиру; rue же Marbeuf — не близкая улица. Из Ниццы мне книги прислали, а картины⁹ надобно дожидаться, они отправлены в Сутонтон <Southampton>.

1 <1> декабря

Кланяйтесь Ст<анкевичам>. Не пускайте их в Россию, скажите, что <там> такая холера, что хуже не надо.

Тату и Олю целую.

¹ Речь идет о хлопотах, предпринятых с целью добиться для Герцена разрешения на поездку в Париж (см. предыдущие письма).

² К. Браницкий писал, что вместе с девизом «semper in motu» на печати Герцена было выгравировано пламя, изображавшее его «одушевленную деятельность» («Les Nationalités slaves», 1879, стр. 170).

³ Т. Н. Грановский, П. Л. Пиккулин, Н. Ф. Павлов и М. С. Щепкин, желая как-нибудь наладить жизнь безалаберного Н. Х. Кетчера, создали комитет для сбора средств, чтобы приобрести для него дом. В сборе денег принимали участие также И. С. Тургенев и А. В. Станкевич. Дом, действительно, был куплен на Новой Басманной. Герцен поручил Н. Ф. Павлову передать для покупки 1000 руб. асс., однако он не сочувствовал превращению Кетчера в собственника.

* восстановить основной капитал (франц.).

** пункт помешательства (франц.).

*** Пропуск в копии.

**** разрешение (франц. «autorisation»).

***** первый этаж (франц.).

***** Пропуск в копии.

⁴ *На камне сем я век окончу мой* — процитированные по памяти слова тоскующего по родине царя Эдипа из трагедии В. Озерова «Эдип в Афинах» («Я мой век на камне кончу сем» — д. 2, явл. 1).

⁵ *Не будь ни Аполосов, ни Павлов* — процитированные по памяти слова из первого послания апостола Павла к коринфянам.

⁶ Возможно, что Герцен, обдумывая свой проект создания Вольной русской типографии, имел в виду воспользоваться обширными польскими связями Эдм. Хоецкого.

⁷ Право возвращения во Францию из эмиграции.

⁸ *С Осипом Ив(ановичем) нелады*. — Высоко ценя Маццини, как одного из крупнейших деятелей итальянского национального освободительного движения, Герцен, вместе с тем, весьма критически относился к заговорщическим методам его борьбы и не мог примириться с тем, что он отрицательно относился к социализму.

⁹ Герцен ожидал прибытия картин с изображением Натальи Александровны в гробу и ее похорон (см. письмо от 18 июня 1853 г., ошибочно датированное Лемке 1852 годом: «Прислали мне из Италии оставленные портреты и картину похорон». — VII, 64).

65

«Лондон.» 31 декабря 1852

Я на днях написал вам письмо — подумал, подумал и изорвал. А тут Эдмонд уверил, что так легко, так легко, что сто́ит подумать — и в Париже. Оно не так легко, теперь давай письмо Рот(шильд)у — так и быть, я письмо напишу, но где же, право, теревить Рот(шильда), и зачем же мне такую ношу благодарности брать на свои плечи? Ох, писал я, *pas trop de zèle**.

Далее я не сделаю шага. И отчего же (до сих пор не понимаю) Тесье так приехал... и отчего Эдм(онд) притесняет Рот(шильда), а не Браниц(кого)¹. Если из всего этого выйдет ничего, будемте с вами думать о том, как, напр(имер), к 1 марта вам сюда побывать или детям приехать. Я чувствую полнейшую необходимость соединить семью. На Нат(алью) Ал(ексеевну)² надежды невелики, Тат(ьяна) Ал(ексеевна)³ пишет, что дела их идут дурно, и пр. Кстати, вот вам записка в Россию. Письма присланные я прочитал с горячими слезами, превосходные письма... Итак, две женщины в Москве не утратили мужества иногда перекликнуться⁴. Заметьте, между прочим, что из этого ничего и не будет. У вас или у Ел(ены) Конст(антиновны)⁵ есть то письмо (список), которое Н. писала перед кончиной⁶. Пошлите список в Россию. Письмо это бесконечно важно.

Я пишу к Эдмунду, передайте ему да скажите, чтобы непременно переслал мне *sous bande*** те №№ «*Gazette des tribunaux*», где были процессы Бауэра⁷, пусть только франкируют, у вас это стоит копейки, а здесь шиллинги. Вещи и книги, посланные 1 декабря из Ниццы, не могу еще получить, когда получу, я пришлю что-нибудь для отправки Тат(ьяне) Алек(сеевне) из вещей. Прощайте. Я не в духе. Поздравлять с новым годом не буду. Бог с ним. Лучшее не будет, хуже нельзя быть. Написал еще длинное письмо «*Sur le servage en Russie*»***⁸, в котором обругал Гакстгаузена⁹. Жму руку Рейхелю. Подарили ли вы от меня что-нибудь Маше Хоец(кой)? Клан(яйтесь) Ст(анкевичам) и М(ельгунову).

Приписка к Тате:

А ты, Тата, стала очень спесива, пишешь мало, я не знаю еще от тебя, как тебе понравился Прудон; он славное дитя; как вы с ним играли? Я советую опять съездить.

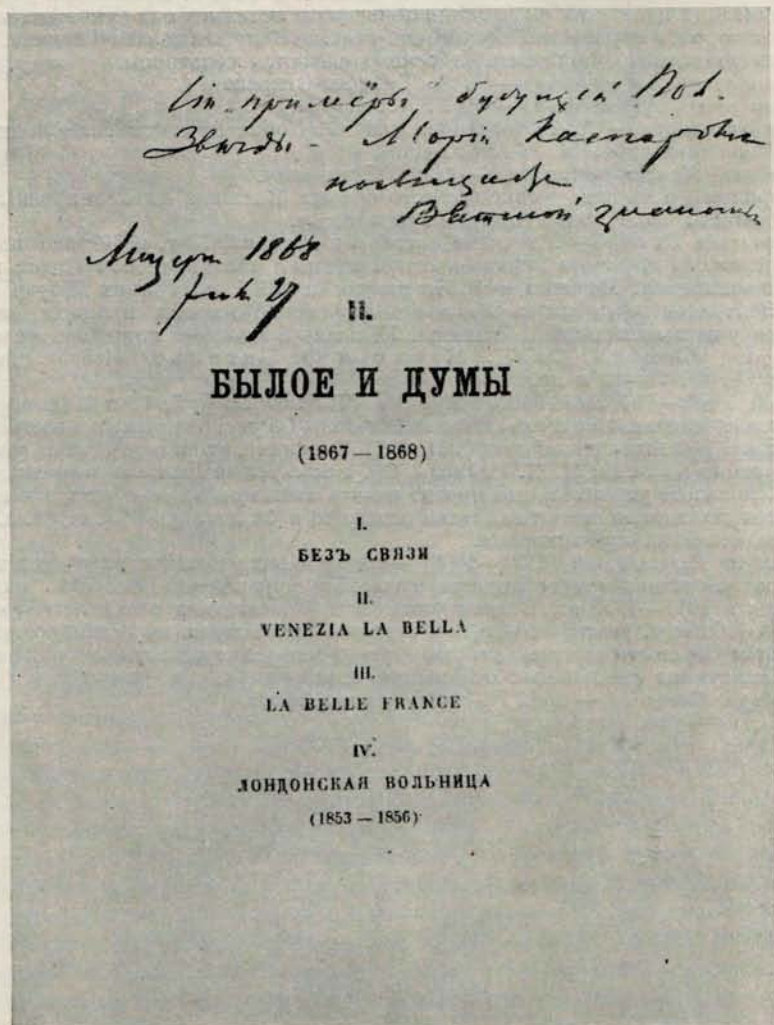
* без излишнего рвения (франц.).

** бандеролью (франц.).

*** «О крепостном праве в России» (франц.).

А любишь ли маленькую Мари Славянку?¹⁰

Кланяйся ей. Ее надобно называть Маруся-казачка, а Оленька — московская судомойка, а Мориц — Шмерц, а я — папа.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА М. К. РЕЙХЕЛЬ НА ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ Ч. VII «БЫЛОГО И ДУМ» («ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА», КН. VIII, ТИПОГРАФСКИЕ ЛИСТЫ)

«Сии «примёры» <первые плоды> будущей «Пол. звезды» — Марии Каспаровне посвящает вятский знакомый. Люцерн, 1868, июль 27»

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Приписка к М. К. Рейхель:

31 декабря

Я, мадам Рейшэль, передумал и посылаю письмо барону¹¹ и вам — делайте, как хотите; если он хочет только отвертеться, то оставьте письмо у себя, поговорите серьезно с Эдмундом. Если пошлете, то положите в пакет и запечатайте черным сургучом.

¹ Ксаверий Владиславович Браницкий, граф (1812—1879) — польский аристократ, офицер русской гвардии. В юные годы член оппозиционного «кружка шестнадцати», один из друзей Лермонтова, также входившего в этот кружок. В 1848 г.

Браницкий эмигрировал и вскоре занял положение одного из наиболее влиятельных членов аристократической части польской эмиграции. Он субсидировал орган А. Мицкевича «Трибуна народов» (см. «Былое и думы», XIII, 308). В Париже познакомился с Герценом. В 1861 г., благодаря своим связям, выхлопотал Герцену право приехать в Париж для свидания с дочерью Ольгой. В 1863 г. Браницкий дал средства для организации известной экспедиции польских повстанцев под руководством Лалинского, в которой, как известно, принимали участие Бакунин и сын Герцена. В 1873 г. он принял французское подданство и вскоре сделался сенатором.

² Нат<алья> Ал<ексеевна> — Н. А. Тучкова-Огарева.

³ Там<ьяна> Ал<ексеевна> — Т. А. Астракова.

⁴ Две женщины — Т. А. Астракова и М. Ф. Корш, продолжавшие поддерживать связь с Герценом через М. К. Рейхель.

⁵ Ел<ена> Конст<антиновна> — Е. К. Станкевич.

⁶ Вероятно, речь идет о списке с того письма Натальи Александровны Гервегу, которое должны были прочесть ему Гаут и Тесье.

⁷ Процессы Бауэра. — В течение октября и ноября 1852 г. в Кёльне происходил инспирированный прусским правительством процесс против членов Союза коммунистов, основанного К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1847 г. Генрих Бауэр являлся членом Центрального комитета Союза коммунистов. Во время процесса сам Бауэр находился уже в эмиграции в Лондоне. Кёльнский процесс подробно освещался в «Gazette des tribunaux». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. соч., 1941, т. II, стр. 5, 15, 17—19 и др.

⁸ В №№ 189—191 английского журнала «The Leader» от 5, 12 и 19 ноября 1853 г. была напечатана статья Герцена «Russian Serfdom» («Русское крепостничество»). Лемке сообщает, что рукопись не найдена (VII, 497). Очевидно, это и есть статья, упомянутая в публикуемом письме к М. К. Рейхель. Ср. также слова Герцена в письме от 23 декабря: «...в голове удивительный проект начать агитацию за освобождение крестьян». Следовательно, данная статья написана между 23 и 31 декабря 1852 г., т. е. почти на год ранее, чем была опубликована.

⁹ Август Гакстгаузен (1792—1866) — автор «Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России», изданного в 3-х частях в 1847—1852 гг. В этом сочинении Гакстгаузен восхвалял русскую деревенскую общину, усматривая в ней средство укрепления крепостничества. Герцен в «Русском крепостничестве» вскрыл реакционную сущность теории прусского барона, защитника феодальных отношений и николаевского деспотизма (VII, 378).

¹⁰ Мари Славянка — дочь К.-Э. Хсецкого, Маша.

¹¹ Барон — Дж. Ротшильд.